

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Председатель редакционного совета:

А.И. Бастрыкин, доктор юридических наук, профессор,
Председатель Следственного комитета РФ (г. Москва)

Члены редакционного совета:

А. Герлох, профессор Карлова университета в Праге (Чехия);

Л. Гоцян, профессор Китайского университета политических наук
и права (Китай);

В.А. Гуреев, доктор юридических наук, профессор, заведующий
кафедрой гражданского процесса и организации службы
судебных приставов ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

Н.Г. Иванов, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии ВГУЮ
(РПА Минюста России) (г. Москва);

М.Н. Илюшина, доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского
права ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

Л. Казертано, профессор частного права
Университета INSUBRIA (Италия);

А.Г. Кибальник, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса Северо-
Кавказского федерального университета (г. Ставрополь);

И.М. Колосова, кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовно-процессуального права
и криминалистики ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

А.А. Лебедева, доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой иностранных языков ВГУЮ
(РПА Минюста России) (г. Москва);

А.В. Морозов, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой информационного права, информатики
и математики ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва);

В.В. Оксамытный, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории государства
и права Института международного права и экономики
им. А.С. Грибоедова (г. Москва);

А.Ю. Соколов, доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой административного и муниципального права
Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов);

П.С. Яни, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
юридического факультета Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор:

О.И. Александрова, член редакционной коллегии,
кандидат юридических наук, доцент, ректор ВГУЮ
(РПА Минюста России) (г. Москва)

Заместитель главного редактора:

Б.В. Яцеленко, член редакционной коллегии,
доктор юридических наук, профессор, проректор
по научной работе ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва)

Ответственный секретарь:

Е.В. Фоменко, член редакционной коллегии, кандидат юридических
наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра научных
исследований ВГУЮ (РПА Минюста России) (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Д.А. Авдеев, кандидат юридических наук, доцент (г. Тюмень);

М.Б. Аверин, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

И.А. Алебастрова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Т.А. Батрова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

А.В. Безруков, доктор юридических наук, доцент (г. Красноярск);

Е.Г. Беликов, доктор юридических наук, доцент (г. Саратов);

Э.В. Богмацера, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

С.В. Борисов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Д.Х. Валеев, доктор юридических наук, профессор (г. Казань);

О.Н. Волкова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

Р.С. Галиев, кандидат юридических наук (г. Барнаул);

А.В. Денисова, доктор юридических наук, доцент (г. Самара);

О.В. Исаенкова, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

З.М. Казачкова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

В.И. Красиков, доктор философских наук, профессор (г. Москва);

К.Д. Крылов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Е.Б. Козлова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

В.В. Кулыгин, доктор юридических наук, профессор (г. Хабаровск);

В.Ф. Лапшин, доктор юридических наук, доцент (г. Рязань);

С.В. Максимов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Ю.В. Малеванова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

Р.Г. Нурмагамбетов, кандидат юридических наук, доктор философии
по праву PhD, доцент (ассоциированный профессор) (г. Челябинск);

Н.А. Подольный, доктор юридических наук, доцент (г. Казань);

А.Г. Репьев, кандидат юридических наук (г. Барнаул);

З.Б. Соктоев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Ю.Г. Торбин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

С.Е. Чаннов, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

С.Ю. Чашкова, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

К.В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

А.Ю. Чупрова, доктор юридических наук, профессор (г. Москва)

Учредитель издания:

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Всероссийский государственный
университет юстиции (РПА Минюста России)»

© Вестник Российской правовой академии, 2020

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации № 77–15470 от 20 мая 2003 г.

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной
правовой системы «КонсультантПлюс».

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL COUNCIL

Chairman of the Editorial Council:

A.I. Bastykin, Doctor of Law, Professor, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation (Moscow)

Members of the Editorial Council:

A. Gerloch, Professor, Charles University in Prague (Czech Republic);

L. Gotsyan, Professor, China University of Political Science and Law (China);

V.A. Gureev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Procedure and Organization of the Bailiff Service, All-Russian State University of Justice (Moscow);

N.G. Ivanov, Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, All-Russian State University of Justice (Moscow);

M.N. Ilyushina, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil and Business Law, All-Russian State University of Justice (Moscow);

L. Kazertano, Professor of Private Law, University of Insubria (Italy);

A.G. Kibalnik, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure, North Caucasian Federal University (Stavropol);

I.M. Kolosova, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics, All-Russian State University of Justice (Moscow);

A.A. Lebedeva, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Languages, All-Russian State University of Justice (Moscow);

A.V. Morozov, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Information Law, Informatics and Mathematics, All-Russian State University of Justice (Moscow);

V.V. Oksamytny, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Institute of International Law and Economics named after A.S. Griboedov (Moscow);

A.Yu. Sokolov, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Municipal Law, Saratov State Law Academy (Saratov);

P.S. Yani, Doctor of Law, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University (Moscow)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Chief Editor:

O.I. Aleksandrova, Member of the Editorial Board, PhD in Law, Associate Professor, Rector of All-Russian State University of Justice (Moscow)

Deputy Chief Editor:

B.V. Yatselenko, Member of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Research, All-Russian State University of Justice (Moscow)

Executive Secretary:

E.V. Fomenko, Member of the Editorial Board, PhD in Law, Associate Professor, Leading Researcher at the Center for Scientific Research, All-Russian State University of Justice (Moscow)

Members of the Editorial Board:

D.A. Avdeev, PhD in Law (Tyumen);

M.B. Averin, PhD in Law (Moscow);

I.A. Alebastrova, Doctor of Law (Moscow);

T.A. Batrova, Doctor of Law (Moscow);

E.G. Belikov, Doctor of Law (Saratov);

A.V. Bezrukov, Doctor of Law (Krasnoyarsk);

E.V. Bogmatsera, PhD in Law (Moscow);

S.V. Borisov, Doctor of Law (Moscow);

S.E. Channov, Doctor of Law, Professor (Saratov);

S.Yu. Chashkova, PhD in Law (Moscow);

K.V. Cherkasov, Doctor of Law (Moscow);

A.Yu. Chuprova, Doctor of Law, Professor (Moscow);

A.V. Denisova, Doctor of Law (Samara);

R.S. Galiev, PhD in Law (Barnaul);

O.V. Isaenkova, Doctor of Law, Professor (Saratov);

Z.M. Kazachkova, Doctor of Law, Professor (Moscow);

V.I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor (Moscow);

K.D. Krylov, Doctor of Law (Moscow);

E.B. Kozlova, Doctor of Law (Moscow);

V.V. Kulygin, Doctor of Law, Professor (Khabarovsk);

V.F. Lapshin, Doctor of Law (Ryazan);

S.V. Maksimov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

Yu.V. Malevanova, PhD in Law (Moscow);

R.G. Nurmagambetov, PhD in Law (Chelyabinsk);

N.A. Podolny, Doctor of Law (Kazan);

A.G. Repev, PhD in Law (Barnaul);

Z.B. Soktoev, Doctor of Law (Moscow);

Yu.G. Torbin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

D.Kh. Valeev, Doctor of Law, Professor (Kazan);

O.N. Volkova, PhD in Law (Moscow)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующей им отрасли науки: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве (юридические науки), 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право (юридические науки), 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки), 12.00.04 – Финансовое право; налоговое право; бюджетное право (юридические науки), 12.00.05 – Трудовое право; право социального обеспечения (юридические науки), 12.00.06 –

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право (юридические науки), 12.00.07 – Корпоративное право; энергетическое право (юридические науки), 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовноисполнительное право (юридические науки), 12.00.09 – Уголовный процесс (юридические науки), 12.00.10 – Международное право; Европейское право (юридические науки), 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность (юридические науки), 12.00.12 – Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность (юридические науки), 12.00.13 – Информационное право (юридические науки), 12.00.14 – Административное право; административный процесс (юридические науки), 12.00.15 – Гражданский процесс; арбитражный процесс (юридические науки).

Published articles express the authors' opinion, which may not coincide with the point of view of the editorial office of the journal. The editors reserve the right to make changes and abbreviations. Full and partial reprinting of materials is possible with the written permission of the editorial office.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА.
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Красиков В. И., Фоменко Е. В.

Группы ненависти в Рунете: ареалы
интернет-распространения и типология.....5

Богмацера Э. В., Ерыгин А. А.

Принципы формирования и деятельности
советов безопасности субъектов
Российской Федерации..... 28

Калянова Ю. Г.

Модели реализации органами государственной
власти субъектов Российской Федерации
полномочий в области организации местного
самоуправления как инструмент эффективного
взаимодействия органов государственной власти
и органов местного самоуправления в системе
публичной власти 35

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Денисова А. В.

Преступления в сфере финансовых рынков
по законодательству России, США
и Великобритании: сравнительно-правовой
анализ 45

Батюкова В. Е.

Сравнительно-правовой анализ законодательной
регламентации преступлений экстремистской
направленности (на примере Модельного
Уголовного кодекса, уголовных кодексов
республик Азербайджан и Армения)..... 52

Воронин В. Н.

Казус при дефектах оказания медицинской
помощи и его уголовно-правовая оценка..... 60

Минакова О. В.

Историческая обусловленность
уголовно-правовой охраны безопасности
при ведении строительных или иных работ 67

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Шергунова Е. А.

Правовой статус страхового омбудсмена
в России 73

ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ
И ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ.
ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
РЕКОМЕНДАЦИИ ПРАКТИКУЮЩИХ ЮРИСТОВ

Смоляков П. Н.

Сроки давности в УК РФ и КоАП РФ:
современная проблематика 82

Артамонов А. Н.

Техника правотворчества
как способ совершенствования
общественных отношений..... 87

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Синяева М. И.

Пожилый возраст субъекта преступления
как смягчающее обстоятельство..... 95

Корнеев С. А.

Сущность и формы реализации
уголовной ответственности в соответствии
с российским уголовным законом 102

Кухтурская Е. А.

Использование электронных доказательств
в цивилистическом процессе:
проблемы теории и практики 110

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, ПЕРСОНАЛИИ

Яцеленко Б. В.

Историческое произведение профессора
А. В. Наумова как явление отечественной
правовой культуры..... 118

CONTENT

PHILOSOPHY OF LAW. LEGAL POLICY. THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Vladimir I. Krasikov, Elena V. Fomenko
Hate Groups in Russian Internet:
Areas of Internet Distribution and Typology5

Eduard V. Bogmacera, Alexey A. Erygin
Principles of Formation and Activity
of Security Councils of the Constituent Entities
of the Russian Federation 28

Julia G. Kalyanova
Models of Exercising Powers of Organising Local
Self-Government by Government Authorities
of Territorial Subjects of the Russian Federation
as a Mechanism of Efficient Interaction Between
Government Authorities and Local Self-Government
Agencies in the Public Administration System 35

PUBLIC LAW: THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Anna V. Denisova
Crimes in Financial Markets in Russia,
the United States of America and Great Britain:
Comparative Legal Analysis 45

Vera E. Batyukova
Comparative Legal Analysis of the Legal Regulation
of Extremist Crimes (Using the Model Criminal Code
and the Criminal Codes of the Republics
of Azerbaijan and Armenia as an Example) 53

Vyacheslav N. Voronin
Kazus in Defects in the Provision of Medical Care
and its Criminal Legal Assessment 60

Olga V. Minakova
Historical Conditionality of Criminal
and Legal Safety Protection During Construction
or Other Works 67

ACTUAL ISSUES OF PRIVATE LAW

Elena A. Shergunova
The Legal Status of the Insurance
Ombudsman in Russia 74

PROVISION OF FREE LEGAL AID AND LEGAL EDUCATION OF THE POPULATION. LEGAL EDUCATION. RECOMMENDATIONS OF PRACTICING LAWYERS

Pavel N. Smolyakov
Statute of Limitations in the Criminal Code and
Administrative Code of the Russian Federation:
Current Issues 82

Alexey N. Artamonov
Law-Making Techniques as a Way to Improve
Public Relations 87

PROCEEDINGS OF YOUNG SCIENTISTS

Maria I. Sinyaeva
Older Age of the Offender as a Mitigating
Circumstance 96

Sergey A. Korneev
The Essence and Forms of Implementation
of Criminal Liability in Accordance
with Russian Criminal Law 102

Catherine A. Kukhturskaya
The Use of Electronic Evidence in Civil Procedure:
Problems of Theory and Practice 111

REVIEWS, PERSONALITIES

Boris V. Yatselenko
Historical Work of Professor A. V. Naumov
as a Phenomenon of Russian Legal Culture 118

ГРУППЫ НЕНАВИСТИ В РУНЕТЕ: АРЕАЛЫ ИНТЕРНЕТ-РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ТИПОЛОГИЯ*

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-4-5-27>

Научная актуальность проведенного исследования определяется отсутствием теоретического анализа новых форм неполитических радикальных идей в цифровом пространстве Рунета, чреватых потенциальным экстремизмом. Его предметом выступают основные проявления неполитической активности деструктивной ориентации, а целью – их классификация и определение степени социальной вредности. Методология проведенного исследования включала в себя элементы как эмпирического, так и теоретического анализа. На основе проработки современной теоретической литературы по исследуемой тематике разработан комплекс критериев для идентификации интернет-сообществ, которые можно отнести к «группам ненависти». По соответствующему составленному тезаурусу проведен интернет-поиск при помощи как общих поисковых систем (Google), так и специальной программы поиска в социальных сетях (ВКонтакте). Полученный в итоге большой массив эмпирической информации был упорядочен и концептуализирован, а выявленные группы ненависти сопоставлены по ранее выработанным критериям. Новизна статьи заключается в критериальном и типологизирующем анализе систематически ранее не исследованного фрагмента радикальной активности в Рунете. В итоге разработан категориально-критериальный аппарат для выявления радикальных неполитических интернет-сообществ; установлены адресования их интернет-распространения; сопоставлены их общие и отличные признаки; определена шкала их социальной вредности. Материалы статьи могут заинтересовать как ученых-обществоведов (право, политология, социология, социальная философия), так и специалистов в сфере государственного управления и безопасности.

КРАСИКОВ

Владимир Иванович

доктор философских наук,
профессор, главный научный
сотрудник Центра научных
исследований Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Москва)

KrasVladlv@gmail.com

ФОМЕНКО

Елена Владимировна

кандидат юридических наук,
доцент, ведущий научный
сотрудник Центра научных
исследований Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Москва)

89266006361@mail.ru

**Группы ненависти;
маскулисты;
радфемы;
скулшутеры;
троллинг;
А.У.Е.;
догхантеры;
типология радикальных
интернет-сообществ**

Vladimir I. KRASIKOV

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor, Chief Researcher, Center for
Scientific Research, All-Russian State
University of Justice (Moscow)

KrasVladlv@gmail.com

Elena V. FOMENKO

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Leading
Researcher, Center for Scientific
Research, All-Russian State University
of Justice (Moscow)

89266006361@mail.ru

HATE GROUPS IN RUSSIAN INTERNET: AREAS OF INTERNET DISTRIBUTION AND TYPOLOGY**

The authors believe that their article is relevant because it explores new forms of non-political radical ideas on the Russian internet. The subject of the research is the main manifestations of non-political activity of a destructive orientation. Its purpose is to classify and determine the degree of social harmfulness of this activity. The authors applied techniques of both empirical and theoretical analysis. First, they developed a set of criteria for identifying non-political radical Internet communities. They then conducted an Internet search for such communities using general and special search programs and a corresponding thesaurus.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований в рамках научного проекта № 20-011-31650.

** Funding: The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, project No. 20-011-31650.

**Hate groups;
movement for men;
radical feminists;
school shooters;
trolling;
A.U.E.;
dog hunters;
typology of radical Internet
communities**

As a result, they received a large array of empirical information, which they then ordered and conceptualized according to previously developed criteria. They believe that new in their research is the development of criteria and classification of scantily explored forms of non-political radicalism in the Russian Internet. As a result, they developed a categorical criterion apparatus for identifying Internet communities that can be classified as "hate groups". Then they identified the addresses of their Internet distribution. And finally, they determined the scale of social harmfulness of such communities. They hope that the materials of the article may be of interest to social scientists and governmental managers, as well as specialists in security problems.

Введение

Содержание российского сегмента Интернета неоднократно становилось объектом рассмотрения – с лингвистической, культурологической, социологической, политологической, философской и других точек зрения. Особенно пристально исследовались его радикальные фрагменты, потенциально опасные с позиции общественной безопасности. Причем здесь налицо неравномерное распределение приоритетов. Львиная доля усилий направлена на анализ ярко выраженных политических форм радикализма: политико-религиозного толка (прежде всего квази-исламский экстремизм), политико-националистического характера (шовинизм, сепаратизм и пр.), протестных движений системной и несистемной оппозиции.

Между тем в последние два десятилетия появились новые радикальные интернет-сообщества, которые мотивированы в своем появлении и другими важными аспектами человеческого существования помимо политического, националистического или религиозного, такими как гендерный, возрастной, личностно-психологический и др. Их роднит с политическими формами радикализма интенсивно проявляющиеся в их активности профили ненависти к определенным группам людей; отличает же – отсутствие определяющей политической вовлеченности. Подобные сообщества, группы приобрели, особенно в последнее время, большой и довольно негативный медийный резонанс, однако остаются вне поля внимания специального теоретического анализа, пребывая в основном в сфере публицистического дискурса. Это обуславливает научную актуальность и значимость предлагаемого исследования.

Степень изученности

Как уже было отмечено, существует большое количество работ, посвященных отслеживанию распространности политического, националистического и религиозного экстремизма и терроризма в интернет-сообществах, анализу их общих особенностей [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16]. Причем большая их часть сосредоточена на повторяющихся

аспектах: нарушениях информационной безопасности, корыстных преступлениях, совершенствовании правовых инструментов борьбы с ними, медиа и лингво-психологических особенностях экстремистской политической пропаганды в Сети. Есть отдельные работы, описывающие некоторые радикальные неполитические сообщества в Рунете [17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26; 27; 28], однако отсутствуют аналитические и систематизирующие исследования, критериально обосновывающие самостоятельное качество данного феномена, в отличие от явно политизированных и протестных интернет-сообществ.

Цель, задачи

Целью данного исследования является разработка критериев и типологии современных форм неполитической радикальной активности (групп ненависти) в цифровом пространстве Рунета. Реализация поставленной цели предполагает последовательное решение ряда задач. Сначала, полагаем, следует определиться с методологией исследования, включающей в себя выбор и обоснование ключевого концепта-критерия, с помощью которого можно очертить направления и границы поиска соответствующего эмпирического материала в Интернете. Это позволит получить большой массив информации, анализ которого приведет к отсеиванию известной его части – для формирования гомогенного состава, более точно подходящего исходной цели исследования. Следствием подобного анализа будет формулирование дополнительных критериев, которым должны отвечать отобранные интернет-объединения. В итоге мы сможем остановиться на ряде групп, которые могут считаться типичными выразителями того явления, которое и стало фокусом усилий нашего поиска и определительной работы. Однако это станет лишь стартом дальнейшего типологического анализа, задача которого – сопоставление выявленных групп по ряду общих мировоззренческих, социальных, организационных и лингвистических параметров. Его следствием явится реализация еще одной задачи – построения шкалы социальной вредности выявленных

групп ненависти и обсуждения возможных путей купирования их идеологии и деятельности.

Методология исследования

Как видно из представленных задач, их реализация потребует использования как теоретических, так и эмпирических приемов исследования.

К числу первых можно отнести категориально-критериальный анализ – разработку основного и дополнительного критериев отбора материала, составление тезауруса; критический дискурс-анализ – исследование изменений дискурса, выводы о модальностях коммуникативного поведения и преобладающих его темах (выявление паттернов активности групп); комплексно-процессуальный метод – исследование лингвистических особенностей субкультурных языков, их модификаций; метод сравнительно-психологического и типологического анализа.

Методы эмпирического исследования, используемые в настоящем исследовании, – это сбор материала при помощи общих (*Google*) и специальных поисковых программ [29], информационно-поискового тезауруса; анализ текстового материала и продуктов коммуникативной деятельности, в частности контент-анализ (программа *TextAnalyst*).

Центральный концепт-критерий

Количество определений понятия ненависти необъятно. И это вполне ожидаемо от попыток дефинирования столь базовой человеческой эмоции. Мы выбрали определение А. Ребера [30]: это «глубокая, длительная, интенсивная эмоция, выражающая злость и враждебность к человеку, группе или объекту», она «характеризуется (а) желанием причинить вред или боль объекту эмоции (б) чувствами удовольствия от неудач объекта». Выбор обусловлен удачной и краткой атрибуцией основных качеств: интенсивность, длительность и захваченность людей этим чувством. Так, другие исследователи либо указывают не все, в целокупности эти важные характеристики, а по отдельности [31], либо включают в определения «ненависти» мало поясняющие метафоры (например, «крайний гнев, отвращение» и т.п. [32, с. 166]).

Понятие «ненависть», как, впрочем, и любое другое подобного уровня общности, может быть использовано в каком угодно дискурсивном контексте (обыденном словоупотреблении, публицистике, этике, психологии, метафизике, литературе и пр.), равно как и являться аспектом многих взаимоотношений – как личностных, так и групповых (в политике, экономике, религии и пр.). Ясно также, что на ненависти отчасти базируются и политически ориентированные группы традиционных форм экстремизма и терроризма, однако, как оказывается, ненависть имеет и вполне сильные неполитические мотивы, ориентиры.

Особенность нашего исследования заключается в поиске и анализе активности тех специфических групп (интернет-сообществ), у которых именно ненависть является системообразующим началом и основным идентификационным отличием. Главный критерий, по которому мы их выделяем, – ненависть как основообразующее для них начало; это стержень и смысл их существования. На первом плане у них не политика, религия, этнос, спорт (футбольные фанаты) или же свобода информации (хакеры), а интенсивное желание поражения в правах своего противника и самоутверждение посредством этого. Причем желание это является самодостаточным, а не есть аспект или же следствие общей мировоззренческой, политической позиции: как расизм или антисемитизм – в виде своего рода «приложения» или же эмоционально-враждебного фона в деятельности правых радикалов.

Особенности сбора эмпирического материала

Исследование проводилось в виде ручного интернет-поиска по заранее составленным и уточняемым в ходе практики тезаурусам с использованием как общих поисковиков (*Google*), так и специальных программ на базе социальных сетей (преимущественно ВКонтakte, отчасти *Twitter*, *Одноклассники*, *YouTube*) в феврале–апреле и июле–октябре 2020 г. По всей вероятности, немалая часть этих сообществ заняла свою нишу и в *DarkNet*, но в данной статье будет рассмотрена их деятельность в легальном сегменте всемирной паутины.

Как выяснилось, ненависти в Интернете и социальных сетях очень много. Это буквально море, в котором можно утонуть. Однако существуют интернет-сообщества, которые могут либо довольно интенсивно пользоваться риторикой ненависти, либо быть заподозрены в таковой, не являясь все же «группами ненависти». Об этом следует сказать несколько поясняющих слов.

Прежде всего было бы странным не сказать о мизантропии и мизантропических сайтах, претендующих на ненависть ко всем людям (человечеству в целом) в качестве, так сказать, «жизнеобразующей философии». Гуляет по Интернету даже специальный термин, как это часто бывает – русский англицизм, их обозначающий, – «пиплхейтеры». По слову «ненависть» ВКонтakte можно найти 191 группу. Правда, действительно мизантропичны не все: много околорасистских, околонацистских объединений (к примеру, «Ненависть и Злость»: <https://vk.com/club150412760>) или же групп, объединенных ненавистью по конкретным поводам (к «Дому-2», гопникам, бюрократам, коррупционерам, пробкам и многому другому). Однако все же 10–20% пабликов – точно законченные мизантропы (к примеру, «Ненависть»: <https://vk.com/public23682336> – 4017 участников).

Запрос по слову «мизантропия» дал более однородные сообщества (30 групп) типа «Записки Мизантропа» (<https://vk.com/public54585475> – 2276 участников) или «Грязные мизантропы» (<https://vk.com/club439564> – 110 участников), часто с довольно откровенным скоморошеством: «давно я что то не наведывался, вы... куски мяса, если вы за этот день хотя бы в уме не намотали ничьи кишки на люстру – день прошел зря, вы помните?» (здесь и далее приводятся названия и цитаты из Рунета с сохранением авторской лексики, грамматики и пунктуации).

По «дружественным» ссылкам можно выйти на меланхоличные «Депрессяшки» (<https://vk.com/depressyashki>) с впечатляющими 78 тыс. подписчиков, а также филиалами в *Telegram* и *Twitter*, или же родственный паблик «Каждый умирает в одиночку» (https://vk.com/jeder_stirbt_allein – 1444 подписчика).

После знакомства с их контентом, однако, убеждаешься все же в их общей социальной безвредности, несмотря на весь буффонадный *hate speech*. Здесь присутствует скорее безвредная «чистая» ненависть, трансформирующаяся в едкий сарказм и могильный юмор, потому и без больших последствий для объекта ненависти, ибо он здесь огромен, включая в себя всех, кто сильно раздражает, а таковых не только много, но и они постоянно калейдоскопически сменяют друг друга. Потому жало ненависти тупит, часто обращаясь на себя само же.

Футбольные фанаты, многочисленные сообщества которых также отличаются эскападами, живут все же спортом, не ненавистью, как и некоторые национально-культурные интернет-сообщества неполитического характера, имеющие зачастую явственные аспекты ненависти к другим этническим группам, которые все же не являются для них определяющими.

Отдельно стоит проблема фейковых сообществ типа так называемых групп смерти, спровоцировавших большой медийный резонанс, родительские тревожения и даже пристальный исследовательский интерес [33; 34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42]. Знакомство с материалами вызывает много вопросов, прежде всего относительно субъектности пабликов.

Что собой представляют все эти «f57 Suicide 18+», «Белый кит», «Разбуди меня в 4.20», «I cut myself», «Скорби Душа Моя», «Некрес Психес», «Инсайдеры», «Море Китов» параллельно с сотнями их клонов? Содержание однотипно: психоделика, шок-контент, таинственность, многозначительность, раздача номеров на смерть, тематические игры с загадками. Кто не отгадывал, что значат странные символы, тот должен был симитировать самоубийство, опубликовав прощальный пост. Ясно, что некоторые могли воспринять эти игры всерьез, что крайне печально. Однако главное здесь в том, что в этих группах отсутствовала, как правило, совместно формируемая, на основе

ценностно-смыслового консенсуса, общая повестка – и дискуссий, и самих объединений. Многие исследователи согласны с мнением, что это скорее ролевые игры модераторов (под псевдонимами Филипп Лис, Мирон Сетх, Адам Бер, Ева Рейх и др.) с прицелом на хайп, где дети, подростки скорее манипулируемые. Подобные игры типа «нетсталкинга» эксплуатируют традиционно существующие у младших подростков практики ритуального испытания страхом [40], в отличие, кстати, от других молодежных интернет-сообществ, о которых речь пойдет далее.

Наконец, еще о некоторых группах, которым вменяется некая негативная энергетика, но также не являющихся по своей сути группами ненависти. Это так называемые падонки. Их субкультура, целиком связанная с Интернетом, привлекла к себе массовое внимание прежде всего за счет специфической формы сетевого общения – намеренного искажения правописания и постоянного вызывающего использования обесцененной лексики. «Речевой портрет» падонка дополняет подчеркнутый интерес к «низким» темам, связанным с насилием, сексом, отправлением физиологических потребностей (основные ресурсы в Рунете: Ресурс Удава: <http://udaff.com/>; Литпром. На страже духовности: <http://litprom.ru/>). Основой падоночества как контркультурного феномена полагают сочетание внутренней независимости от социума при внешнем приспособлении к нему. Исследователи определяют «креативы» падонков как форму «мужской» протестной литературы [43; 44].

Также это сообщество пранкеров (Prank.Ru: <https://prankru.net/>), находящих особую прелесть в телефонных и интернет-розыгрышах, в некой «мирной» и даже идеологически мотивированной [45] разновидности троллинга, о котором речь впереди.

Однако ни падонков, ни пранкеров невозможно отнести к группам ненависти. Они не ненавидят остальных, какие-то особые группы людей (разве что конформизм, обывательщину, банальность, корпоративное рабство, худшие формы социальной власти). Может, они изрядно издеваются, ерничают, но вряд ли ненавидят.

Подлинные же группы ненависти, объединяющиеся действительно на основе сильнейшей профильной эмоции против определенных категорий других людей, были выявлены в итоге по наличию в их названиях слов-маркеров, соответствующих их лексике: «маскулизм», «альфа», «мужское движение» (государство, путь, территория и т.п.), «инцелы», «феминизм», «чайлдфри», «женское движение» (власть, революция и т.п.), «сестринство», «пацаны», «братва», «шмары», «гопота», «жизнь ворам», «ненавижу школу», «уничтожим школы», «убить училку», «троллинг», «антизоофашизм», «реалистическая зоозащита» и некоторые другие.

Следует сказать, что условия поиска подобных групп изменились в последние два года – из-за политики блокировок Роскомнадзора, принявшего меры борьбы против них [46]. Он, по сути, вывел из легального оборота интернет-лейблы, прямо указывающие на профиль объединений, успевших дискредитировать себя в сравнении с более ранними исследованиями (2014–2018 гг.) этих групп [27]. Такие слова, как «скулшутинг», «а.у.е.», «догхантер» и некоторые другие, бывшие ранее маркерами этих сообществ, сейчас просто табуированы в легальном интернет-обороте, что в известной степени затруднило поиск. Потому пришлось использовать косвенные слова уже второго смыслового эшелона.

В итоге были выявлены «кусты» подобных групп, относящихся к какой-то общей категории, численность подписчиков с особым указанием наиболее массовых из них, установлены особенности коммуникативной активности этих деструктивных объединений.

Также описанный процесс сбора эмпирического материала привел к возможности сформулировать дополнительные критерии для выявления групп ненависти: устойчивое и четко-однозначное адресование ненависти; самостоятельность (субъектность) и дееспособность большинства; относительная стабильность смысловой тематики во времени (при возможном частом смене адресов), массовость. Это сообщества с какой-то совместно обсуждаемой платформой, общими мемами, устоявшимися объединительными образами, стилями мышления.

Ареалы и масштабы интернет-распространения групп ненависти

Под заданные критерии удалось выявить следующие характерные типы современных интернет-сообществ, которые можно отнести к «группам ненависти» неполитической ориентации:

- маскулисты и примыкающие к ним инцелы;
- радфемы (радикальные феминистки);
- тролли (хейтеры);
- сообщества криминализованной молодежи (А.У.Е. и др.);
- скулшутеры (колумбайнеры);
- догхантеры.

Остановимся на них более подробно.

Отношения полов, как известно, амбивалентны. Известной части людей, особенно молодежи, часто не удается найти удовлетворительные отношения с противоположным полом. И интернет-коммуникации создают невиданные ранее возможности для их объединения в особые сообщества с явно радикальными взглядами, которые часто могут переходить в соответствующее радикальное уже офлайн-поведение.

Так, это интернет-сообщества, выступающие в защиту мужчин, против неравноправного их положе-

ния в сравнении с женщинами и манипуляций со стороны последних.

До интернетовского формата они возникли в 60–70-х гг. XX в. на Западе – в контексте реакции на победоносное шествие феминизма. С появлением Интернета они получают и здесь устойчивую прописку (<https://avoicemen.com/>); также довольно быстро были воспроизведены и в Рунете.

Их основные современные интернет-локации

Судя по нашим данным, основная часть мужских сообществ радикальной направленности¹ пребывает в социальной сети ВКонтакте, хотя надо иметь в виду, что, как правило, у каждого из них есть десятки двойников, а также филиалы в основных интернет-каналах (*Telegram, Facebook, YouTube, Twitter, Instagram*). Ключевыми словами для поиска групп ВКонтакте были: «мужской», «маскулист», «альфа», «патриархат», «инцел» и некоторые другие.

Еще в апреле 2020 г. явным лидером среди них был паблик («Мужское государство»: <https://m.vk.com/patriarchat> – 160 тыс. подписчиков) в главе с медийно известным Владиславом Поздняковым, получившим условный срок за разжигание ненависти. Сообщество заблокировано Роскомнадзором, однако, похоже, его участники мигрировали в другие, вполне открытые, хотя и с теми же идеями. В итоге за несколько последних месяцев (апрель–июль 2020 гг.) они существенно приросли составом.

Это «1337 cons» (https://m.vk.com/godnota_txt) – рост с 113 до 126 тыс. подписчиков; куст объединений под лейблом «Альфа» (имеется в виду альфа-самец): «Alpha. Настоящий мужчина» (<https://m.vk.com/truealfa>) – рост с 45 до 70 тыс. подписчиков; «ALPHA MEMES» (<https://vk.com/mansmemes>) – 22 тыс. подписчиков и еще два сайта «ВК»: «Альфа Основа» и «Альфа Новости»; паблик «Тыжемужик. Не мужил – не служил» (https://m.vk.com/kokoko_man_must) – рост с 60 до 62 тыс. подписчиков; объединение «Мужское Движение» (<https://vk.com/mensrights>) – 36 тыс. подписчиков в июле; паблик «Национал-патриархат» (<https://m.vk.com/natiopat>) – 33 тыс. подписчиков в апреле, в июле заблокирован; YouTube-канал «Руслан Галеев. Мужское движение» (<https://www.youtube.com/user/RuslanGalyaevMusic>) – 30 тыс. подписчиков в августе; паблик «Мужской Путь» (https://vk.com/mans_way2018) – 22 тыс. подписчиков в июле; *Telegram*-канал белых патриархальных угнетателей (<https://t.me/tg1337const>) – 20 тыс. подписчиков в июле; «Противоядие/Мужское счастье» (https://vk.com/antidote_for_

¹ Следует особо оговорить, что предметом нашего рассмотрения является только традиционалистская часть российских маскулистов (но самая большая по численности среди других), именно которую и можно отнести к группам ненависти. Кроме того, есть «эгалитаристы» и «левые».

man) – 10,5 тыс. подписчиков. Им нет числа. Более мелкие сообщества по составу – «Территория свободных мужчин», «Эгалитарное мужское движение», «Маскулист», «Разумный Маскулизм» и т.п.

У многих из них есть свои структуры, многочисленные региональные отделения, их отличает оппозиционное отношение к власти, однако главный их враг – «реальный матриархат в стране».

Несколько комичным выглядит ответвление «мужского движения» «инцелы» (от англ. *involuntarily celibate* – недобровольно воздерживающиеся от секса). Сегодня это комьюнити гетеросексуальных молодых мужчин, считающих, что в том, что у них нет секса, виноваты женщины и нужны чуть ли не административные меры для восстановления справедливости. В России, правда, оно не столь популярно: не в нашей традиции апеллировать к властям и общественности по поводу личных сексуальных неудач. В социальной сети ВКонтакте насчитывается 13 сообществ, идентифицирующих себя как «инцелы» и насчитывающих от 1614 до 21 подписчика. Наиболее отчаявшиеся назвали себя симптоматично – «Злые инцелы» (<https://vk.com/public170112366>). Интересно, маскулисты относятся к инцелам снисходительно – как к мальчикам, у которых «не получается»: наставляют и успокаивают.

Общий тон содержания их контента: проклятые феминистки, у женщин завышенные стандарты в отношении мужчин, ущемляемые права мужчин, прежде всего отцовства, и их страдания.

Противостоят маскулистам, инцелам и другим «тыжемужикам» не менее решительные представители противоположного пола – радикальные феминистки (радфемы). От вполне почтенных суфражисток и либеральных феминисток их отличают именно радикальные, если не сказать «экстремистские», взгляды. Удивительно, что на подобный экстремизм как мужского, так и женского толка практически не обращают исследовательского внимания современные гуманитарии. Это как бы слепое пятно восприятия.

Основные современные интернет-локации радфемов

Медийная активность радикальных феминисток, вызывающая общественный резонанс и пристальный интерес молодежи, на порядок выше, чем у их оппонентов, и столь же, если не более, агрессивна: виртуальное появление в их социальной группе пользователя с мужским «ником» (в данном случае исследователя) вызывает немедленный ответ модератора, матерно предлагающего убираться восвояси как можно скорее.

Они имеют интернет-сайт «Информационный портал женского освободительного движения», российский филиал международного (<http://womenation.org/?s=%D0%9A%D0%94-16>), с большими инфор-

мационными ресурсами и с сопровождающим обширным тезаурусом их ключевых терминов-паттернов – с соответствующими идеологическими разъяснениями («Путь Лисистраты» – радикально-феминистский сайт: <http://leonatus.ucoz.ru/>). Подобный академизм не ведет к ожидаемым рациональности и рассудительности, ненавистью к «насильникам» буквально пропитаны их интернет-страницы. Основные площадки групп радикальных феминисток, как и остальных групп ненависти, находятся все же в социальной сети ВКонтакте, которая в наибольшей степени по своей организации является площадкой свободного онлайн-общения и консолидации. Ключевыми словами для поиска групп ВКонтакте были: «феминизм», «чайлдфри», «сестринство», «женская» и некоторые другие.

Наиболее крупная найденная нами здесь группа – «#Щастьебытьженой», сообщество глубоко разочарованных в браке женщин (https://vk.com/prelesti_braka), – 29 тыс. подписчиц. По запросу «чайлдфри» (жизнь без детей – это радость) – 20 групп от 17 тыс. подписчиц («Чайлдфри»: <https://vk.com/public37299503>). По слову «феминизм» – 29 пабликов от 4 тыс. подписчиц (<https://vk.com/public7879643>), «Proud of Being a Womyn» (https://vk.com/proud_of_being_a_womyn). Есть также Telegram-канал «Женская власть» (https://tgrm.su/channels/blogs/vlast_zh) – 31 тыс. подписчиц. Контент подобных групп сводим к ненависти, выраженной в крайне обесцененной лексике – «мужлишки», «рептилоиды», «плодячки», и распирающей гордости за свою уникальную идентичность.

Помимо сексуально-половой тематики определенную группу людей, имеющих выраженные нарциссически-психопатические и садистические наклонности, сильно занимает троллинг. Он-лайн троллингом называют речевую провокацию с целью эскалации коммуникативного конфликта. Причем троллям нужен не сам по себе конфликт, а агрессивное самоутверждение и подавление других. Многие источники датируют зарождение троллинга 80–90 гг. XX в. [19, с. 30]

Интернет-тролли стали образовывать собственные сообщества и организации, делясь опытом по наиболее эффективному разжиганию конфликтов. Казалось бы, негласным правилом троллинга является виртуальная анонимность, и мы полагали, что могут быть сложности в их исследовании и выявлении конкретных интернет-сообществ троллей. Но все оказалось проще.

Похоже, Роскомнадзору не хватает времени на всех: блокируют тех, кто либо прямо связан с политикой, либо вызывает общественный резонанс. Здесь же в основном сводят личные счеты, помимо, конечно, троллинга коммерческого (астротурфинга). Ключевыми словами для поиска групп троллей «ВКонтакте»

те» были: «троллинг», «флейминг», «кибербуллинг», «анонимус», «mr. Freeman» и некоторые другие.

Тролли, как оказалось, особо и не скрываются. По прямому запросу «троллинг» в названии сообщества только в Москве нашлось 100 групп, число подписчиков в которых от 1 тыс. до 10, причем 15 – актуально действующих в этом году. Это целая субкультура – со своими понятиями, ценностями и даже философской рефлексией (на тему самоопределения и категоризации троллей).

В самой большой по численности подписчиков группе под названием «Организация троллинга» (<https://vk.com/nechitayssilkypidor>) действительно договариваются о троллинге конкретных лиц, указывают адреса и пр., к примеру: «затрольте, пожалуйста, группу: ... напишите гадости про админа и что группа отстой. заранее спасибо!», «...затрольте эту падлюку, полное чмо», «Кто поможет затроллить двух тупых ванилек? Сценарий уже есть, но нужны добровольцы», «Привет, народ. Помогите убить морально однушку», «троллить одно удовольствие клюет говнецо на ура», «требуются тролли, работа на телефон! каждый звонок жертве оплачивается» («Маты и троллинг»: <https://vk.com/club110448399>) – и это самые приличные. Ожидаемо, и так оно и есть, что контент подобных групп сводим к коммуникации, выраженной сплошным матом, приправленной шок-контентом довольно низкого уровня¹. Однако какого-то адресного вектора ненависти нет, похоже на похабщину, которой упиваются подростки, общаясь между собой в подворотне, шалея от вседозволенности и своей «крутизны».

Если в отношении, так сказать, «простых гражданских» троллей образ «подворотни», использованный в предыдущем предложении, является скорее метафорой, то в отношении групп молодежи – сторонников так называемых блатных ценностей и образа жизни это точная характеристика.

Генезис блатной культуры, основанной на своих столпах-носителях – «ворах в законе», возводят к концу XVII – началу XVIII вв. Однако вышла из состояния маргинальности она в годы сталинских репрессий, когда значительная часть населения прошла через лагерь [48]. Были созданы своя мораль, свой кодекс поведения и даже своя незатейливая «философия». Уличные хулиганы (гопники), подростковые банды всегда были, так сказать, «резервом» криминального подполья в любом обществе, в том числе и в России. И с появлением киберпространства, социальных сетей молодые люди из известных слоев общества и местностей стали сбиваться в аналогичные подворотням виртуальные группы.

Причем эти группы не локальны, а хорошо скоординированы, существуют, так сказать, в «большом» Рунете в виде довольно тематически разработанного интернет-сайта «Быдла. NET» (http://bidla.net/forum/topic_8338/) с почти 9 тыс. зарегистрировавшихся. В отличие от просто настенных фото-объявлений здесь нечто уже вроде «концепции». Так, даже есть характерные рубрики: «Важное», «Пацаны», «Шмары», «Подруги», «Просили разместить», «Лохт», «Бенза», «Видюхи», «Послушать», «Почитать (!!!)», «Мусора», «Форум», «Зона».

Однако все же основное количество молодежи, так сказать, «гопнической направленности» пребывает в социальных сетях. Ключевыми словами для поиска групп ВКонтакте, ориентирующихся на воровскую культуру, были: «пацаны», «братва», «гопота», «воры (жизнь ворами)», «ненавидим мусоров», «шмары» и некоторые другие.

Наибольшее количество названий групп (2170), причем лишь по Москве, связано, так или иначе, со словом «пацаны». Кроме нескольких десятков объединений поклонников известного сериала, все же большая часть представлена молодежью, ориентированной на воровские ценности. Они актуально действуют и быстро прирастают. Причем впечатляет число подписчиков: так, у группы с мелодраматическим названием «Душа пацана» (<https://vk.com/public33009863>) их 517 тыс.

Другой популярный бренд – «братва» – с ним в Москве представлено 987 групп: от 5600 подписчиков в «топовой» группе «Будни пацана» (https://vk.com/budni_pazana), причем все группы именно «приблатненные». Группы, содержащие в названии слово «воры», насчитывают 275, «гопота» – 77, «шмары» – 36, «жизнь ворами» – 20 групп. Их контент сводится к картинкам с «пацанскими мудростями», фотографиям люксовых машин и полуобнаженных девушек. Иногда можно встретить цитаты из блатных песен, видео о ворах в законе и жизни на зоне.

История скулшутинга начинается 20 апреля 1999 г., когда американские подростки Эрик Харрис и Дилан Клиболд устроили бойню в школе «Колумбайн» штата Колорадо. Тогда были убиты 13 человек, еще 23 получили ранения, сами убийцы застрелились. Феномен «Колумбайна» во многом объясняется целым комплексом факторов, которые вкуче создали некий культ с большой примесью подросткового романтизма непонимания, неприкаянности и мелодрамы мести. Это образы самих террористов: черные плащи, очки. Голливудский сюжет: травля одноклассниками, непонимание со стороны родителей и часовая сладостная месть расстрела, записанный на любительскую камеру прощальный ролик и самоубийство. Кстати, снято порядка десятка фильмов о ненависти в школе, в том числе и под влиянием

¹ Анонимность, отсутствие хоть каких-то самоидентификационных идей, кроме лулза, позволяет некоторым исследователям [47] называть троллей мем-культурой.

истории Харриса и Клиболда. Не хватало лишь мощного звукового ряда, и он появился в 2010 г., когда инди-поп-группа «Foster the People» выпустила песню (клип) «Pumped Up Kicks», разошедшуюся тиражом в 4 млн копий, ставшую по сути гимном культа, с припевом: «Вам лучше бежать, лучше бежать быстрее моей пули». Наконец, появилась и литература – дневниковые записи самих убийц.

Проблемы всюду одни, и глобализующийся мир воспроизводит единые паттерны. В России произошло более 10 случаев совершения скулшутинга по образу последователей преступников из Колумбайна, из них наиболее массовым стал расстрел 17 октября 2018 г. в Керчи в местном политехническом колледже, когда 18-летний студент Владислав Росляков убил 21 человека, ранив 60. Совершение преступления напоминало убийство в Колумбайне (использование взрывчатых веществ, подражание одному из скулшутеров Колумбайна, самоубийство в библиотеке и др.).

Ключевыми словами для поиска подобных групп ВКонтакте были: «ненавижу школу», «убить учителя», «сжечь школу» и некоторые другие. По запросу «ненавижу школу» обозначились 417 групп с составом от 2578 участников в топе до 36 внизу списка; по запросу «убить училку» – 15 групп от 291 до 15 участников; по запросу «убей учителя» – 19 групп от 281 до 10 участников; по запросу «ненавижу учителей» – 25 групп от 218 до 10 участников; по запросу «сожжем школу» – 16 групп от 736 до 10 участников; по запросу «уничтожим школы» – 29 групп от 205 до 10 участников. Правда, контент подобных открытых сообществ, к тому же у многих не актуальный, а прошлых лет функционирования, вряд ли можно признать экстремистским. По большей части это инфантильный юмор школьников или же рекламные объявления репетиторов. Предположительно иной контент в закрытых пабликах (<https://vk.com/club1302617>).

Наконец, специфическая интернет-субкультура, так же как и «группы смерти», получившая большой медийный резонанс, чем ранее упомянутые, – это так называемые догхантеры. Сразу поясним, что в группы ненависти они попали не потому, что ненавидят бродячих собак, а потому, что питают сильную нелюбовь (взаимную) к радикальным представителям зоозащиты (зоофилам по терминологии догхантеров).

В конце 1990-х гг. в большинстве российских городов была ликвидирована служба отлова и появились большие стаи одичавших собак, которые стали буквально терроризовать население. Число этих стай увеличивалось и через внедрение в некоторых городах программ стерилизации бродячих собак (и выпуска их обратно «на волю»). 2007–2008 гг. стали пиковыми по числу роста нападений одичавших животных на людей. В то же время в постсоветские годы появились люди, увлекающиеся стрельбой из пневматиче-

ского оружия, перешедшие от традиционных мишеней (банки-бутылки) к актуальным: расплодившимся крысам, воронам, кошкам и собакам. 13 января 2010 г. был даже назван днем рождения догхантеров как отдельной субкультуры, когда они выехали помогать санитарным службам Санкт-Петербурга (которые, естественно, открестились от этого) отстреливать стаи одичавших собак в одном из районов области в связи с эпидемической опасностью и объявленным карантином по африканской чуме свиней.

Первые догхантеры появились в разделе «Пневматика» форума отечественных любителей оружия (www.guns.ru), затем возникли самостоятельные сайты и форумы, группы в социальных сетях ВКонтакте и LiveJournal, которые в большинстве своем во второй половине 2010-х гг. были либо заблокированы, либо «заморожены». Следует констатировать, что именно догхантерский словарь в наибольшей степени был «забанен» Роскомнадзором и из активного оборота, к примеру сети ВКонтакте, устранены многие слова из их лексикона («догхантеры», «кроухантеры», «ненависть к собакам», «псинобесие» и т.п.).

Однако пришло, по-видимому, новое поколение догхантеров, которые усвоили советы дедушки Крылова и стали выражаться более политкорректно – в русле борьбы против радикализма, позиционируя себя как антизоофашизм. Сегодня это такие интернет-сообщества, как «Зоорадикалам – НЕТ!» (<https://www.facebook.com/groups/www.zooradical.net/>) – 1,9 тыс. участников; «Трибуна защиты животных» (<http://www.animalsprotectiontribune.ru/>); «Движение реалистической зоозащиты. Пять свобод» (<http://forum.real-ap.ru/>); «Зоогуанизм. Независимый просветительский журнал» (<https://zoohumanism.com/>); «Зоошиза в агонии» (<https://vk.com/club192568236>).

Контент остается все же традиционным: «проблема бродячих собак можно решить просто и гуманно»; «в Петербурге наконец-то взяли за кошек»; борьба против «зоофашизма» и т.п.

Классификация групп ненависти

Теперь, когда мы определили основной круг «подозреваемых», настало время их сравнения для выявления общих и отличительных черт – с целью определения шкалы их общественной вредоносности. О том, что они вредоносны, свидетельствует опыт жизни сотен предшествующих нам поколений людей: ненависть между группами людей никогда ни к чему хорошему не приводила.

Выявление этих групп проходило по критерию «ненависти» как их системообразующего начала (смысла объединения) и основного идентификационного отличия. Соответственно их сравнение целесообразно начать с анализа различий в объектах ненависти (которые, напомним, всегда «субъектны» –

это некие другие группы людей), целей и средств деятельности в их отношении.

Далее, имея дело со сформировавшимися в целом субкультурами, уместно применить для их анализа структурно-семиотический метод, исходящий из допущения о структурном сходстве языка и культуры, связи означаемого с означающим. Означающее – это чувственно воспринимаемое в субкультурах: сленг, символика, нормы поведения. Означаемое, представленное в означающем, – ментальные конструкции: концепты, идеи или мифологемы [49].

Соответственно, в реальном поиске мы выявляем вначале означающее, затем на основании анализа выявляем смыслы означаемого. Однако при представлении итогов поиска и анализа в теоретическом виде мы идем обратным путем: от смыслов – к чувственной представленности. Думаем, это уместно – для концептуальной целостности подачи материала воспринимающему: от сущности к явлению, а не наоборот.

Таким образом, после сравнения ключевых объектов ненависти упомянутых групп мы сопоставим их основные ценности (смыслы), цели (задачи), лин-

гвистические особенности дискурса, символику, степени выражения связей с традициями и общезначимой ценностной сферой, лидеров или «культовых персонажей».

Объекты ненависти

Хотя объединения, являющиеся предметом нашего анализа, и называются «группами ненависти» и это чувство является действительно профильным для них, все же есть и другие категории людей, с которыми эти группы каким-то образом выстраивают свои отношения (неприятель меньшей интенсивности: презрение, недоверие-непонимание), а с некоторыми могут иметь и некие связи приятности. Ясно также, что мы стараемся описать именно эмоционально насыщенные (ненавистью, неприятелью или приятелью) отношения, так сказать, их задействованной смысловой «вселенной». Многие категории людей находятся попросту вне этих отношений, иными словами, в зоне равнодушия и индифферентности, равно как и для многих сами эти группы – из области неизвестного.

Группы	Объекты ненависти	Причины ненависти	Неприятельные категории	Приятельные категории
Маскулисты (традиционалисты)	Феминистки и женщины, «пораженные высокомерием, потребительским и злобным отношением к мужчинам», ЛГБТ-сообщество	Переоценка маскулинности, триумф феминизма, дискредитация образа мужчины и отца посредством СМИ, социальных стереотипов, культуры и искусства	«Алени» или «баборабы» – мужчины, подчиняющиеся женщинам, политическая элита страны, насаждающая матриархат, леворадикалы, афроамериканцы	Русские националисты («Русские марши»), правые движения, национал-радикалы
Радфемы	Мужчины-сексисты, сообщества «в защиту мужчин», правые радикалы	Физическое, психологическое и сексуальное насилие над женщинами, выученная беспомощность и виктимизация женщин	Остальные мужчины, замужние женщины («детные») – это привилегированные пособники патриархата	Либеральный феминизм, левые интеллектуалы
Тролли	Живой отклик любой жертвы – это «еда» тролля, получить удовольствие от удачной атаки (<i>just for lulz</i>)	Для большинства характерны компенсаторные мотивы закомплексованности, агрессии; для меньшинства – мотивы самоутверждения и игры	Все те, кто не поддается на провокации, сохраняет выдержку, не дает манипулировать собой	Пранкеры, падонокки, рэперы
Сообщества криминализованной молодежи	Служащие органов п р а в о п о р я д к а («менты», «легалые», «мусора»)	Фрустрации, низкий жизненный уровень, социально неблагополучные семьи и проблемные регионы	Молодежь не их круга («быдло», «чмори», «лохи»), государство и его институты	Спортсмены силовых видов спорта, футбольные фанаты
Скулшутеры	Ненависть к не принимающему их конкретному социальному окружению – обидчикам и угнетателям	Фрустрации со стороны сверстников; негативная обстановка в семьях, личные психологические проблемы и дисфункции (различные комплексы, депрессии)	Так называемые успешные ученики, объединенные в разного рода «клики», «банды»: физически более сильные, агрессивные, с большим самомнением	Другие школьные аутсайдеры, мстители и борцы за справедливость
Догхантеры	«Зоошизики» – люди, занимающиеся прикормом и защитой беспризорных стай собак	Гиперактивность защитников «прав» бездомных собак, приводящая к многочисленным случаям покуса и смерти детей, заражений бешенством	«Псинолюбивое» местное население, собачники (т.е. держащие дома собак)	«Стрелки» крыс, ворон

Как видно из сопоставления распределения внимания исследуемых групп, объекты их ненависти имеют конкретные социальные адреса и устойчивые идентификации, за исключением «троллей», которые не выработали ни своей полноценной групповой сплоченности (ни в онлайн, ни тем более в офлайн), ни противопологаемого социально определенного антагонистического образования в силу своей принципиальной анонимности (даже среди «своих»). Причины ненависти ожидаемы и понятны – это всегда фрустрации и обиды, независимо от того, насколько они реальны, от кого они происходят и насколько они социально необходимы, – они всегда повсеместно присутствуют в нашей жизни.

Ключевые ценности, кем и как реализуемы

Группы ненависти так и названы в силу того, что ненависть к конкретным социальным адресатам определяет сам смысл существования этих объединений, когда людям интересна именно сильная нелюбовь к какой-то категории, группе («дружим против того-то и того-то»). Подобный объединительный импульс предопределяет и общие ценности, и структуры соответствующей активности. Также сюда органично примыкают источники рекрутирования в группы ненависти – они далеко не случайны, сюда приходят и остаются вполне определенные люди.

Группы	Ключевые ценности	Контекст происхождения ценностей (социо-демографический)	Паттерны активности
Маскулисты (традиционалисты)	Возвращение к патриархальному строю, национализм (запрет на межрасовые браки). В отношении с женщинами лучше не вступать, если вступать – то лишь для того, чтобы «попользоваться», и уж тем более не жениться	Молодые лица мужского пола (≈ 14–30 лет), переживающие сексуальные фрустрации, склонные к девиациям из-за трудной жизненной ситуации. Их коммуникации с противоположным полом разрушены или носят фрагментарный характер	Пропаганда идеалов движения, коллективные набеги в комментарии к постам феминисток в соцсетях, «проверки» на честность женщин в Рунете, сходки (офлайн) местных групп: игра в футбол, обучение стрельбе и дракам
Радфемы	Ненависть к «патриархату» (системе мужского господства и насилия) и «Социальному стокгольмскому синдрому женщин», сепарация и женская группальность, формирование особого классового (само) сознания женщин, неприятие секс-позитивности (http://womenation.org/radfem-paradigm/)	«Рекрутируемый материал»: фрустрированные неудачами брака и отношений с мужчинами молодые женщины (≈ 16–30 лет), вконец изверившиеся в противоположном поле, идейные женщины старшего возраста	Отказ от общения с мужчинами в радикально-феминистских группах, сестринство (союзнчество между женщинами), упреждающее насилие (изучение боевых искусств)
Тролли	Анонимность в интернет-коммуникациях, возможности экспериментировать с собственной идентичностью и формами самопрезентации, игнорирование должного в пользу непредсказуемого и стихийного. Желание быть участником экстремального общения, стремление повысить самооценку, привлечь внимание к своей персоне, самовыразиться и одновременно развлечься	В основном молодые люди, превращающие социальные сети, электронную коммуникацию в пространство эмоционального выброса агрессивности, разрядки и реализации своих возможных девиаций	Толстый троллинг: прямые оскорбления, переход на личности, открытые угрозы. Тонкий троллинг: стремится произвести впечатление интеллигента, искусный манипулятор. «Эльфтинг»: неумеренный нарочитый хвалебный стиль в отношении жертвы
Сообщества криминализованной молодежи	Система ценностей блатного мира: преступления, а не полезный труд; культ безмерного чувственного удовольствия (выпивка, наркотики, секс, хулиганство-преступления); условная социальность («братва», «общак», «авторитеты»); брутальность (душевная грубость и примитивизм)	Маргинальная молодежь социальных низов и депрессивных регионов – следствие проблем, связанных с расширением бедности, незащищенности, исключением молодых из реальных секторов общественной жизни	Попойки, драки «за район», запугивания, провокации и шантаж в отношении одноклассников, установление жесткой иерархии и криминальных порядков в учебных заведениях
Скулшутеры	Неонационалистическая идеология (идеи А. Гитлера, А. Брейвика, Б. Таррента и др.)	Молодые люди (16–19 лет) с комплексом неполноценности, собственной недооцененности обществом, у которых конфликтные коммуникации со своими одноклассниками и учителями, родителями	Участие в ролевых играх, касающихся тем скулшутинга, интерес к оружию, распространение материалов о скулшутинге, историческая реставрация событий скулшутинга

Догхантеры	Декларативно: безопасная городская среда, очистка городов от переносчиков болезней и паразитов. Реально: трудно отрицать их ненависть к зоозащитникам и охотничий азарт убийств живых существ	В основном менеджеры среднего звена, служащие силовых структур, мелкие клерки и т.п., часто закомплексованы и с низкой самооценкой [27, с. 33, 35]	Отстрел и потрав собак, борьба в Сети с зоозащитниками, пропаганда своих идей, обучение технике уничтожения бродячих собак

Анализ-сопоставление ключевых ценностей исследуемых сообществ приводит к довольно неожиданному выводу: все они разделяют эмансипационный порыв, но весьма специфического свойства. Это свобода от ряда обязательств, накладываемых обществом, некоторых традиций, перекраивание в свою пользу соотношения разрешений и запретов. Именно подобной «новой свободой» они и привлекательны для молодого поколения, являющегося их основным «электоратом». Так, гендерные сообщества стремятся освободиться от «тирании» противоположного пола, а реально – к установлению своего нового контроля. Тролли жаждут свободы от персональной ответственности, анонимности как своего рода полного карт-бланша на самодурство. Скулшутеры требуют ресентимента как «революции» полного перевора-

чивания ролей господ и угнетателей, хотя бы в своем маленьком приватном мирке. Криминализованная молодежь стремится превратить социальный мир с его конвенциональными нормативными конструкциями в «сумеречную зону» понятий преступного мира, а догхантеры под благовидным предлогом гуманизма и санитарии реализуют свои потаенные желания освобождения от фундаментального запрета культуры на убийство.

Цели (задачи), средства достижения

Ценности сообществ трансформируются во вполне ожидаемые цели, задачи и средства, иначе бы терялся сам смысл объединения людей в сообщества. И здесь очень важно разобраться в том, к чему реально стремятся эти группы и как это подается.

Группы	Цели	Задачи	Средства достижения
Маскулисты (традиционалисты)	Отношения с женщиной без обязательств, на своих условиях, создание систем по контролю женщины	Борьба за женскую нравственность, против женской продажной любви, против женских измен	Распространение своих идей в Рунете (просвещение), интернет-активность в противостоянии неприязненным группам, на повестке дня вступление в политику: борьба против «лжеизнасилований», алиментной системы, создание политической партии
Радфемы	Дискредитация, выражение всяческого презрения мужчинам, сексистам по определению	Предельно возможная автономизация от мужчин, борьба против порнографии и секс-индустрии, контроль над своей репродуктивной функцией и собственным телом	Обличение андроцентризма в экономической, общественной и символической системах, деконструкция патриархального языка, создание женских сепарированных пространств (группы роста самосознания или «пересоциализация»), целибат (незамужество), политический активизм, контркультурная революция
Тролли	Лулзы (от англ. <i>laugh out loud</i> – громко смеюсь). Лулзы – это радость от страданий жертвы, над которой смеются тролли	Испортить обсуждение, распространить вредный совет, деструктивную идею, разрушить чувство взаимного доверия	Провокация, подстрекательство, обман, клевета, агрессия, издевательство, оскорбление, шельмование
Сообщества криминализованной молодежи	Пить, гулять, без оглядки на окружающих, еще и презирать и унижать их; терроризировать их, особенно сверстников, бравлируя своей силой и наглостью; навязывать свои порядки	Преступления, обогащение за счет других, эпатажное потребление спиртных напитков, наркотических средств и т.д., пренебрежение к труду	Соблюдение «воровского кодекса», его интернет-пропаганда, сбор денежных средств, продуктов, одежды в «воровской общак», нападения на отделы полиции для освобождения своих сверстников, задержанных за административные нарушения [24, с. 250], подготовка к тюрьме как позитивному будущему (инициация на взрослость)
Скулшутеры	Месть обидчикам, утверждение своей значимости, посмертная слава и многочисленные обожающие последователи	Убить конкретных обидчиков-мучителей, нанести вред молчаливому безучастному большинству	Угрозы убийства, предупреждение окружающих о подготовке нападения, публикация в социальных медиа сообщений с датой, ключевой фразой с использованием характерных смайликов «оружия, черепа» и др., демомотиваторы с высмеиванием учителей, их депозитивация

Догхантеры	Троллинг «зоошизы», убийство бездомных собак	Дискредитация людей, прикармливающих и защищающих бездомных собак	Приобретение оружия и ядов, инструктаж по их использованию, убойным зонам на теле собаки, описание способов приготовления отравленной приманки, сбор досье на активных зоозащитников, тролление их сайтов

Цели реальные здесь довольно-таки очевидны и связаны все с тем же профилирующим чувством ненависти к определенным группам. Это всегда месть и презрение обидчикам (коварным женщинам, мужчинам-сексистам, родителям, учителям, собачникам). Все это, однако, непременно маскируется благовидными прикрытиями, такими как «борьба с реальным матриархатом в стране», или «политическая организация для разрушения системы половых классов: освобождение женщин», или «жизнь по «воровским понятиям»», «свобода самовыражения», или «зоосанитарная безопасность». Вместе с тем надо отдавать себе отчет в том, что для известной, настроенной идеалистически, части людей это не «благовидное прикрытие», а их жизненно образующие цели.

Лингвистические особенности дискурса: тезаурус и основные нарративы

Неотъемлемым признаком любой новой субкультуры является создание словаря специфических понятий, которые востребованы для создания своей особой картины мира, предстающей в серии повторяющихся «классических» рассказов (нарративов). В понятиях предстает значимое окружающее с определенного угла зрения, профильного для данной субкультуры, а нарративы сюжетно раскрывают понятия, складываясь, как паззлы, в некое характерное мировоззрение.

Группы	Лингвистические особенности дискурса	Тезаурус: основные понятия, в которых предстает значимое окружающее	Основные нарративы: популярные типичные повествования
Маскулисты (традиционалисты)	Стремление к демонстрации «крутизны» (брутальность, насилие) и показательной рассудочности, широкое использование ненормативной лексики, обилие неологизмов	<i>Real man</i> , маносфера, «альфа-мужчины», камрады, «ОЖП» (особы женского пола), «СДС» (с**и – дуры – стервы), «РСП» (разведенка с прицепом), «Наташки» – «Ваньки», «баборабы», фемло, петушня, гиноцентризм, принцеждалки	Господство вагины и ЛГБТ; горестная жизнь подкаблучников («аленей»); загнивание Запада; падение мультикультурализма; возрождение русского духа; расистские сюжеты об ущербности небелых рас; проектирование «идеальной женщины»: честна, услужлива, порядочна, покорна и верна; сексуальный хищник, получает секс от кого хочет
Радфемы	Чрезмерная эмоциональная возбудимость, скандальность и вербальная активность, показное и избыточное использование ненормативной лексики, обилие неологизмов	Мужло, чайлдфри, неопатриархат, научение беспомощности, менсплейнинг, сестринство, внутренняя мизогиния, пересоциализация, мизандрия, патриархальная андроцентричная Рашка	Борьба с мужчинами как половым классом; создание групп роста самосознания; разоблачение «культуры изнасилования» и «сутенерского лобби»; контроль над внешностью, сексуальностью и репродуктивностью; «любовь» – инструмент подчинения женщин
Тролли	Разновидность языка вражды, строится на ерничестве, мелких издевательствах, оскорблениях, приписывании негативных свойств, экспрессивно-окрашенная лексика, инвектива, грубо-просторечные слова и т.д., естественная или искусственно создаваемая безграмотность	Первонах, срочеразжигатели, флуд, игнор, флейм, боян, офтопик, медиа-атака, холивары (<i>holy war</i>), кибербуллинг, «пукан бомбит», «рванул пердак»	«Шоковая техника» – агрессивное опровержение общего мнения, резкое расхождение с оценкой большинства участников коммуникации; «переход на личности»; негативная оценка коммуникативной компетентности речевого партнера; комментатор, провокатор, герой-любовник
Сообщества криминализованной молодежи	Общение малоинтенсивно, предпочитают визуальный ряд в соцсетях: фото, граффити, краткие надписи и клипы, более сложные текстовые словесные самовыражения редки, очень обедненная лексика: приторные – по слезливости и банальности – «мысли»	Пацаны, легавый, мусора, шмалево, общак, смотрящий, чифир, арестантский уклад един, А.С.А.В., шмары, лохи, терпилы, чмошники	Вечеринка (день рождения, выход «на район») с обязательным обильным возлиянием; столкновения с правоохранителями; рассказы о зоне, воровских авторитетах; разного рода криминальные сюжеты; спорт с элементами насилия

Скулшутеры	Навязчивое присутствие в текстах слов, обозначающих насилие, причем в заданном «героями-основателями» формате: «бойня», «заложники», «убивать» («стрелять»), «взрывать», «вышибу мозги», «отомщу им за все», «не приходи завтра в школу»	Колумбайн, скулшутеры, Эрик Харрис и Дилан Клиболд, апрельские мальчики, всех перестрелять, пустить кровь, расстреляю школоту, вышибу мозги училке	Рассказы о скулшутинге, насилии, личности убийц: их дневниковые записи, записи из медицинских карт, фото из семейного архива, подробное описание последовательности событий преступления; тип оружия, предпочтения в еде
Догхантеры	Речевая агрессия догхантеров воплощается в сниженных речевых средствах. Их виртуальная коммуникация имеет арготический характер, выполняя функции самоидентификации и самооправдания, чтобы обезопасить себя от обвинения в экстремизме и жестокости	Зоосеки, зоошиза, псиносрач (горячее обсуждение темы отношения к бездомным собакам), блоховозы, отравление на радугу (убийство собаки), псинобесие, зооматеринство, кастрюлечницы (кормящие собак на улице), вкусняшка-ластфуд-усыпляшка (сосиска или котлета с изониазидом)	Видео отстрелов и отравлений бродячих собак приманками с изониазидом, тролление сайтов зоозащитников, приютов для собак

Для всех без исключения субкультур характерны ярко выраженная речевая агрессия, обилие ненормативной лексики, сознательное искажение и снижение речевых средств. В тезаурусе преобладают оскорбительные характеристики, прежде всего своих врагов (принцеждалки, фемло, мужло, мусора, лохи, школоты, училки, зоосеки, зоошиза). Нарративы созданы как для запечатления своей неординарности и монументальности, так и для обуздания врага. Среди них почетное место занимает именно насильственное обуздание ненавистника: сексуальное хищничество, контроль над сексуальностью, шоковые техники, драки, расстрелы, отстрелы и отравления.

Символика

И вполне естественно возникновение символического ряда, сопровождающего появление каждой новой субкультуры во всевозможной гамме ее самовыражения. Сюда включаются как чистая символика, т.е. абстрактные стилизованные изображения или обозначения, повседневная атрибутика или сопутствующие характерные одежда, обувь, стрижка, так и атрибутика, специфичная именно для современной медийной-(интернет) культуры – особое визуально-звуковое сопровождение.

Группы	Символы	Атрибутика (цвета, одежда, стрижка и пр.)	Популярные визуальные образы, сюжеты, мемы	Музыка
Маскулисты (традиционалисты)	Сжатый кулак, заключенный в щит, и копье Марса (♂)	Пурпурный цвет, милитари-стиль: короткие стрижки, соответствующие одежда и обувь	«Матрица», красная таблетка, полуголые культуристы и киномацо, внедорожники, неприглядность сексуальных меньшинств, гримасы леволиберальной политкорректности, воинственность/мужественность	Металл, рэп, индастриал, но обязательно в стиле мужественности, воинственности и пафоса
Радфемы	Сжатый кулак, заключенный в зеркало Венеры	Лиловый цвет, мода на мужские вещи, на свободные объемы, на всяческий херитедж и стрит-фэшн, на Фиби Файло и Стеллу Маккартни	Горестная история многовекового угнетения женщин; постепенное пробуждение женского самосознания; всеобъемлющие иезуитские системы контроля над женщинами со стороны неопатриархата; сепарация и новые формы жизни женщин: контроль над собственным телом (самооборона) и сознанием	Обращают особое внимание на тексты песен с соответствующим содержанием (свободная женщина) от поп-музыки до «панк-рок-феминизма»
Тролли	Trollface ¹ , кащенитские эмблемы	Отсутствует	4chan ² , Mr. Freeman ³ , кащеннизм ⁴ , упячка ⁵	«Мистер Трололо» ⁶ , «Аццкая Сотона» ⁷

¹ Простая черно-белая картинка с расплывшейся самодовольной и издевательской ухмылкой, созданная в 2008 г. художником *Whynn*, стала символом троллинга и троллей.

² Известный имиджборд, который в начале 2000-х гг., собственно, и ввел в массовый оборот слово «тролль» в его современном смысле.

³ Проект «А ты уверен в том, кто ты такой и что ты существуешь» 2009 г., стал персонализированным собирательным персонажем, используемым в том числе и для эпатирования общества; у канала *Mr. Freeman* на *YouTube* более 73 млн просмотров и 745 тыс. подписчиков.

⁴ Стиль общения на форумах, характеризующийся «психиатрическими» высказываниями.

⁵ Интернет-мем, сайт с разившейся на нем неформальной субкультурой, ставящей задачу бороться со скукой («унылым говном») в сети.

⁶ Вокализ Эдуарда Хиля «Я очень рад, ведь я, наконец, возвращаюсь домой», снятый в 1976 г., стал своего рода «гимном» интернет-троллей.

⁷ «Аццкая Сотона» – виртуальная «пузи-блэк-метал» группа, пародирующая штампы экстремального жанра блэк-метал, его сатанизм, ненависть к христианству.

Сообщества криминализованной молодежи	Восьмиконечная «роза ветров», «звезда воров»	«Классика жанра»: спортивные костюмы, «качалки», короткие стрижки, армейские ботинки и т.п.	Многочисленные фотографии «пацанов» в героических позах, культ силы, оружия; в почете Бодров-младший, герои «Бригады», гангстерские фильмы, смакования унижения полицейских, видеозаписи драк	Шансон, прибитая музыка: «Сектор газа», «Бутырка», «Лесоповал» и др., рэп, панк
Скулшутеры	Использование нацистской и сатанинской символики, аватарки – в виде фото скулшутеров или их комиксных вариантов, рисунки (кровь, оружие, мишени)	Широкие штаны с карманами, белая футболка (надписи типа: «Естественный отбор», «Ненависть», «Гнев» и др.) и длинный черный плащ, высокие ботинки	Интерес к материалам с шок-контентом: убийства, самоубийства, происшествия, терроризм, пытки, живодерство; интерес к информации, содержащей описание методов и способов убийства/насилия/самоубийства/изготовления оружия и взрывчатки; оправдание убийства и убийц, мысли о красоте убийства; видеоконтент: «Слон», «Класс», «Боулинг для Колумбины», «Апрельские дожди»	<i>Foster The People («Pumped up Kicks»), Rammstein, KMFDM</i>
Догхантеры	Скурагин (мем, обозначающий «стахановца-догхантера»)	Отсутствует	Черный джип, потравы домашних собак, стаи бродячих собак вновь атакуют, «Догхантер» (2016) – корометражка, фотографии «трофеев»	Отсутствует

Сопоставление символики исследуемых субкультур (групп ненависти) приводит к следующим любопытным выводам: наиболее развита символика (и абстрактная, и повседневная, и визуально-звуковая) у тех из них, которые устойчиво и легально представлены не только в онлайн, но и в офлайн (маскулисты, радфемы, криминализованная молодежь). Чисто онлайн-группы (тролли), равно как и находящиеся на нелегальном положении (догхантеры), имеют скудно представленную, по крайней мере в Рунете, символику, сводимую в основном к ее абстрактной визуально-звуковой составляющей. Бросаются в глаза явно общие черты этих субкультур в символике: агрессивность (сжатые кулаки – и у маскулистов, и у радфемов), тяготение к воинственности (милитари) и насилию в визуальных образах.

Степени выражения связей с традициями и общезначимой ценностной сферой

Данная характеристика весьма важна при анализе степени развитости субкультуры, которая оформляется рано или поздно при достаточно длительном существовании групп, объединенных единым профильным интересом, в особенности если он достаточно акцентирован, как в случае с нашими группами. Анализ этой характеристики показывает, насколько далеко зашел процесс самоотделения и самоотличения – как, так сказать, от «бэкграунда» самого общего плана (корневых традиций отечественной культуры), так и от современного культурного контекста. И последняя графа показывает, насколько далеко группы продвинулись на пути «субкультурного строительства» – в складывании уже своих характерных культурных форм.

Группы	Отношение к общезначимым традициям	Отношение к современной общезначимой ценностной сфере	Оформление своих традиций, громкие акции
Маскулисты (традиционалисты)	Приветствуется «естественное» разделение функций, жизненных стилей мужчин и женщин, женское целомудрие	Сегодня в обществе установился матриархат: активно навязывается демонизация мужчин и идеализация женщин	Преследование россиянок, вступающих в личные отношения с иностранцами на Чемпионате мира по футболу летом 2018 г.
Радфемы	Так называемые общепринятые традиционные ценности отвергаются как патриархатные и дискриминирующие женщин; признаются лишь «свои» традиции начиная с эпохи Просвещения: либерального, марксистского, социалистического феминизма, суфражизма, квир-феминизма, политического лесбиянства	Критическое отношение даже к либеральным ценностям (свобода, выбор) как дезориентирующим аутентичные женские группы, прикрывающим культуру изнасилования и сутенерское лобби. Себя позиционируют как идейного преемника американского радикального феминизма 60–70-х гг. XX в.	Учреждение интернет-премии «Сексист года», несанкционированные уличные акции протеста (<i>acción positiva</i> , КД-16), «панк-молебен» <i>Pussy Riot</i> ¹ , «дело Слуцкого» (2018 г.) ² , лоббирование «закона о профилактике домашнего насилия»

¹ Политкорректный перевод «Бунт Вагин»; в феврале 2012 г. несколько девиц выплясывали в православных храмах, сделали ролик и выложили на *YouTube*.

² В 2018 г. группа либеральных журналисток обвинила председателя Комитета Государственной Думы по международным делам Леонида Слуцкого в сексуальных домогательствах.

Тролли	Позиция троллей к общезначимым традициям: устойчивая эмоциональная диссоциация (отстранение). Тролль надевает маску безразличия, эмоционального дистанцирования	Такая же позиция <i>трикстера</i> и по отношению к современным ценностям, культурной логике социальных сетей, которая высоко ценит открытость, чувство общности, сентиментальность, которые искусно высмеиваются троллями	«Обама – социалистический Джокер», «Ржать, жрать, спать», «Вы – куски мяса, зажатые рамками быта и работы», « <i>Dust – Joy It</i> »
Сообщества криминализованной молодежи	Из общезначимых традиций признают лишь семейные и дружеские: «за своих родных и друзей любого порву», «я плохой сын хорошей матери». Вместе с тем ориентированы на блатные традиции	К современным ценностям отношение отрицательное (образование, карьера, семья), так как жизнь вора предполагает существование в своей особой реальности при отторжении нормальной повседневности	«Вписки», или «посвящения» («посвят»), – прием в А.У.Е., сбор средств в «общак», следование «понятиям», преследование «изменников»
Скулшутеры	Вне зон интереса	Вне зон интереса	Романтизация поведения скулшутеров: трансляция биографических фактов, цитат; популяризация идеи скулшутинга – через визуальные образы, мемы, онлайн-сообщества, ролевые игры, спецканалы в мессенджерах
Догхантеры	Вне зон интереса	Вне зон интереса	13 января – «день догхантера»; массовое отравление домашних собак в парке 50-летия Октября (Москва) в конце сентября 2012 г.

Как можно видеть из сопоставления отношения групп к традициям и общезначимой ценностной сфере, а также их притязаний на собственное культурное оформление, они имеют достаточно выраженный контркультурный характер. Последний, однако, сильно зависит от степени офлайн-присутствия групп.

Персонализация: лидеры (могут быть мемами или легендарными) или «культовые персонажи»

Предлагаемая рубрикация позволяет в некоторой возможной степени персонализировать, особенно

в отношении лидерства, эти – в общем-то, абстрактные для привычного чувственно-личностного восприятия, пребывающие в электронном пространстве и в мерцании мониторов компьютеров – «сущности» данных рунет-сообществ. Естественно, следует отдавать себе отчет в условности приписывания качеств «лидерства» и «культовости» тем или иным личностям – для многих участников групп они вполне могут и не быть таковыми. Однако в целом, на основе массивов информации об этих группах, можно выставить их в качестве достаточно характерных ориентиров.

Группы	Лидеры	Культовые персонажи	Персонифицированные враги
Маскулисты (традиционалисты)	Владислав Поздняков ¹ , Олег Новоселов ² , Александр Бирюков ³	Дональд Трамп, Эллиот Роджер и Алек Минассиан (инцелы) ⁴	Лидеры отечественных феминисток
Радфемы	Ольгерта Харитонов ⁵ , Александра Митрошина (2,8 млн подп. в <i>Instagram</i>), Ника Водвуд (158 подп. в <i>Instagram</i>)	Валери Соланас ⁶ , Андреа Дворкин, Кейт Миллет, Суламифь Файерстоун, Эдриенн Рич, Моника Виттиг	Лидеры отечественных маскулистов, Дональд Трамп, ультраправые публицисты: Роджер Делвин, Эндрю Энглин, Грег Джонсон, Лана Локтев ⁷ , «секс-турист» Дарьюш Вализаде, больше известный как Roosh V. Руш
Тролли	Пранкеры: Vovan222, Евгений Вольнов	Fuck.ru, Линксы (<i>Linxy</i>)	Николь Салливан ⁸

¹ Создатель крупнейшего сообщества в ВКонтакте – «Мужское государство» (свыше 150 тыс. подписчиков, запрещено Роскомнадзором), в декабре 2018 г. приговорен к двум годам лишения свободы условно по ст. 282 УК РФ – о возбуждении ненависти к женщинам.

² Автор резонансных книг «Прикладная этология человека», «Женщина. Учебник для мужчин» и др.

³ Создатель паблика «Мужское просвещение» (<https://vk.com/maleeducation> – около 20 тыс. подписчиков), автор десятка книг, блогер.

⁴ Первым в 2014 г. убил шесть человек. Перед самоубийством он выложил на *YouTube* рассказ о своих взглядах: о ненависти к женщинам за то, что к 22 годам остался девственником и даже ни разу не целовался. Многие инцелы считают его героем. Второй вдохновлялся его примером: наехал на мнивиэне на пешеходов: девять человек погибли и 14 были ранены; среди жертв преимущественно женщины.

⁵ Писательница, автор многих книг, в том числе «Манифеста Феминистского движения России».

⁶ Авторка «*SCUM Manifesto*», стреляла в Энди Уорхола (1968 г.).

⁷ «Женщины в роли врага: пересечение ультраправой идеологии и антиженского насилия. Отчет Анти-Диффамационной Лиги» (США, 2018 г.).

⁸ Одной из первых исследовала мотивацию, стратегии троллей (программная речь «Не кормите троллей» на конференции *Fluent* 2012 г.).

Сообщества криминализованной молодежи	Воровские авторитеты прошлого и настоящего, администраторы своих сайтов	Воровские авторитеты, воры в законе, известные бойцы без правил, борцы	Игорь Комиссаров ¹ , правоохранители всех уровней
Скулшутеры	Актуальные лидеры неизвестны, так как участь скулшутера суицидальна по определению, в России наиболее известны погибшие Михаил Пивнев, Владислав Рославлев	Э. Харрис, Д. Клиболд, Дилан Руф, Митчел Джонс, Эндрю Голден, Джефри Уиз, Сын Чи Хо	Наиболее популярные одноклассники, молодежь из богатых семей
Догхантеры	«Гамлет» ² , Алексей Святогор ³	«Пожилой велосипедист» (Владислав Добрынин) ⁴ , Дмитрий Худояров ⁵	Многочисленные защитницы животных (зоозмо, зооматери и псиноведьмы), Г. Явлинский и «Яблоко»

Как и следовало ожидать, наиболее конкретная и внятная информация о действующих личностях и предпочтениях имеется в отношении устойчивых (гендерных и А.У.Е.) групп, имеющих выходы в офлайн. Остальные пребывают, похоже, в глубоком онлайн, и сведения об их внутренних структурах в большей степени носят гипотетический характер.

Шкала социальной опасности

Попытаемся на основании полученных результатов определить диапазон социальной опасности рассматриваемых групп: насколько они мешают жить другим, каков вред, причиняемый ими людям. Критериями будут выступать: степень радикализма целей и средств; степень присутствия в «реале» (переход организации из онлайн в офлайн); риторика ненависти; общественный резонанс (известность); степень вовлеченности в общественную тематику; наличие насильственных актов.

Группы	Поведенчески-девиантные	Социально вредоносные	Экстремистские
Маскулисты (традиционалисты)		Цели радикального изменения социальной среды, офлайн-организация, риторика ненависти, широко известны, активно вовлечены в общественную тематику, есть насильственные акты	
Радфемы		Цели радикального изменения социальной среды, офлайн-организация, риторика ненависти, широко известны, активно вовлечены в общественную тематику, есть публично вызывающие акты	
Тролли	Нет цели радикального изменения социальной среды, только онлайн-организация, риторика ненависти, широко известны, в целом индифферентны к общественной тематике (лишь одно из средств), нет насильственных актов		
Сообщества криминализованной молодежи			Нет цели радикального изменения социальной среды, офлайн-организация, риторика ненависти, широко известны, индифферентны к общественной тематике, есть насильственные акты

¹ Бывший старший помощник председателя СКР РФ, генерал-майор юстиции, восемь лет назад одним из первых инициировал расследование феномена А.У.Е.; широко известно его выступление по этому поводу в Госдуме, распространенное в Рунете. В итоге 17 августа 2020 г. принято решение Верховного Суда РФ о признании А.У.Е. экстремистским движением.

² Петербуржец Антон Елфимов, один из лидеров российских догхантеров (данные «Вести FM»).

³ Лидер киевских догхантеров, адвокат (данные «Настоящее время»).

⁴ Д. филос.н., зав. каф. социальной работы Университета туризма, уволен с работы именно за догхантерскую деятельность.

⁵ Ездил по своему району на джипе и палил в дворняг из пневматической винтовки. На его «счету» более 30 собак. Стал образцом для подражания.

Скулшутеры			Нет цели радикального изменения социальной среды, онлайн-организация, риторика ненависти, широко известны, индифферентны к общественной тематике, есть насильственные акты и жертвы
Догхантеры		Нет цели радикального изменения социальной среды, отчасти офлайн-организация, риторика ненависти, широко известны, в целом индифферентны к общественной тематике (лишь одно из средств), есть насильственные акты (к животным)	

Применение заявленных критериев позволило выявить три категории в шкале социальной опасности групп ненависти.

К *поведенчески-девиантным*, создающим в основном эмоционально-психологические, нравственные проблемы доступному окружению, отнесена группа «троллей». Прямого социального вреда они не причиняют, и если соблюдать простые меры предосторожности («не кормить троллей»), то можно избежать либо минимизировать неприятности, причиняемые для вожака ими лулза. Естественно, люди, выступающие в роли «троллей», имеют известные проблемы с психикой, ведущие к хроническим поведенческим (моральным) девиациям, которые общество (имеющаяся система интернет-ориентирования и контроля) пока не может ограничивать.

Вторая выявленная категория – *социально вредоносные* группы, к которым отнесены маскулисты, раффемы и догхантеры, уже причиняют социальный вред существенным нарушением эмоционального, психического самочувствия больших групп людей, мировоззренческого баланса и согласия между ними, ставят под серьезное сомнение имеющийся социальный контракт между ними. Они отличаются высоким уровнем агрессивности и риторики ненависти, даже спорадическими насильственными актами (маскулисты, догхантеры), что подводит их к черте экстремизма.

Однако именно систематичность физического насилия, наличие жертв и являются качественной чертой, за которой начинается не потенциальный, а прямой экстремизм. К *экстремистским* группам отнесены две: сообщества криминализованной молодежи (А.У.Е.) и скулшутеры. Симптоматично, что первые буквально недавно наконец-то были признаны таковыми официально нашей правоохранительной системой.

Проблема путей противодействия и качественного изменения ситуации

Следует признать, что проблема преступности несовершеннолетних и склонность молодежи к бунту в целом – это не столько характеристика ситуации в абсолютном большинстве современных стран, какими бы различными в социально-экономическом,

цивилизационно-культурном отношении они ни были, сколько, похоже, антропологическая константа, что, однако, не отменяет задачи ее рационализации и представимой трансформации в более желательном направлении.

Трудно и, скорее всего, невозможно выдумать нечто совсем новое, оставаясь в технологических и социальных рамках современности, но можно обобщить и систематизировать уже имеющиеся, ранее высказанные позитивные идеи.

Проблема молодежных девиаций, в нашем случае в электронном пространстве Рунета, решается двумя группами мер: запретительно-ограничивающего, юридического действия и (или) социально-трансформирующего реформистского движения.

Меры первой группы, соответственно градации групп по шкале социальной опасности (поведенчески-девиантные, социально вредоносные, экстремистские), могут быть таковыми: превенция, существенные ограничения и преследование/искоренение. Первые две меры относимы к регуляции интернет-коммуникаций, третья – собственно к юридическим мерам в «реале». Последняя должна стать поводом для дальнейших серьезных обсуждений в юридическом сообществе, а вот первые уже имеют обозримый опыт применения.

Речь идет о практике ограничения деятельности и блокировки вредоносных аккаунтов. Казалось бы, вполне разумный путь, однако последние исследования [50] показывают, что ни временная, ни полная блокировка подобных аккаунтов не приносит долгосрочных результатов. При блокировке одного из лидеров другие лидеры помогают ему восстановиться или создать новый аккаунт, группы легко перемещаются в другие коммуникационные пространства (социальных сетей, интернет-каналов, мессенджеров и много другого). В силу самой архитектоники Сети технические средства контроля блокировки пока невозможны. А это делает малоприменимыми разрабатываемые юридические меры и в «реале».

Коренной недостаток ограничивающе-запретительных мер в том, что они пытаются остановить активность, признанную деструктивной. Однако поми-

мо того, что действие порождает противодействие, сама энергия отрицания остается, ищет и в конце концов находит иные каналы реализации. Это как устанавливать преграды в русле текущей реки: будучи остановленной в одном месте, она тут же пробивает себе новые русла. Иное дело, если попытаться изменить вектор самой энергии – с отрицательного (для общества) значения на позитивное.

Это в принципе возможно: при помощи педагогов, социальных работников, психологов, которые смогут убедить молодежь идентифицировать себя с установленным порядком и научить ее получать удовольствие от соответствия ему. Либо можно решить проблему склонности к бунту при помощи других молодых людей, вдохновленных новыми великими идеями, позволяющими им сделать в жизни что-то важное и задать творческий тон и новую моду для своих сверстников [51, с. 1411]. Увы, новые «великие идеи» всегда в большом дефиците, но вот создавать позитивные идентификации, нужные для сохранения имеющихся мировоззренческих балансов и социальных контрактов, – задача вполне решаемая, хотя и основательно подзабытая на уровне принятия высших управленческих решений.

Итак, пора подвести итоги и сделать выводы из проведенного исследования.

Получены следующие *результаты* (установлены факты):

1) на основе анализа соответствующего контента социальных сетей и интернет-аккаунтов, при помощи разработанного тезауруса выявлена совокупность интернет-сообществ с характерной «хейтерской» симптоматикой. Из этой совокупности (11) по уточненным дополнительным критериям к «группам ненависти» отнесены шесть: «маскулисты» (традиционалисты), «радфемы» (радикальные феминистки), «тролли», «А.У.Е.», «скулшутеры» и «догхантеры»;

2) установлены основные интернет-ареалы и аккаунт-дислокации выявленных групп ненависти, примерные вариации их представленности в социальной сети ВКонтакте;

3) составлены содержательные «паспорта» их основных мировоззренческих и субкультурных характеристик, ставшие основой для их последующего сопоставительного анализа.

На основании последнего получены следующие **выводы**.

Подтверждена исходная гипотеза исследования о том, что имеется ряд сходных интернет-объединений, отличных от других объединений вызывающе опасным для социума признаком – это ненависть определенной группы людей к другим по одному общему основанию. В группы ненависти объединяются люди, полагающие себя униженными и обиженными некими общими «другими». И хотя опыт унижения

и обид отдельных людей конкретен, он экстраполируется на всю категорию «обидчиков».

Особенно это характерно для гендерных групп (маскулистов и радфемов) и групп подростков (А.У.Е. и скулшутеров). Так, неудачи и унижения в индивидуальном опыте общения: с молодыми женщинами и мужчинами, дворовыми и школьными хулиганами универсализируются, становятся вмененной атрибутикой всей противопологаемой категории, а именно «плохих» женщин и мужчин, «не наших ребят» («быдла», «школоты»). Так формируется и объект ненависти, и прочное объединительное начало существования этих групп.

Несколько отличный источник образования ненависти у двух остальных групп: троллей и догхантеров. Если унижения и неудачи гендерных и подростковых групп все же проистекают, в общем и как правило, из экзистенциально-возрастных особенностей молодежи (юношеская идеалистичность, резкие эмоциональные перепады, не сложившаяся еще рациональность и пр.), то этого нельзя сказать о троллях и догхантерах. Это люди уже достаточно прагматичные, хладнокровные и рациональные. Тем, вероятно, объяснима и их анонимная неуязвимость. Вместе с тем это люди, повзрослевшие скорее физически, научившиеся скрываться, однако так и оставшиеся подростками в культурном отношении: у них слабо интериоризованы важнейшие социальные чувства ответственности и эмпатии.

Другой общий признак – это попытка перекроить традиционно установившееся соотношение разрешений и запретов, утвердив тем самым свою «новую свободу». Гендерные группы стремятся освободиться от «тирании» противоположного пола, а реально установить свой новый контроль. Для троллей свобода – синоним самодурства, для скулшутеров – апокалиптического ресентимента, для криминализованной молодежи – «сумеречная зона» понятий преступного мира, для догхантеров – освобождение от фундаментального запрета культуры на убийство.

Следующий общий признак – «двойная бухгалтерия» целей и средств: одни для презентации, другие для внутреннего негласного взаимопонимания и эмоционального единения. Подобная «бухгалтерия» нужна для «нормализации» своей субкультуры, придания ей респектабельности, а себе – чувства неординарности, особой значимости и роли в обществе, истории, повседневной жизни, для упреждения обвинений в экстремизме и ненависти.

Далее, для них являются общими и ярко выраженной речевой агрессией, обилие ненормативной лексики, сознательное искажение и снижение лингвистических средств: преобладание в тезаурусе оскорбительных характеристик, в нарративах – сюжетов собственной исключительности и обуздания «врага».

Другие явно общие черты у них в символике: агрессивность, тяготение к воинственности и насилию в визуальных образах; отличия – в степени развитости символики, зависимой от степени офлайн-присутствия групп.

Наконец, можно заключить на основе сопоставления, что из шести групп ненависти четыре уже определены стали субкультурами. Это прежде всего гендерные: маскулисты и радфемы, которые имеют устойчивую демографическую базу своего воспроизводства: молодых мужчин и женщин, часть которых неизбежно получают свой фрустрационный опыт в общении с противоположным полом. А поскольку поколения постоянно обновляются, т.е. на подходе всегда все новые и новые, то их база постоянна, что обеспечивает им устойчивость воспроизводства. Следует ожидать интенсификацию процессов их субкультурного строительства.

То же можно сказать и о сообществах криминализованной молодежи. Здесь также можно говорить о стабильности условий их воспроизводства – до тех пор, пока существуют прежде всего социально уязвимые семьи и депрессивные регионы. Можно предположить, что если качественно изменится отечественная социальная политика, то база молодежного хулиганства резко сократится.

Тролли как субкультура достаточно бурно развивается, но только в электронном пространстве – в силу ее принципиальной анонимности и индивидуальности. Это же ставит границы ее дальнейшего развития: отсутствие совместного поиска ценностно-мировоззренческого консенсуса (в том числе и офлайн) делает субкультуру рыхлой и плюралистичной, временно объединяющей в себе очень разных людей. И она сильно зависима от изменений условий

и правил игры в киберпространстве (новые формы общения, модерации и т.п.), а также от непредсказуемых здесь процессов смены поколений (*old* тролли не испытывают чувств преемства к новым, тем более в отсутствии офлайн).

Субкультура догхантеров также носит довольно аморфный характер: во-первых, из-за крайне неблагоприятного их общественного публицити; во-вторых, из-за принципиальной ситуативности проблемы, их породившей, при решении которой исчезнет объединительная почва.

Наибольшие затруднения вызывает анализ и оценка субкультуры скулшутеров. С одной стороны, у них уже существуют своя символика, мифология, музыка, воспроизводимые независимо от особенностей культур или местных социально-экономических условий, с другой же – она существует, как и тролли, в основном в онлайн, а крайне молодой, эмоционально нестабильный, мировоззренчески незрелый и текучий состав делает их перспективы малоопределенными.

Наконец, определен диапазон социальной опасности этих групп ненависти. По ряду критериев они отнесены к трем категориям. Это поведенчески-девиантные группы («тролли»), создающие в основном эмоционально-психологические, нравственные проблемы своему доступному окружению, но не причиняющие реального социального вреда. Далее, это социально вредоносные группы (маскулисты, радфемы и догхантеры), уже причиняющие социальный вред существенным нарушением эмоционального, психического самочувствия больших групп людей. И к экстремистским отнесены две из рассмотренных групп – А.У.Е. и скулшутеры – из-за систематичности применения физического насилия, наличия массовых жертв.

Пристатейный библиографический список

1. Бареев М. Ю., Качурина И. О. YouTube как фактор формирования протестного потенциала молодежи // Регионология. 2019. Т. 27. № 3.
2. Никитина Т. А., Терентьева И. А. Противодействие распространению экстремистской идеологии в информационном пространстве России // Вестник Поволжского института управления 2019. Т. 19. № 3.
3. Бутенко А. С. Экстремизм в сети Интернет : понятие и сущность // Юрист-Правоведъ. 2019. № 2 (89).
4. Пащенко И. В. Идеология террористических сообществ в сети Интернет : технологии распространения и специфика противодействия // Caucasian Science Bridge. 2018. № 1 (2).
5. Буткевич С. А. Экстремизм и терроризм в киберпространстве : выявление, нейтрализация и предупреждение // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 1 (39).
6. Нерубенко А. С., Елисеева Е. С. Экстремизм как социально-правовое явление : распространение экстремистских материалов в сети Интернет // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2018. № 1.
7. Болдырев Е. В., Гонтаренко Н. Н. Молодежный экстремизм в социальных сетях : анализ основных трендов и мер противодействия // Обзор.НЦПТИ. 2020. Вып. № 2 (21).
8. Мурюкина Е. В. Медиаобразовательный анализ террористических сайтов для молодежи // Медиаобразование. 2017. № 1.
9. Рудик М. В., Волков Д. В. Социальные сети как средство распространения экстремизма // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36).

10. Ключко Е. И. Социально-интегративные аспекты дискурсивных практик националистических интернет-сообществ // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2016. Т. 16. № 2.
11. Стышинский М. Джихадистская пропаганда в Интернете и социальных медиа // Политическая лингвистика. 2016. № 5 (59).
12. Быкадорова А. С., Чурилов С. А., Шаповалова Е. В. Экстремизация молодежной аудитории сети Интернет // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3.
13. Ушкин С. Г. Пользовательские комментарии к протестным акциям в русскоязычном сегменте YouTube // Социологические исследования. 2014. № 6.
14. Антонова Ю. А. Виртуальное сообщество в социальной сети как способ распространения экстремистской идеологии среди молодежи // Политическая лингвистика. 2012. № 4.
15. Салимовский В. А., Ермакова Л. М. Экстремистский дискурс в массовой коммуникации Рунета // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3 (15).
16. Кузьмин А. Г. «Правый» Интернет в России : специфика развития и проблемы противодействия // Политэкс. 2008. Т. 4. № 3.
17. Sest N., March E. Constructing the Cyber-Troll: Psychopathy, Sadism, and Empathy // Personality and Individual Differences. 2017. Vol. 119 (1).
18. Воронцова Т. А. Троллинг и флейминг : речевая агрессия в интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия : История и филология. 2016. Т. 26. Вып. 2.
19. Акулич М. М. Троллинг в социальных сетях : возникновение и развитие // Вестник РУДН. Серия : Социология. 2012. № 3.
20. Внебрачных Р. А. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах // Вестник Удмуртского университета. Серия : Философия. Психология. Педагогика. 2012. Вып. 1.
21. Клименко Н. С. «Чайлдфри» и «яжемать» как биполярные категории современной фемининности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 40.
22. Меняйло Д. В., Иванова Ю. А., Меняйло Л. Н. АУЕ – криминальное молодежное движение : сущность и способы распространения // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3.
23. Чурун С. Н. Молодежное «АУЕ» как интегральный феномен российского постмодерна // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2019. № 1.
24. Демидова-Петрова Е. В. Информационный фактор в детерминации современной преступности несовершеннолетних (на примере феномена «А.У.Е.») // Криминология и криминалистика. 2018. № 1.
25. Карпов В. О. Культ Колумбайна : основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9. № 4.
26. Игумнов С. А., Зарецкий В. В., Шамарова Е. Ю. Сайты аутодеструктивного содержания в русскоязычном сегменте интернет // Вопросы психического здоровья детей и подростков. 2018. Т. 18. № 4.
27. Капытина Т. П. Догхантинг как социально-опасное психологическое явление на современном этапе развития российского общества // Психология : проблемы практического применения (II) : материалы междунар. науч. конф. (г. Чита, июнь 2013 г.). Чита : Молодой ученый, 2013.
28. Абросимова Е. А., Шкайдерова Т. В. Фрагменты языковой картины мира тематических виртуальных сообществ (на материале интернет-форумов, посвященных собакам) // Вестник Омского университета. 2012. № 3.
29. Поиск Топ-групп ВКонтакте // Vktopost.ru : сайт. URL: <https://vktopost.ru> (дата обращения: 08.08.2020).
30. Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера. М. : Вече ; АСТ, 2002.
31. Байковский Ю. В., Самойлов Н. Г., Алешичева А. В. Экстремальная психология : словарь терминов. М. : АГСПА, 2018.
32. Военно-психологический словарь-справочник / под общ. ред. Ю. П. Зинченко. М. : ИД Куприянова ; Общество психологов силовых структур, 2010.
33. Кошенова М. И., Волохова В. И. Суицидальное поведение подростков XXI века : мифы и реальность // РЕМ : Psychology. Educology. Medicine. 2019. № 1.
34. Баева Л. В. Эскапизм в цифровом социуме : от хикикомори до «групп смерти» // Ценности и смыслы. 2018. № 2 (54).
35. Бычкова А. М., Раднаева Э. Л. Доведение до самоубийства посредством использования интернет-технологий : социально-психологические, криминологические и уголовно-правовые аспекты // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1.
36. Сидорова М. Ю., Маценуро Д. Г., Гайбуллаев А. З. Киберсамоубийство и цифровой селфхарм : общая проблематика и компьютерные решения // Социальная и клиническая психиатрия. 2018. Т. 28. № 3.

37. Петров А. И., Смирнова О. С., Чумак Б. Б. Анализ контента социальной сети на примере квестовой игры суицидального характера, направленной на детей и подростков // *International Journal of Open Information Technologies*. 2017. Т. 5. № 6.
38. Краснова К. А., Ережипалиев Д. И. Противодействие кибербуллицу как средство предупреждения суицидов несовершеннолетних // *Юристъ-Правоведъ*. 2017. № 3.
39. Узлов Н. Д., Семенова М. Н. Игра, трансгрессия и сетевой суицид // *Суицидология*. 2017. Т. 8. № 3 (28).
40. Архипова А., Волкова М., Кирзюк А., Малая Е., Радченко Д., Югай Е. «Группы смерти»: от игры к моральной панике. М.: РАНХиГС, 2017.
41. Брябрина Т. В., Гиберт А. И., Штрахова А. В. Опыт контент-анализа суицидальных высказываний в сети интернет лиц с различным уровнем суицидальной активности // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология»*. 2016. Т. 9. № 3.
42. Демдоуми Н. Ю., Денисов Ю. П. Распространение «суицидального контента» в киберпространстве русскоязычного Интернета как проблема мультидисциплинарных исследований // *Суицидология*. 2014. Т. 5. № 2 (15).
43. Радченко Д. А. «Падоночество»: социальный феномен и языковая игра // *Молодежные субкультуры Москвы* / сост. Д. В. Громов, отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2009.
44. Таратухина Ю. В. Функционирование «жаргона падонокв» в пространстве Рунета // *Folk-art-net: новые горизонты творчества. От традиции – к виртуальности: сборник статей* / сост. А. С. Каргин, А. В. Костина. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2007.
45. Алексеевский М. Д. «Возьми трубку и зажги мир!»: молодежное сообщество пранкеров в России // *Молодежные субкультуры Москвы* / сост. Д. В. Громов, отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2009.
46. Роскомнадзор. Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено: сайт. URL: <http://eais.rkn.gov.ru/> (дата обращения: 08.08.2020).
47. Филлипс У. Краткая история троллинга. Антисоциальная сеть // *Интерфакс-Запад: сайт*. URL: https://interfax.by/news/nauka_i_tekhnologii/obzory_i_issledovanija/101988/ (дата обращения: 08.08.2020).
48. Уголовная империя. 2001–2017 гг. Дополнения А. Захаров // *Аферы Подделки Криминал: сайт*. URL: https://aferizm.ru/criminal/crime_kingdom.htm (дата обращения: 08.08.2020).
49. Малахова Е. В. Методологические подходы и принципы исследования современной молодежной субкультуры // *Известия МГТУ «МАМИ»*. 2014. Т. 5. № 1 (19).
50. Самосват О. И., Брежнева Т. С., Шмеерова Е. П. Эффективность блокировки деструктивных групп в социальных сетях // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2020. № 1.
51. Ходжсон М. История ислама: Исламская цивилизация от рождения до наших дней. М.: Эксмо, 2013.

References

1. Bareev M. Iu., Kachurina I. O. YouTube as a Factor in Shaping the Protest Potential of Youth. *Regionology*. 2019. Vol. 27. No. 3.
2. Nikitina T. A., Terentjeva I. A. Countering the Spread of Extremist Ideology in the Information Space of Russia. *Bulletin of the Volga Institute of Management*. 2019. Vol. 19. No. 3.
3. Butenko A. S. Extremism on the Internet: Concept and Essence. *Lawyer*. 2019. No. 2 (89).
4. Pashchenko I. V. The Ideology of Terrorist Communities on the Internet: Dissemination Technologies and Specificity of Counteraction. *Caucasian Science Bridge*. 2018. No. 1 (2).
5. Butkevich S. A. Extremism and Terrorism in Cyberspace: Detection, Neutralization and Prevention. *Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2018. No. 1 (39).
6. Nerubenko A. S., Eliseeva E. S. Extremism as a Social and Legal Phenomenon: The Spread of Extremist Materials on the Internet. *Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2018. No. 1.
7. Boldyrev E. V., Gontarenko N. N. Youth Extremism on Social Media: An Analysis of the Main Trends and Countermeasures. *Overview. NTsPTI*. 2020. Iss. 2 (21).
8. Muriukina E. V. Media Education Analysis of Terrorist Sites for Youth. *Media Education*. 2017. No. 1.
9. Rudik M. V., Volkov D. V. Social Media as a Means of Spreading Extremism. *Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2017. No. 2 (36).
10. Kliuchko E. I. Socio-Integrative Aspects of Discursive Practices of Nationalist Internet Communities. *Bulletin of SUSU. Series "Social Sciences and Humanities"*. 2016. Vol. 16. No. 2.
11. Styshinskii M. Jihadist Propaganda on the Internet and Social Media. *Political Linguistics*. 2016. No. 5 (59).

12. Bykadorova A. S., Churilov S. A., Shapovalova E. V. Extremization of the Internet Youth Audience. *Kazan Pedagogical Journal*. 2016. No. 3.
13. Ushkin S. G. User Comments to Protest Actions in the Russian-Language Segment of YouTube. *Sociological Studies*. 2014. No. 6.
14. Antonova Iu. A. The Virtual Community in a Social Network as a Way of Spreading Extremist Ideology Among Young People. *Political Linguistics*. 2012. No. 4.
15. Salimovskii V. A., Ermakova L. M. Extremist Discourse in the Mass Communication of the Runet. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2011. Iss. 3 (15).
16. Kuzmin A. G. "Right" Internet in Russia: The Specifics of Development and the Problem of Counteraction. *Po-litex*. 2008. Vol. 4. No. 3.
17. Sest N., March E. Constructing the Cyber-Troll: Psychopathy, Sadism, and Empathy. *Personality and Individual Differences*. 2017. Vol. 119 (1).
18. Vorontsova T. A. Trolling and Flaming: Speech Aggression in Internet Communication. *Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology*. 2016. Vol. 26. Iss. 2.
19. Akulich M. M. Trolling in Social Networks: Emergence and Development. *Bulletin of RUDN. Series: Sociology*. 2012. No. 3.
20. Vnebrachnykh R. A. Trolling as a Form of Social Aggression in Virtual Communities. *Bulletin of Udmurt University. Series "Philosophy. Psychology. Pedagogy"*. 2012. Iss. 1.
21. Klimenko N. S. "Childfree" and "Yazhemat" as Bipolar Categories of Modern Femininity. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2017. No. 40.
22. Meniailo D. V., Ivanova Iu. A., Meniailo L. N. AUE – Criminal Youth Movement: Essence and Methods of Distribution. *Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2019. No. 3.
23. Chirun S. N. Youth "AUE" as an Integral Phenomenon of Russian Postmodernism. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019. No. 1.
24. Demidova-Petrova E. V. Information Factor in the Determination of Modern Juvenile Delinquency (by the Example of the Phenomenon of "AUE"). *Criminology and Criminalistics*. 2018. No. 1.
25. Karpov V. O. The Cult of Columbine: the Main Determinants of Mass Murder in Schools. *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*. 2018. Vol. 9. No. 4.
26. Igumnov S. A., Zaretskii V. V., Shamarova E. Iu. Sites of Self-Destructive Content in the Russian-Speaking Segment of the Internet. *Questions of Mental Health of Children and Adolescents*. 2018. Vol. 18. No. 4.
27. Kapytina T. P. Doghunting as a Socially Dangerous Psychological Phenomenon at the Present Stage of Development of Russian Society. In *Psychology: Problems of Practical Application (II): Materials of the International Scientific Conference (Chita, June 2013)*. Chita: Molodoi uchenyi, 2013.
28. Abrosimova E. A., Shkaiderova T. V. Fragments of the Linguistic Picture of the World of Thematic Virtual Communities (on the Material of Internet Forums Dedicated to Dogs). *Omsk University Bulletin*. 2012. No. 3.
29. Search for Top VKontakte Groups. URL: <https://vktoppost.ru> (date of the application: 08.08.2020).
30. Reber A. (ed.). *Oxford Dictionary of Psychology*. Moscow: Veche; AST, 2002.
31. Baikovskii Iu. V., Samoilov N. G., Aleshicheva A. V. *Extreme Psychology: Glossary of Terms*. Moscow: AGSPA, 2018.
32. Zinchenko Iu. P. (ed.). *Military Psychological Dictionary-Reference*. Moscow: ID Kupriianov; Society of Law Enforcement Psychologists, 2010.
33. Koshenova M. I., Volokhova V. I. Suicidal Behavior of Adolescents in the 21st century: Myths and Reality. *PEM: Psychology. Educology. Medicine*. 2019. No. 1.
34. Baeva L. V. Escapism in a Digital Society: From Hikikomori to "Death Groups". *Values and Meanings*. 2018. No. 2 (54).
35. Bychkova A. M., Radnaeva E. L. Driving to Suicide Using Internet Technologies: Socio-Psychological, Criminological and Criminal-Legal Aspects. *All-Russian Criminological Journal*. 2018. Vol. 12. No. 1.
36. Sidorova M. Iu., Matsepuro D. G., Gaibullaev A. Z. Cyber Suicide and Digital Selfharm: General Problems and Computer Solutions. *Social and Clinical Psychiatry*. 2018. Vol. 28. No. 3.
37. Petrov A. I., Smirnova O. S., Chumak B. B. Analysis of the Content of a Social Network using the Example of a Suicidal Quest Game Aimed at Children and Adolescents. *International Journal of Open Information Technologies*. 2017. Vol. 5. No. 6.
38. Krasnova K. A., Erezhipaliev D. I. Counteraction to Cyberbullicide as a Means of Preventing Juvenile Suicides. *Lawyer*. 2017. No. 3.
39. Uzlov N. D., Semenova M. N. Game, Transgression and Network Suicide. *Suicidology*. 2017. Vol. 8. No. 3 (28).
40. Arkhipova A., Volkova M., Kirziuk A., Malaia E., Radchenko D., Iugai E. "Groups of Death": From Game to Moral Panic. Moscow: RANEPa. 2017.

41. Briabrina T. V., Gibert A. I., Shtrakhova A. V. Experience of Content Analysis of Suicidal Statements on the Internet of Persons with Different Levels of Suicidal Activity. *Bulletin of SUSU. Series "Psychology"*. 2016. Vol. 9. No. 3.
42. Demdoumi N. Iu., Denisov Iu. P. Distribution of "Suicidal Content" in the Cyberspace of the Russian-Speaking Internet as a Problem of Multidisciplinary Research. *Suicidology*. 2014. Vol. 5. No. 2 (15).
43. Radchenko D. A. "Padonochestvo": A Social Phenomenon and a Language Game. In Gromov D. V. (comp.); Martynov M. Iu. (ed.). *Youth Subcultures of Moscow*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 2009.
44. Taratukhina Iu. V. The Functioning of the "zhargon padonkov" in the Runet Space. In Kargin A. S., Kostina A. V. (comp.). *Folk-art-net: New Horizons of Creativity. From Tradition to Virtuality: Collection of Articles*. Moscow: State Republican Center of Russian Folklore, 2007.
45. Alekseevskii M. D. "Pick up Tobacco Pipe and Light the World!": The Youth Community of Pranks in Russia. In Gromov D. V. (comp.); Martynov M. Iu. (ed.). *Youth Subcultures of Moscow*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAS, 2009.
46. Roskomnadzor. A Unified Register of Domain Names, Pointers to Pages of Sites on the Internet and Network Addresses that allow You to Identify Cites on the Internet, Containing Information, the Distribution of which is Prohibited in the Russian Federation. URL: <http://eais.rkn.gov.ru/> (date of the application: 08.08.2020).
47. Phillips W. A Brief History of Trolling. Antisocial Network. URL: https://interfax.by/news/nauka_i_tekhnologii/obzory_i_issledovaniya/101988/ (date of the application: 08.08.2020).
48. Criminal Empire. 2001–2017. Additions A. Zakharov. URL: https://aferizm.ru/criminal/crime_kingdom.htm (date of the application: 08.08.2020).
49. Malakhova E. V. Methodological Approaches and Principles of the Study of Modern Youth Subculture. *Izvestiya MSTU "MAMI"*. 2014. Vol. 5. No. 1 (19).
50. Samosvat O. I., Brezhneva T. S., Shmeerova E. R. Effectiveness of Blocking Destructive Groups in Social Networks. *Bulletin of Moscow State Regional University*. 2020. No. 1.
51. Hodgson M. *History of Islam: Islamic Civilization from Birth to the Present*. Moscow: Eksmo, 2013.

ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТОВ БЕЗОПАСНОСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-4-28-34>

В системе обеспечения безопасности центральное место принадлежит органам государственной власти, в первую очередь федерального уровня. При этом федеральный законодатель не устанавливает ни формы участия органов государственной власти субъектов РФ в обеспечении безопасности, ни их конкретные полномочия, что предоставляет регионам определенную самостоятельность. В российских регионах распространение получила практика создания советов безопасности при главах субъектов РФ в качестве консультативных и совещательных органов. В статье представлены результаты исследования нормативных правовых актов федерального и регионального уровней, предусматривающих учреждение советов безопасности субъектов РФ и регулирующих их правовой статус. Выявлены принципы формирования и деятельности советов безопасности, среди которых важнейшее значение имеет взаимодействие с органами публичной власти, общественными формированиями. Высказывается предложение о целесообразности конструирования вертикали советов безопасности, включающей органы федерального, регионального и муниципального уровней. Применялись метод материалистической диалектики, сравнительно-правовой, структурно-функциональный и формально-юридический способы познания.

БОГМАЦЕРА

Эдуард Викторович

кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры
публичного права Института
государственного управления
и права Государственного
университета управления
(г. Москва)

gospd406@mail.ru

ЕРЫГИН

Алексей Алексеевич

кандидат политических наук,
доцент, профессор кафедры
государственно-правовых
дисциплин Белгородского
юридического института МВД
России им. И. Д. Путилина
(г. Белгород)

ery-aleks@mail.ru

**Безопасность;
обеспечение безопасности;
субъект Российской Федерации;
органы государственной власти;
высшее должностное лицо
субъекта Российской Федерации;
совет безопасности;
консультативный,
совещательный,
координационный орган**

Eduard V. BOGMACERA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Public Law, Institute of Public
Administration and Law, State
University of Management (Moscow)
gospd406@mail.ru

Alexey A. ERYGIN

Candidate of Political Sciences,
Associate Professor, Professor,
Department of State and Legal
Disciplines, Belgorod Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of Russia named after I. D. Putilin
(Belgorod)
ery-aleks@mail.ru

PRINCIPLES OF FORMATION AND ACTIVITY OF SECURITY COUNCILS OF THE CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

In the security system, the central place belongs to the state authorities, primarily at the federal level. At the same time, the federal legislator does not establish either the forms of participation of state authorities of the constituent entities of the Russian Federation in ensuring security, or their specific powers, which provides the regions with certain independence. In the Russian regions, the practice of creating security councils under the heads of the constituent entities of the Russian Federation as advisory and advisory bodies has become widespread. The article presents the results of a study of regulatory legal acts of the federal and regional levels, providing for the establishment of security councils of the constituent entities of the Russian Federation and regulating their legal status. The principles of the formation and operation of security councils have been identified, among which interaction with public authorities and public groups is of the utmost importance. A proposal is made on the advisability of designing a vertical

**Security;
security;
subject of the Russian Federation;
State authorities;
the highest official of a subject
of the Russian Federation;
Security Council;
consultative, deliberative,
coordinating body**

of security councils, including bodies at the federal, regional and municipal levels. The method of materialistic dialectics, comparative legal, structural-functional and formal-legal methods of knowledge were applied.

Основными субъектами обеспечения безопасности в соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» являются федеральные и региональные органы государственной власти. При этом федеральный законодатель не устанавливает полномочия органов государственной власти субъектов РФ в рассматриваемой сфере, но определяет их основную функцию – «обеспечение исполнения федерального законодательства в области обеспечения безопасности» [1]. Кроме того, в ст. 6 региональные органы государственной власти названы в числе субъектов, координирующих деятельность по обеспечению безопасности. Вместе с тем следует согласиться с мнением о том, что «вектор законодательного обеспечения национальной безопасности России должен быть повернут и в сторону субъектов РФ (включая и муниципальные образования), их систем безопасности, что в итоге позволит осуществить комплексное обеспечение национальной безопасности в целом – в масштабе всего государства» [2, с. 35].

К ведению региональных органов государственной власти по предметам совместного ведения Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (п. 2 ст. 26.3) относит решение таких вопросов в сфере безопасности, как:

«предупреждение чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера, стихийных бедствий, эпидемий и ликвидация их последствий;

обеспечение безопасности дорожного движения на автомобильных дорогах регионального или межмуниципального значения;

профилактика межнациональных (межэтнических) конфликтов и обеспечение межнационально- и межконфессионального согласия;

организация и осуществление мероприятий по предупреждению терроризма и экстремизма, минимизации их последствий;

создание, содержание и организация деятельности аварийно-спасательных служб и аварийно-спасательных формирований» [3].

Вопросы обеспечения общественной безопасности, безопасности населения особенно актуализировались в 2020 г. в связи с разразившейся пандемией. Указом Президента России от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [4] высшие должностные лица (руководители высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ были наделены рядом дополнительных полномочий. Для их реализации необходима координация действий органов государственной власти федерального и регионального уровней, а также органов местного самоуправления.

В субъектах РФ сложились различные организационные модели обеспечения безопасности. В большинстве российских регионов функционирует специальный орган исполнительной власти, ведающий вопросами безопасности: Министерство региональной безопасности Омской области, Управление обеспечения безопасности жизнедеятельности населения Правительства Саратовской области; Комитет Тульской области по региональной безопасности.

В ряде субъектов РФ утвердилась модель с советом безопасности в качестве консультативно-совещательного органа при высшем должностном лице региона. Конституции Удмуртии от 7 декабря 1994 г. и Дагестана от 10 июля 2003 г. прямо предусматривают создание совета безопасности, а конституции Башкортостана от 24 декабря 1993 г., Чеченской Республики от 23 марта 2003 г., Устав Свердловской области от 23 декабря 2010 г. относят право его формирования к полномочиям главы региона. Например, согласно п. «л» ст. 81 Конституции Кабардино-Балкарии Глава Республики «формирует и возглавляет Совет по экономической и общественной безопасности» [5].

Статус совета безопасности определяется в качестве консультативного органа (Татарстан), совещательного органа (Адыгея, Челябинская область), коллегиального совещательного органа (Ульяновская область), коллегиального, совещательного и консультативного органа (Удмуртская Республика), постоянно действующего совещательного органа (Чечен-

ская Республика, Белгородская область). Например, целью Совета общественной безопасности как постоянно действующего совещательного органа при Губернаторе Свердловской области является «обеспечение условий для реализации его полномочий по защите прав и свобод человека и гражданина, обеспечению законности, правопорядка и общественной безопасности на территории области» [6].

Принципы формирования советов безопасности напрямую не закрепляются в региональном законодательстве, а принципы деятельности зафиксированы в законодательстве Белгородской и Челябинской областей. Тем не менее анализ нормативных правовых актов, определяющих статус советов безопасности иных субъектов РФ, позволяет выделить ряд принципов их формирования и деятельности.

К принципам формирования советов безопасности следует отнести прежде всего назначение членов совета. Правом формирования исследуемых органов наделены высшие должностные лица регионов, которые возглавляют советы безопасности и своими указами или постановлениями назначают членов совета. Количественный состав советов безопасности нормативными правовыми актами не определяется, но фактически существенно различается и составляет: в Удмуртской Республике и Ульяновской области – по 11 человек, в Адыгее и Челябинской области – по 15, в Кабардино-Балкарии – 18, в Дагестане и Свердловской области – 19, в Чеченской Республике – 23, в Татарстане – 24, в Томской области – 26, в Белгородской области – 31.

Принцип профессионализма (компетентности) означает, что членами совета безопасности являются должностные лица, обладающими специальными познаниями, опытом работы в сфере безопасности. Анализ персонального состава показывает, что в совет безопасности входят также председатель регионального законодательного (представительного) органа и руководители территориальных органов МВД России, МЧС России, ФСБ России, Федеральной службы войск национальной гвардии. В состав совета безопасности, как правило, включаются: руководитель высшего исполнительного органа государственной власти региона (Адыгея, Свердловская и Ульяновская области), главный федеральный инспектор аппарата полномочного представителя Президента России в федеральном округе (Белгородская область, Башкортостан, Татарстан), прокурор субъекта РФ (Адыгея, Челябинская область), начальник Управления Федеральной службы судебных приставов (Томская область, Кабардино-Балкария), руководитель Следственного управления Следственного комитета РФ по субъекту РФ (Белгородская, Ульяновская и Челябинская области); военный комиссар (Татарстан, Томская область), глава муниципального образования административного центра (столицы)

субъекта РФ (Башкортостан, Удмуртская и Чеченская республики). В редких случаях, как, например, в Адыгее, членом Совета безопасности является руководитель Управления Роспотребнадзора по Республике, главный государственный санитарный врач. Можно предположить, что по мере развития пандемии практика включения указанных должностных лиц в советы безопасности будет продолжена.

Принципы деятельности советов безопасности закреплены, как уже отмечалось, в нормативных правовых актах Белгородской и Челябинской областей, причем практически в идентичном виде. К ним относятся: а) законность; б) уважение прав и свобод человека и гражданина; в) гласность и сохранение государственной тайны; г) учет общественного мнения; д) взаимодействие с государственными органами, органами местного самоуправления, предприятиями и организациями всех форм собственности, общественными объединениями и гражданами [7].

Первостепенное значение для деятельности имеет законность, представляющая «имманентное и органическое начало организации и работы органов государственной власти» [8, с. 4]. Наиболее общее определение характеризует законность как «качественное состояние общества и государства, которое обеспечивает строгое и неукоснительное соблюдение законов всеми субъектами правоотношений – государством, личностью и социальными группами – во всех сферах общественных отношений» [9, с. 66].

Применительно к советам безопасности законность означает строгое соблюдение советами безопасности Конституции РФ, федеральных и федеральных конституционных законов, а также подзаконных нормативных правовых актов, определяющих порядок деятельности органов государственной власти, должностных лиц в области обеспечения безопасности. В частности, указом Президента РФ от 2 июля 2005 г. № 773 «Вопросы взаимодействия и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти» [10] главы российских регионов наделены полномочиями по организации взаимодействия и координации деятельности региональных органов исполнительной власти и территориальных структур федеральных органов исполнительной власти. Предоставленные высшим должностным лицам российских регионов координационные полномочия реализуются ими при формировании советов безопасности.

Принцип уважения прав и свобод человека и гражданина имеет конституционную основу, содержащуюся в ст. 2 Конституции РФ, которая провозглашает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. В соответствии со ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина

«определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» [11]. Не случайно одной из задач Совета безопасности Ульяновской области провозглашается участие в обеспечении защиты прав и свобод человека и гражданина на территории области [12]. Примечательно, что членом Совета общественной безопасности Свердловской области является Уполномоченный по правам человека.

Принцип гласности предполагает, что общедоступная информация о деятельности советов безопасности должна публиковаться в средствах массовой информации, размещаться на их официальных сайтах в сети Интернет или на сайтах органов, обеспечивающих их деятельность. В качестве примеров можно назвать сайт Совета безопасности Татарстана, содержащий не только нормативные правовые акты, но и актуальную информацию о деятельности Совета.

Однако принцип гласности должен сочетаться с принципом сохранения государственной тайны в деятельности советов безопасности, означающим, что члены советов безопасности, а также приглашенные на заседание лица, сотрудники органов, обеспечивающих деятельность советов безопасности, должны руководствоваться нормативными предписаниями Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» [13]. Следует также иметь в виду, что в большинстве регионов предусмотрена возможность проведения не только открытых, но и в необходимых случаях закрытых заседаний советов безопасности.

Принцип учета общественного мнения проявляется в том, что в зависимости от содержания рассматриваемого вопроса советы безопасности Белгородской области, Башкортостана, Татарстана могут приглашать на заседания на правах консультантов других лиц. Совет общественной безопасности Свердловской области вправе привлекать специалистов и экспертов для выполнения исследовательских, аналитических и экспертных работ по вопросам обеспечения безопасности. В редких случаях, как, например, в Удмуртской Республике, членом Совета общественной безопасности является председатель республиканской Общественной палаты. В целом привлечение в состав советов безопасности представителей общественности, экспертов «обеспечивает взаимодействие властных структур с институтами гражданского общества, общественное обсуждение важнейших общегосударственных проблем, использование научно обоснованных подходов к их решению» [14, с. 97].

Важнейшее значение в деятельности советов безопасности имеет принцип взаимодействия с государственными органами, органами местного самоуправления, гражданами, общественными объединениями. В связи с этим одной из задач Совета безопасности

Белгородской области является «разработка предложений по координации деятельности федеральных и областных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления в процессе реализации принятых решений в области обеспечения безопасности и оценка их эффективности» [15]. Представляется, что речь должна идти о взаимодействии не только органов исполнительной власти, но и региональных законодательных (представительных) органов. Так, Совет безопасности Татарстана осуществляет подготовку решений не только Президента и Кабинета министров Республики, но и республиканского законодательного (представительного) органа «по вопросам обеспечения защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства» [16].

По решению председателей советов безопасности могут проводиться совместные заседания с совещательными и консультативными органами, созданными при главах российских регионов (антитеррористические и антинаркотические комиссии; комиссии по обеспечению безопасности дорожного движения; постоянно действующие координационные совещания по обеспечению правопорядка).

В региональных нормативных правовых актах закрепляются нормы о взаимодействии советов безопасности с органами местного самоуправления, об участии в заседаниях Советов с правом совещательного голоса при рассмотрении вопросов обеспечения безопасности на территории муниципальных образований руководителей органов местного самоуправления (Челябинская область [17]), полномочных представителей органов местного самоуправления (Белгородская область, Татарстан). Анализ практической деятельности Совета безопасности Белгородской области свидетельствует о том, что он фактически координирует деятельность советов безопасности, созданных в муниципальных районах городских округах [18, с. 23]. В этой связи представляется целесообразным закрепить за советами безопасности российских регионов координирующую функцию в отношении муниципальных советов безопасности, что соответствовало бы логике единой публичной власти, выстраиваемой в соответствии с предписаниями ч. 3 ст. 132 обновленной Конституции РФ.

При осуществлении полномочий региональные советы безопасности вправе взаимодействовать с Советом Безопасности РФ, однако формы такого взаимодействия в нормативных правовых актах прописываются редко. Так, согласно п. 2.2 Положения о Совете по экономической и общественной безопасности Кабардино-Балкарской Республики [19] к ведению Совета относится «подготовка и внесение в аппарат Совета Безопасности РФ предложений по вопросам укрепления безопасности, требующим принятия мер на федеральном уровне». Представ-

ляется, что Совет Безопасности РФ должен быть органом, координирующим деятельность региональных советов безопасности, тем более что одной из его задач является координация деятельности федеральных и региональных органов исполнительной власти по реализации принятых Президентом России решений в области обеспечения национальной безопасности [20]. Представляется целесообразным «выстраивание» своеобразной вертикали советов безопасности, включающей советы федерального, регионального и муниципального уровней.

Принцип научности в деятельности советов безопасности напрямую не закрепляется в региональных нормативных правовых актах, но экспертно-научные советы созданы в Ульяновской области, Татарстане, Дагестане. К функциям научного совета при Совете безопасности Дагестана относятся, в частности:

а) «научная проработка актуальных вопросов стратегии развития Республики и обеспечения безопасности, а также научная экспертиза предложений по важнейшим направлениям государственной политики в этой области;

б) научная экспертиза проектов нормативных, концептуальных, аналитических и иных документов по вопросам обеспечения безопасности;

в) научное обоснование проектов решений Совета Безопасности по вопросам обеспечения безопасности от внутренних и внешних угроз» [21].

Принцип периодичности заседаний советов безопасности означает, что они проводятся: а) по мере необходимости (Адыгея); б) по мере необходимости, но не реже одного раза в квартал (Башкортостан, Ингушетия, Чеченская Республика, Свердловская область); в) на регулярной основе в соответствии с планами, утверждаемыми председателем Совета, как правило, один раз в квартал (Ульяновская область, Дагестан, Кабардино-Балкария); г) не реже двух раз в год (Удмуртия). В некоторых регионах периодичность проведения заседаний не устанавливается: заседания Советов безопасности Белгородской и Челябинской областей проводятся по указанию (решению) председателя Совета; в Татарстане и Томской области – в соответствии с утверждаемыми председателем Совета безопасности планами работы. В случае необходимости могут проводиться внеочередные и оперативные заседания совета безопасности.

В целом принципы формирования и деятельности советов безопасности, учреждаемых высшими должностными лицами субъектов РФ, отражают их юридическую природу как консультативно-совещательных органов, призванных координировать деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных формирований, участвующих в обеспечении безопасности.

Пристайный библиографический список

1. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2.
2. *Беляев В. П., Чапчиков С. Ю.* Оптимизация механизма обеспечения национальной безопасности России: некоторые направления // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9.
3. Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.
4. СЗ РФ. 2020. № 14 (ч. 1). Ст. 2082.
5. Конституция Кабардино-Балкарской Республики от 1 сентября 1997 г. № 28-РЗ // Кабардино-Балкарская правда. 1997. 9 сентября. № 177.
6. Указ Губернатора Свердловской области от 26 апреля 2019 г. № 216-УГ «Об утверждении Положения о Совете общественной безопасности Свердловской области» // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.04.2020).
7. Постановление Губернатора Белгородской области от 4 сентября 2018 г. № 87 «О Совете безопасности Белгородской области» // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.04.2020).
8. *Колесников Е. В.* Законность как принцип организации и деятельности органов государственной власти // Российская юстиция. 2020. № 5.
9. *Богмацера Э. В., Ерыгин А. А.* Правовые основы организации и деятельности советов безопасности субъектов Российской Федерации : учебное пособие. Белгород : БелЮИ МВД России им. И. Д. Путилина, 2017.
10. Указ Президента РФ от 2 июля 2005 г. № 773 «Вопросы взаимодействия и координации деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти» // СЗ РФ. 2005. № 27. Ст. 2730.

11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.09.2020).

12. Указ Губернатора Ульяновской области от 27 ноября 2017 г. № 89 «О Совете безопасности Ульяновской области» // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.04.2020).

13. Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне» // Российская газета. 1993. 21 сентября. № 182.

14. Амельчаков И. Ф., Богмацера Э. В., Ерыгин А. А. и др. Устав Белгородской области : научно-практический комментарий (постатейный). Белгород : БелЮИ МВД России, 2015.

15. Постановление Губернатора Белгородской области от 4 сентября 2018 г. № 87 «О Совете безопасности Белгородской области» // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.04.2020).

16. Указ Президента Республики Татарстан от 13 сентября 1999 г. № УП-719 «Об образовании Совета Безопасности Республики Татарстан» // Республика Татарстан. 1999. 14 сентября. № 184.

17. Постановление Губернатора Челябинской области от 13 июля 2004 г. № 341 «Об утверждении Положения «О Совете безопасности Челябинской области»» // Правительство Челябинской области : сайт. URL: <https://pravmin74.ru/sovets-bezopasnosti-chelyabinskoy-oblasti> (дата обращения: 30.04.2020).

18. Ерыгин А. А. Правовой статус советов безопасности муниципальных образований : учебное пособие. Белгород : БелЮИ МВД России им. И. Д. Путилина, 2020.

19. Указ Президента Кабардино-Балкарской Республики от 17 ноября 2006 г. № 144-УП «О Совете по экономической и общественной безопасности Кабардино-Балкарской Республики» // Кабардино-Балкарская правда. 2006. 18 ноября. № 301; 21 ноября. № 303–304.

20. Указ Президента РФ от 7 марта 2020 г. № 175 «О некоторых вопросах Совета Безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.04.2020).

21. Указ Президента Республики Дагестан от 19 июня 2009 г. № 130 «О научном совете при Совете Безопасности Республики Дагестан» // Собрание законодательства Республики Дагестан. 2009. № 12. Ст. 571.

References

1. Federal Law of 28 December 2010 No. 390-FZ "On Security". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2011. No. 1. Art. 2.

2. Beliaev V. P., Chapchikov S. Iu. Optimization of the Mechanism for Ensuring the National Security of Russia: Some Directions. *Actual Problems of Russian Law*. 2018. No. 9.

3. Federal Law of 6 October 1999 No. 184-FZ "On the General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of Subjects of the Russian Federation". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 1999. No. 42. Art. 5005.

4. *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2020. No. 14 (Part 1). Art. 2082.

5. Constitution of the Kabardino-Balkarian Republic of 1 September 1997 No. 28-RZ. *Kabardino-Balkarian Truth*. 9 September 1997. No. 177.

6. Decree of the Governor of the Sverdlovsk Region of 26 April 2019 No. 216-UG "On Approval of the Regulation on the Public Security Council of the Sverdlovsk Region". URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of the application: 30.04.2020).

7. Resolution of the Governor of the Belgorod Region of 4 September 2018 No. 87 "On the Security Council of the Belgorod Region". URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of the application: 30.04.2020).

8. Kolesnikov E. V. Legality as a Principle of Organization and Activity of State Authorities. *Russian Justice*. 2020. No. 5.

9. Bogmatsera E. V., Erygin A. A. Legal Foundations of the Organization and Activities of the Security Councils of the Constituent Entities of the Russian Federation: Textbook. Belgorod: Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin, 2017.

10. Decree of the President of the Russian Federation of 2 July 2005 No. 773 "Issues of Interaction and Coordination of the Activities of Executive Bodies of the Constituent Entities of the Russian Federation and Territorial Bodies of Federal Executive Bodies". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2005. No. 27. Art. 2730.

11. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993, with the changes approved during the all-Russian vote on 1 July 2020). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of the application: 30.09.2020).

12. Decree of the Governor of the Ulyanovsk Region of 27 November 2017 No. 89 "On the Security Council of the Ulyanovsk Region". URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of the application: 30.04.2020).

13. Law of the Russian Federation of 21 July 1993 No. 5485-I "On State Secrets". *Rossiyskaya Gazeta*. 21 September 1993. No. 182.

14. *Amelchakov I. F., Bogmatsera E. V., Erygin A. A. et al.* Charter of the Belgorod Region: Scientific and Practical Commentary (Article-by-Article). Belgorod: Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015.

15. Decree of the Governor of the Belgorod Region of 4 September 2018 No. 87 "On the Security Council of the Belgorod Region". URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of the application: 30.04.2020).

16. Decree of the President of the Republic of Tatarstan of 13 September 1999 No. UP-719 "On the Formation of the Security Council of the Republic of Tatarstan". *Republic of Tatarstan*. 14 September 1999. No. 184.

17. Resolution of the Governor of the Chelyabinsk Region of 13 July 2004 No. 341 "On Approval of the Regulation 'On the Security Council of the Chelyabinsk Region'". URL: <https://pravmin74.ru/sovet-bezopasnosti-chelyabinskoy-oblasti> (date of the application: 30.04.2020).

18. *Erygin A. A.* Legal Status of Security Councils of Municipalities: Tutorial. Belgorod: Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putin, 2020.

19. Decree of the President of the Kabardino-Balkarian Republic of 17 November 2006 No. 144-UP "On the Council for Economic and Public Security of the Kabardino-Balkarian Republic". *Kabardino-Balkarian Truth*. 18 November 2006. No. 301; 21 November. No. 303–304.

20. Decree of the President of the Russian Federation of 7 March 2020 No. 175 "On Some Issues of the Security Council of the Russian Federation". URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of the application: 30.04.2020).

21. Decree of the President of the Republic of Dagestan of 19 June 2009 No. 130 "On the Scientific Council Under the Security Council of the Republic of Dagestan" // Collected Legislation of the Republic of Dagestan. 2009. No. 12. Art. 571.

**МОДЕЛИ РЕАЛИЗАЦИИ
ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПОЛНОМОЧИЙ В ОБЛАСТИ ОРГАНИЗАЦИИ
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ
ЭФФЕКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ**

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-4-35-44>

С принятием поправок к Конституции РФ, направленных на совершенствование регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти, одним из ключевых вопросов становится вопрос взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления для наиболее эффективного решения задач в интересах населения. На сегодняшний день Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не только не регламентирует формы взаимоотношений между данными уровнями публичной власти, но и в целом не дает однозначного понимания, каким образом возможно осуществление взаимодействия в рамках представленных полномочий по организации местного самоуправления региональному уровню власти. Целью данного исследования является анализ полномочий органов государственной власти субъектов РФ с последующей выработкой моделей их реализации и оценкой эффективности взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления. Предметом исследования выступает совокупность правовых норм, которыми регламентированы полномочия региональных органов власти по организации местного самоуправления. В работе применены общенаучные и частнонаучные методы познания: анализ, синтез, обобщение, формально-юридический, сравнительно-правовой. Автор обращает внимание на положительные и отрицательные характеристики сложившихся моделей реализации органами государственной власти субъектов РФ полномочий в области организации местного самоуправления. Формулируются предложения по совершенствованию порядка взаимодействия между уровнями публичной власти в рамках организации местного самоуправления региональными органами государственной власти.

КАЛЯНОВА

Юлия Геннадьевна

консультант аппарата комитета
Законодательного собрания
Нижегородской области по
вопросам государственной власти
области, местного самоуправления
и регламенту, преподаватель
кафедры конституционного
и административного права
Нижегородского института
управления – филиала РАНХиГС
(г. Нижний Новгород)

Liberty-89@mail.ru

**Организация местного
самоуправления;
полномочия органов
государственной власти
субъектов Российской
Федерации;
публичная власть;
взаимодействие органов
государственной власти
и органов местного
самоуправления**

Julia G. KALYANOVA

Consultant of the Legislative
Assembly Committee on Public,
Local Government and Regulations
in Nizhny Novgorod Region, Lecturer,
Department of Constitutional and
Administrative Law, Nizhny Novgorod
Institute of Management – Branch of
RANEPA (Nizhny Novgorod)

Liberty-89@mail.ru

**MODELS OF EXERCISING POWERS
OF ORGANISING LOCAL SELF-GOVERNMENT BY
GOVERNMENT AUTHORITIES OF TERRITORIAL
SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION
AS A MECHANISM OF EFFICIENT INTERACTION
BETWEEN GOVERNMENT AUTHORITIES
AND LOCAL SELF-GOVERNMENT AGENCIES
IN THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM**

Organisation of local self-government; powers of government authorities of a territorial subject of the Russian Federation; public administration; interactions between government authorities and local self-government

The amendments to the Constitution of the Russian Federation intended to improve regulation of certain areas of organisation and functioning of public administration have brought up some relevant issues, including how interactions between government authorities and local self-government are going to change to facilitate the most efficient resolution of arising issues in the interests of the communities. Currently, the Federal Law on General Principles of Organisation of Local Self-Government in the Russian Federation fails to specify formats of such interactions between these two levels of public administration as well as generally fails to provide a clear picture of how these interactions can be organised within the powers of local self-government vested in the regional authorities. In this research, we analyse the powers of government authorities of the subjects of the Russian Federation, develop models that allow to exercise these powers and assess the effectiveness of interactions between government authorities and local self-government. The subject of this research is the body of legal norms that regulates the powers of regional government authorities in organising local self-government. The author uses general and specific research methods in this research: analysis, synthesis, generalisation, formal legal research, and comparative legal research. The author highlights positive and negative features of the existing models for exercising powers in organisation of local self-government by government authorities of the subjects of the Russian Federation. We propose some improvements to the existing mechanisms of interaction between different levels of public administration in the process of organisation of local self-government by regional government authorities.

В субъектах РФ действуют различные правовые акты, на основе которых органы государственной власти выстраивают взаимодействие с органами местного самоуправления, осуществляя организацию местного самоуправления. В частности, в конституциях (уставах), законах субъектов РФ, определяющих статус органа государственной власти, встречаются нормы, которые направлены на регулирование вопроса взаимоотношений региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления. К примеру, к полномочиям Правительства Карачаево-Черкесской Республики относится координация деятельности органов местного самоуправления по предметам ведения органов государственной власти республики [1]. Парламент Кабардино-Балкарской Республики содействует развитию местного самоуправления [2]. В Ставропольском крае данным полномочием наделен Губернатор края [3]. Законодательный орган власти субъекта РФ не только осуществляет правовое регулирование форм взаимодействия, но и является непосредственным субъектом данных отношений. Не менее важную роль региональные парламенты выполняют в рамках взаимодействия с местным уровнем власти посредством оказания им методической, консультационной и иной помощи. Такая помощь выражается в рассмотрении обращений органов и должностных лиц местного самоуправления, разработке необходимой документации, информационных материалов.

В структуре основного нормотворческого органа государственной власти, как правило, формируются отдельные подразделения, занимающиеся вопросами организации, деятельности и развития системы местного самоуправления. Например, к ведению создаваемых комитетов в структуре законодательного органа власти относится законодательное обеспечение вопросов местного самоуправления, таких как наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, регулирование вопросов муниципальной службы, формирования органов местного самоуправления, административно-территориального и муниципального устройства, что не исключает также методическое, информационное и иное обеспечение в пределах своей компетенции [4; 5; 6].

В свою очередь, непосредственное участие в организации местного самоуправления, включая тесное сотрудничество с органами местного самоуправления, создание условий для развития местного самоуправления на территории региона, является прерогативой исполнительной ветви власти.

Однако стоит отметить, что диалог региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления складывается не только на основе самого принципа разделения властей и определенных форм взаимодействия, но и самой модели реализации полномочий органами государственной власти субъектов РФ в области организации местного

самоуправления. При этом ее применение во многом зависит от установленной в субъекте РФ структуры исполнительных органов государственной власти. В связи с этим представляется уместным обозначить следующие модели реализации региональных полномочий в этой области.

Первая – традиционная. Характерным признаком ее применения является наличие профильного исполнительного органа власти, в ведении которого находится достаточный объем функций и задач по вопросам местного самоуправления. Профильность органа выражается также в наименовании самого исполнительного органа, указывающего на направление его деятельности. Такая модель является наиболее распространенной, в большинстве субъектов РФ в структуре исполнительных органов субъектов РФ, созданы министерства, департаменты, комитеты, управления по внутренней политике, по региональной, муниципальной политике, по муниципальному, территориальному развитию, организации местного самоуправления (например, в Ленинградской, Магаданской, Мурманской, Нижегородской, Новгородской, Оренбургской, Орловской, Саратовской, Тамбовской, Тверской, Томской областях, республиках Дагестан, Ингушетия, г. Севастополе). Функции и задачи профильных исполнительных органов являются в большей степени стратегическими и концептуальными. Особенностью их изложения является набор типичных полномочий, выражающихся в следующих формулировках: «реализует», «обеспечивает», «осуществляет», «взаимодействует», «организует», «проводит», «участвует», «обобщает», «оказывает». Довольно очевидно, что исполнительный орган по-разному трактует содержание объекта регулирования. К примеру, в области развития системы местного самоуправления Министерство внутренней политики, развития местного самоуправления и юстиции Республики Марий Эл и Министерство внутренней, региональной и муниципальной политики Нижегородской области содействует созданию условий для ее развития [7; 8]. Министерство по муниципальному развитию и внутренней политике Калининградской области реализует на территории области государственную политику в сфере содействия развитию местного самоуправления, в то время как в Мурманской области профильное министерство в пределах компетенции обеспечивает лишь деятельность, направленную на оказание содействия в развитии местного самоуправления в области [9; 10]. В Орловской области профильный орган власти осуществляет выработку системы мер по реализации государственной и региональной политики в сфере содействия развитию местного самоуправления, а в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре департамент внутренней политики осуществляет функции по реализации единой государственной

политики в сфере содействия развитию местного самоуправления [11; 12]. Отсутствие единства трактовки вопроса наблюдается также в планировании развития местного самоуправления. Например, в Кемеровской области департамент внутренней политики только принимает участие в разработке и реализации комплексных программ и планов развития муниципальных образований, в Камчатской крае Министерство территориального развития участвует в организации разработки и реализации подобных программ развития местного самоуправления [13; 14].

Несмотря на наличие обобщенного круга вопросов, в традиционной модели можно выделить также внутриуровневую модель, которая характеризуется наличием особенностей, связанных с видом органа исполнительной власти и формами реализации полномочий. Так, в положениях органов исполнительной власти, именуемых департаментами, прослеживается тенденция по указанию конкретных полномочий, направленных на организацию местного самоуправления. Например, в Ненецком автономном округе Департамент внутренней политики проводит опросы населения по оценке эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления городского округа и муниципального района, обеспечивает реализацию проекта по поддержке местных инициатив на территориях, в Ямало-Ненецком автономном округе департамент занимается подготовкой предложений по организационным основам местного самоуправления [15; 16].

Особенность установленных полномочий управлений и комитетов заключается в том, что в основном их функции и задачи сводятся к решению и подготовке конкретного вопроса, к взаимодействию и координации. К примеру, управление по внутренней политике Еврейской автономной области взаимодействует объединениями и ассоциациями, созданными органами местного самоуправления. Управление в Магаданской области организует работу по вопросам административно-территориального устройства, в Хабаровском крае аналогичный орган занимается организацией и проведением регионального этапа всероссийского конкурса «Лучшая муниципальная практика» [17; 18; 19].

Тем не менее в традиционной модели органы исполнительной власти, независимо от вида органа власти, в большей степени наделены полномочиями по принятию мер обеспечивающего характера. Например, департамент внутренней политики в Брянской области в пределах своей компетенции в целях развития территориальной, правовой, организационной основы местного самоуправления обеспечивает взаимодействие Губернатора области, всех исполнительных органов с органами местного самоуправления и советом муниципальных образований

Брянской области [20]. Обязанность по обеспечению взаимодействия органов местного самоуправления не только с исполнительными органами государственной власти города, но и территориальными органами федеральных органов исполнительной власти взял на себя Департамент по территориальному развитию и взаимодействию с органами местного самоуправления города Севастополя [21].

Практическое преимущество традиционной модели заключается в том, что создание профильного органа предполагает концентрацию прав принятия решений теми должностными лицами, которые наиболее глубоко вовлечены в вопросы организации местного самоуправления, более всех располагают информацией о состоянии эффективности развития местного самоуправления на всей территории региона, иными словами, при такой модели явно выражено сосредоточение властных полномочий. Кроме того, такая модель реализации полномочий является удобной для органов местного самоуправления во взаимодействии с органами государственной власти по решению организационных вопросов, поскольку для оказания методической, консультационной и иной помощи может применяться принцип «одного окна».

Вместе с тем традиционная модель имеет ключевой недостаток – обобщенность и размытость полномочий. При такой модели не представляется возможным определить сущностную характеристику полномочий, а также степень их реализации органом власти. При обеспечительной форме реализации является трудновыполнимым выявить показатели эффективности данного органа власти при реализации соответствующего полномочия.

Данный факт компенсируется наличием функций по организации и осуществлению местного самоуправления у органов исполнительной власти, в ведении которых находится решение специализированных вопросов организации местного самоуправления. Развитие местного самоуправления неразрывно связано с экономическим потенциалом муниципальных образований, наличием доходной составляющей местного бюджета, эффективностью его расходов. Кроме того, экономическое развитие является предметом оценки деятельности органов местного самоуправления. В ряде субъектов РФ решение данных задач относится к органам власти, в ведении которых находится деятельность по вопросам социально-экономического развития территории региона и муниципальных образований. Так, в республиках Алтай, Северной Осетии-Алании министерство экономического развития занимается организацией и подготовкой материалов для проведения оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления [22; 23].

Подобный подход наблюдается при реализации полномочий в других отраслевых общественных от-

ношениях, связанных с организационными вопросами. К примеру, вопросы обеспечения эффективного прохождения муниципальной службы в Республике Татарстан, совершенствование системы профессионального развития муниципальных служащих, оказание методической и консультационной помощи кадровым службам органов местного самоуправления относится к задачам Департамента государственной службы и кадров при Президенте Республики Татарстана [24]. В соответствии с Положением о Министерстве строительства, жилищно-коммунального хозяйства и энергетики Республики Карелия данный орган власти осуществляет координацию работы по согласованию проектов схем территориального планирования муниципальных районов, проектов генеральных планов поселений, городских округов [25].

С учетом таких особенностей реализации полномочий, следует выделить вторую модель и обозначить ее как комплексную. Применение такой модели способствует реализации конкретных вопросов, направленных на организацию и осуществление местного самоуправления. Однако при таком подходе довольно сложным является взаимодействие по организационным вопросам между другими органами исполнительной власти, поскольку отсутствует механизм координации их деятельности со стороны профильного органа власти. Кроме того, при распределении полномочий по профильности происходит «разрыв» самого вопроса организации местного самоуправления, например, утверждением генеральных планов занимается один орган, а совершенствование территориальной организации местного самоуправления может находиться в ведении других, проверка сведений в отношении лиц, замещающих муниципальных должности, осуществляется специализированным органом, однако сбором информации о местных депутатах, должностных лицах, служащих и работающих в органах местного самоуправления занимается профильный орган.

Краеугольное положение в вопросах организации и осуществления местного самоуправления занимает высшее должностное лицо субъекта РФ. Статус главы субъекта РФ позволяет сформировать вектор развития местного самоуправления на территории региона, представлять свой регион в отношениях с органами местного самоуправления, организовывать взаимодействие органов исполнительной власти субъекта РФ с органами местного самоуправления. Кроме того, глава региона, исходя из предоставленных ему Законом об общих принципах полномочий, способен существенно влиять на организацию местного самоуправления.

В некоторых субъектах РФ вопросами организации местного самоуправления занимаются структурные единицы, которые находятся в непосредственном подчинении высшего должностного лица субъекта РФ. К таковым органам относятся администрации и аппа-

раты глав субъектов РФ. Такой подход позволяет выделить третью модель – модификационную, которая включает в себя элементы традиционной и комплексной моделей. Данная модель встречается в Амурской, Архангельской, Костромской, Курской, Псковской областях, республиках Бурятия, Дагестан, Ингушетия Кабардино-Черкесская, Забайкальском крае.

Органы, находящиеся в непосредственном подчинении глав регионов, наделены объемным кругом полномочий, в частности анализом, оценкой состояния работы и эффективности деятельности органов местного самоуправления, планированием, прогнозированием развития местного самоуправления, подготовкой предложений по реализации федерального и регионального законодательства, разработкой правовых актов по вопросам развития местного самоуправления, разработкой программ развития местного самоуправления.

Преобладающей формой реализации полномочий в модификационной модели является осуществление координации и взаимодействия с другими органами государственной власти, органами местного самоуправления. Так, в Республике Бурятия Администрация Главы Республики обеспечивает координацию деятельности исполнительных органов государственной власти субъекта по реформированию и развитию местного самоуправления, по вопросам реализации территориальной политики, территориального развития муниципальных образований [26]. В Забайкальском крае Администрация Губернатора края оказывает содействие в подготовке и проведении муниципальных выборов и местных референдумов, координирует деятельность органов местного самоуправления по осуществлению переданных им государственных полномочий [27].

Анализируя положения данных структур, можно выделить следующие преимущества модификационной модели реализации полномочий: нахождение в непосредственном подчинении глав регионов позволяет наиболее быстро среагировать высшему должностному лицу субъекта РФ на тот или иной случай, влекущий дезорганизацию местного самоуправления на территории. Созданы условия, которые могут привести к повышению обоснованности управленческих решений в области организации и местного самоуправления и тесному взаимодействию с муниципальным уровнем власти. Учитывая «высокое» нахождение в структуре исполнительных органов и обладая властными полномочиями, при такой модели возможно осуществление координации и контроля других органов власти, занимающихся вопросами организации местного самоуправления.

Однако существуют также и отрицательные характеристики модификационной модели. В первую очередь это касается складывающегося взаимодействия

между главой субъекта РФ и данным органом. Может происходить как неоправданное вмешательство в деятельность такого органа, так и, наоборот, ослабление контроля со стороны высшего должного лица субъекта РФ за его деятельностью в этой области. Причиной может стать приоритетность в выполнении иных функций и задач, направленных на обеспечение деятельности главы региона и высшего исполнительного органа власти субъекта РФ. Вследствие этого может произойти игнорирование интересов органов местного самоуправления. Кроме того, не исключается вероятность того, что установленные требования к замещению должностей в данных органах не предполагают наличие профессиональных навыков и знаний по всем направлениям деятельности (экономическому, финансовому, кадровому и др.). Ставится под сомнение выполнение тех полномочий, которые по сути не должны находиться в ведении таких органов.

В целях оптимального поиска организации и осуществления местного самоуправления, содействия развитию местного самоуправления органы государственной власти все чаще стали прибегать к дополнительным механизмам, позволяющим влиять на организацию местного самоуправления и налаживать конструктивное взаимодействие с местным уровнем власти.

В субъектах РФ наблюдается тенденция к формированию как при законодательном, так и при исполнительном органах власти координационных, экспертных, совещательных, консультативных органов. При законодательных органах, как правило, создаются ассоциации, советы, членами которых являются должностные лица представительных органов местного самоуправления. К примеру, в Нижегородской области создана Ассоциация представительных органов муниципальных районов и городских округов Нижегородской области при Законодательном Собрании Нижегородской области. В Пермском крае действует Совет представительных органов муниципальных образований Пермского края, в Новгородской области Совет по местному самоуправлению при Новгородской областной Думе [28; 29; 30].

Организационная работа осуществляется и под руководством высших должностных лиц субъектов РФ. Так, созданы советы по развитию местного самоуправления в Астраханской, Свердловской областях, республиках Алтай, Бурятия, Кабардино-Балкарская, Хакасия, Ставропольском крае, Ханты-Мансийский автономном округе. Задачи указанных органов отражают в большей степени три направления деятельности (анализ, разработка предложений, методическое обеспечение). Их функции сводятся к взаимодействию всех заинтересованных сторон, выработке консолидированных позиций в целях достижения эффективности и результативности.

Стоит подчеркнуть, что советы, образованные при высших должностных лицах субъектов РФ, обладают более широким диапазоном полномочий, нежели иные виды консультативных органов, поскольку наделены координирующими и контрольными функциями. Например, Совет по развитию местного самоуправления Свердловской области координирует деятельность и организацию взаимодействия всех региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления муниципальных образований области по вопросам, связанным с реализацией государственной политики в сфере местного самоуправления, иными словами является координационным совещательным органом, стоящим над органами государственной власти и органами местного самоуправления [31]. В Костромской области совещательный орган обеспечивает взаимодействие с ассоциацией «Совет муниципальных образований Костромской области» [32].

Таким образом, с учетом современных способов выстраивания отношений между уровнями публичной власти в области организации местного самоуправления, можно выделить четвертую – гибридную модель реализации полномочий, сочетающую в себе элементы других вышеуказанных моделей. При такой организации органы государственной власти и органы местного самоуправления могут совместно определять основные направления государственной политики в области развития местного самоуправления, выявлять недостатки существующих на территории способов организации местного самоуправления.

В то же время к минусам такой модели стоит отнести стирание грани между функциями и задачами, закрепленными за органами государственной власти, и создаваемыми при них совещательными органами. При гибридной модели не исключено делегирование ключевых вопросов на образованные органы при власти, которые по сути не обладают самостоятельными инструментами для их решения. Происходит «раздувание» деятельности между всеми участниками процесса, перекалывание ответственности друг на друга и, как следствие, снижение эффективности и результативности деятельности.

Закон об общих принципах допускает в рамках межмуниципального сотрудничества создание советов муниципальных образований субъектов РФ и других объединений муниципальных образований (Общероссийский конгресс муниципальных образований (ОКМО), Всероссийский совет местного самоуправления (ВСМС), Союз российских городов (СРГ), Ассоциация сибирских и дальневосточных городов (АСДГ), Ассоциация городов Поволжья и др.).

Направления деятельности данных органов позволяют поднимать наиболее острые проблемы, воз-

никающие в реализации полномочий органами местного самоуправления, и вырабатывать конкретные пути их решения, обмениваться опытом не только между муниципальными образованиями в пределах одного субъекта РФ, но и за его пределами, оказывать методическую и консультационную помощь, и, самое главное, выступать главным арбитром для органов государственной власти в целях достижения эффективности организации и осуществления местного самоуправления. В свою очередь, органы государственной власти являются субъектами информирования для местных властей о наиболее значимых вопросах, касающихся организации местного самоуправления, развития местного самоуправления. Такая форма работы, безусловно, предполагает взаимодействие всех уровней публичной власти. Представляется обозначить такую форму работы как внешнюю модель реализации полномочий органов государственной власти, поскольку ее функционирование не зависит от компетенции государственных органов и других моделей организации местного самоуправления. При ее функционировании можно удовлетворить интересы всех сторон, занимающихся вопросами развития местного самоуправления.

Приведенные выше модели реализации региональных полномочий в области организации местного самоуправления позволяют сделать вывод о том, что в каждом субъекте РФ существует необходимая база для построения эффективного взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления для решения вопросов в интересах населения. С наибольшей долей вероятности регионы применяют соответствующую модель реализации полномочий исходя из определяемых приоритетов, целей и задач социально-экономического развития субъекта РФ, а также сложившейся системы органов государственной власти и взаимодействия между собой.

В то же время формирование взаимоотношений между органами государственной власти и органами местного самоуправления напрямую зависит от двух основных факторов: от смыслового значения конструкции «организация местного самоуправления» и от разграничения полномочий между органами государственной власти в данной области.

Тенденция такова, что региональными органами власти полномочия реализуются в зависимости от самостоятельной интерпретации вопроса организации местного самоуправления. Организация местного самоуправления трактуется как в широком, так и в узком значении. Особенно данный факт наблюдается в организации местного самоуправления исполнительной властью.

В их ведении находятся вопросы, которые по своей природе им не свойственны и не должны относиться к их компетенции, даже исходя из наиме-

нования органа. Например, Министерство экономического развития и инвестиций Самарской области занимается разработкой предложений по совершенствованию законодательства в сфере территориального развития и местного самоуправления [33]. В этой связи можно предположить, что территориальная организация формируется на основе экономического и инвестиционного потенциалов региона. В Республике Мордовия методическое обеспечение деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления по развитию правовой, территориальной и финансово-экономической основ местного самоуправления находится в ведении Управления государственной службы Администрации главы Республики Мордовия [34].

Подобная регламентация полномочий не позволяет в полной мере оценить реальные действия со стороны органа власти. Очевидна проблема сути и содержания полномочий, а также возможности их реализации, что в совокупности ставит под сомнение эффективность взаимодействия между уровнями публичной власти в этой области.

Представляется, что организация местного самоуправления органами государственной власти должна разворачиваться на основе установленных в Законе общих принципах правовых, территориальных, организационных и экономических основ местного самоуправления. При выстраивании механизма реализации полномочий региональных органов должно быть четкое разграничение компетенции не только между органами государственной власти, но и внутри самого органа.

Распределение компетенции должно осуществляться в зависимости от способов организации местного самоуправления и сфер взаимодействия с органами местного самоуправления. При закреплении за органом государственной власти соответствующих формулировок особенно важно отразить суть полномочия, региональные полномочия в области организации должны быть конкретизированы и детально изложены (например, ведение регистра муниципальных правовых актов, разработка региональных программ развития местного самоуправления, подготовка предложений по совершенствованию территориальной организации).

В то же время со стороны высшего должностного лица субъекта РФ необходимы координация и кон-

троль за выполнением полномочий исполнительными органами власти в области организации местного самоуправления.

В условиях совершенствования регулирования отдельных вопросов организации, функционирования публичной власти, осуществления местного самоуправления органами государственной власти субъекта РФ и взаимодействия с органами местного самоуправления является своевременным образование на региональном уровне органа, в задачи которого входит в том числе выстраивание взаимоотношений между уровнями публичной власти в целях развития местного самоуправления. Практика его законодательного оформления уже имеется в Нижегородской области, закреплена статус Регионального совета. В задачи органа публичного управления могут входить как стратегические направления деятельности (например, выработка предложений по развитию местного самоуправления, по реализации государственных программ, пространственному развитию), так и узкопрофильные направления деятельности (например, вопрос перераспределения полномочий, вопросы повышения участия граждан в осуществлении местного самоуправления, выработка предложений по совершенствованию структуры и деятельности органов местного самоуправления).

В то же время правовой основой деятельности таких органов должны являться положения Закона об общих принципах. Полагаем, что основной Закон может быть дополнен статьей, определяющей взаимодействие органов местного самоуправления и органов государственной власти в следующей редакции:

«Статья 8¹. Взаимодействие органов местного самоуправления и органов государственной власти

1. Для организации взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти в целях наиболее эффективного решения вопросов местного значения, решения вопросов организации местного самоуправления на соответствующей территории, решения иных задач в интересах населения в субъекте Российской Федерации может быть образован совет по развитию местного самоуправления.

2. Полномочия и иные вопросы организации деятельности совета по развитию местного самоуправления осуществляются в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации».

Пристатейный библиографический список

1. Закон Карачаево-Черкесской Республики от 6 января 1998 г. № 371-XXII «О Правительстве Карачаево-Черкесской Республики» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Закон Кабардино-Балкарской Республики от 10 декабря 2003 г. № 110-РЗ «О Парламенте Кабардино-Балкарской Республики» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Закон Ставропольского края от 6 января 1999 г. № 2-кз «О Губернаторе Ставропольского края» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Постановление Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай от 28 октября 2019 г. № 2-34 «О Положении о комитетах Государственного Собрания – Эл Курултай Республики Алтай» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Постановление Государственного Собрания – Курултая РБ от 28 сентября 2018 г. № ГС-10 «О Положении о постоянных комитетах Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Законодательного собрания Нижегородской области от 11 октября 2016 г. № 6-VI «О комитетах Законодательного Собрания Нижегородской области шестого созыва» // СПС «КонсультантПлюс».

7. Постановление Правительства Республики Марий Эл от 26 января 2018 г. № 29 «Вопросы Министерства внутренней политики, развития местного самоуправления и юстиции Республики Марий Эл» // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Правительства Нижегородской области от 20 сентября 2012 г. № 652 «Об утверждении Положения о министерстве внутренней региональной и муниципальной политики Нижегородской области» // СПС «КонсультантПлюс».

9. Постановление Правительства Калининградской области от 7 декабря 2012 г. № 949 «О Министерстве по муниципальному развитию и внутренней политике Калининградской области» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Постановление Правительства Мурманской области от 2 декабря 2019 г. № 545-ПП «Об утверждении Положения о Министерстве внутренней политики Мурманской области» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Указ Губернатора Орловской области от 25 декабря 2018 г. № 858 «Об утверждении Положения о Департаменте внутренней политики и развития местного самоуправления Администрации Губернатора и Правительства Орловской области и его структуры» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Постановление Губернатора ХМАО – Югры от 1 июля 2010 г. № 119 «О Департаменте внутренней политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Распоряжение Губернатора Кемеровской области – Кузбасса от 25 февраля 2020 г. № 33-гк «О департаменте внутренней политики Губернатора Кемеровской области – Кузбасса Администрации Правительства Кузбасса» // СПС «КонсультантПлюс».

14. Постановление Правительства Камчатского края от 29 января 2013 г. № 25-П «Об утверждении Положения о Министерстве территориального развития Камчатского края» // СПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление администрации НАО от 26 декабря 2018 г. № 337-п «Об утверждении Положения о Департаменте внутренней политики Ненецкого автономного округа и о признании утратившими силу отдельных постановлений Администрации Ненецкого автономного округа» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Правительства ЯНАО от 25 июля 2011 г. № 466-П «О департаменте внутренней политики Ямало-Ненецкого автономного округа» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Постановление Правительства Еврейской автономной области от 7 ноября 2017 г. № 459-пп «Об управлении по внутренней политике Еврейской автономной области» // СПС «КонсультантПлюс».

18. Постановление Правительства Магаданской области от 26 апреля 2019 г. № 295-пп «Об утверждении положений о структурных подразделениях Правительства Магаданской области» // СПС «КонсультантПлюс».

19. Постановление Правительства Хабаровского края от 6 декабря 2019 г. № 515-пр «Об утверждении Положения о главном управлении внутренней политики Правительства Хабаровского края» // СПС «КонсультантПлюс».

20. Указ Губернатора Брянской области от 24 мая 2016 г. № 179 «Об утверждении Положения о департаменте внутренней политики Брянской области» // СПС «КонсультантПлюс».

21. Постановление Правительства Севастополя от 12 сентября 2016 г. № 852-ПП «Об утверждении Положения о Департаменте по территориальному развитию и взаимодействию с органами местного самоуправления города Севастополя» // СПС «КонсультантПлюс».

22. Постановление Правительства Республики Алтай от 20 ноября 2014 г. № 332 «Об утверждении Положения о Министерстве экономического развития Республики Алтай и о признании утратившими силу некоторых постановлений Правительства Республики Алтай» // СПС «КонсультантПлюс».

23. Постановление Правительства Республики Северная Осетия-Алания от 3 ноября 2015 г. № 242 «Вопросы Министерства экономического развития Республики Северная Осетия-Алания» // СПС «КонсультантПлюс».

24. Указ Президента Республики Татарстан от 22 декабря 2005 г. № УП-512 «О Департаменте государственной службы и кадров при Президенте Республики Татарстан» // СПС «КонсультантПлюс».

25. Постановление Правительства Республики Карелия от 9 июля 2013 г. № 216-П «Об утверждении Положения о Министерстве строительства, жилищно-коммунального хозяйства и энергетики Республики Карелия» // СПС «КонсультантПлюс».

26. Указ Президента Республики Бурятия от 9 октября 2007 г. № 589 «Об утверждении Положения и структуры Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия» // СПС «КонсультантПлюс».

27. Постановление Правительства Забайкальского края от 22 августа 2017 г. № 367 «Об утверждении Положения об Администрации Губернатора Забайкальского края» // СПС «КонсультантПлюс».

28. Постановление Законодательного собрания Нижегородской области от 27 мая 2010 г. № 2097-IV «О принятии Положения об Ассоциации представительных органов муниципальных районов и городских округов в Нижегородской области при Законодательном Собрании Нижегородской области» // СПС «КонсультантПлюс».

29. Постановление Законодательного собрания Пермского края от 16 августа 2007 г. № 377 «О Совете представительных органов муниципальных образований Пермского края» // СПС «КонсультантПлюс».

30. Постановление Новгородской областной Думы от 22 сентября 2010 г. № 1546-ОД «О Положении о совете по местному самоуправлению при Новгородской областной Думе» // СПС «КонсультантПлюс».

31. Указ Губернатора Свердловской области от 4 апреля 2013 г. № 172-УГ «О Совете при Губернаторе Свердловской области по развитию местного самоуправления в Свердловской области» // СПС «КонсультантПлюс».

32. Постановление Губернатора Костромской области от 17 декабря 2007 г. № 524 «О Совете по развитию местного самоуправления при Губернаторе Костромской области» // СПС «КонсультантПлюс».

33. Постановление Правительства Самарской области от 20 июня 2007 г. № 83 «Об утверждении Положения о министерстве экономического развития и инвестиций Самарской области» // СПС «КонсультантПлюс».

34. Указ Главы Республики Мордовия от 9 декабря 2013 г. № 312-УГ «Об утверждении Положения об Управлении государственной службы Администрации Главы Республики Мордовия» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Law of the Karachay-Cherkess Republic of 6 January 1998 No. 371-XXII "On the Government of the Karachay-Cherkess Republic" (SPS "ConsultantPlus").

2. Law of the Kabardino-Balkarian Republic of 10 December 2003 No. 110-RZ "On the Parliament of the Kabardino-Balkarian Republic" (SPS "ConsultantPlus").

3. Law of the Stavropol Krai of 6 January 1999 No. 2-kz "On the Governor of the Stavropol Krai" (SPS "ConsultantPlus").

4. Decree of the State Assembly (El Kurultay) of the Altai Republic of 28 October 2019 No. 2-34 "On the Regulation on Committees of the State Assembly (El Kurultay) of the Altai Republic" (SPS "ConsultantPlus").

5. Decree of the State Assembly (El Kurultay) of the Republic of Bashkortostan of 28 September 2018 No. GS-10 "On the Regulation on Permanent Committees of the State Assembly (El Kurultay) of the Republic of Bashkortostan" (SPS "ConsultantPlus").

6. Decree of the Legislative Assembly of the Nizhny Novgorod Region of 11 October 2016 No. 6-VI "On the Committees of the VI Legislative Assembly of the Nizhny Novgorod Region" (SPS "ConsultantPlus").

7. Decree of the Government of the Mari El Republic of 26 January 2018 No. 29 "Matters of the Ministry of Domestic Policy, Development of Local Self-Government and Justice of the Mari El Republic" (SPS "ConsultantPlus").

8. Decree of the Government of the Nizhny Novgorod Region of 20 September 2012 No. 652 "On the Approval of the Regulation on the Ministry of Domestic Regional and Municipal Policy of the Nizhny Novgorod Region" (SPS "ConsultantPlus").

9. Decree of the Government of the Kaliningrad Region of 7 December 2012 No. 949 "On the Ministry of Municipal Development and Domestic Policy of the Kaliningrad Region" (SPS "ConsultantPlus").

10. Decree of the Government of the Murmansk Region of 2 December 2019 No. 545-PP "On the Approval of the Regulation on the Ministry of Domestic Policy of the Murmansk Region" (SPS "ConsultantPlus").

11. Decree of the Governor of the Oryol Region of 25 December 2018 No. 858 "On the Approval of the Regulation on the Department of Domestic Policy and Development of Local Self-Government of the Administration of the Governor and the Government of the Oryol Region and its Structure" (SPS "ConsultantPlus").

12. Decree of the Governor of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra of 1 July 2010 No. 119 "On the Department of Domestic Policy of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug–Yugra" (SPS "ConsultantPlus").

13. Order of the Governor of the Kemerovo Region–Kuzbass of 25 February 2020 No. 33-gk "On the Department of Domestic Policy of the Governor of the Kemerovo Region–Kuzbass of the Administration of the Kuzbass Government" (SPS "ConsultantPlus").

14. Decree of the Government of the Kamchatka Krai of 29 January 2013 No. 25-P "On the Approval of the Regulation on the Ministry of Territorial Development of the Kamchatka Krai" (SPS "ConsultantPlus").

15. Decree of the Administration of the Nenets Autonomous Okrug of 26 December 2018 No. 337-p "On the Approval of the Regulation on the Department of Domestic Policy of the Nenets Autonomous Okrug and on Revocation of Certain Decrees of the Administration of the Nenets Autonomous Okrug" (SPS "ConsultantPlus").

16. Decree of the Government of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug of 25 July 2011 No. 466-P "On the Department of Domestic Policy of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug" (SPS "ConsultantPlus").

17. Decree of the Government of the Jewish Autonomous Region of 7 November 2017 No. 459-pp "On the Directorate of Domestic Policy of the Jewish Autonomous Region" (SPS "ConsultantPlus").
18. Decree of the Government of the Magadan Region of 26 April 2019 No. 295-pp "On the Approval of the Regulation on Structural Subdivisions of the Government of the Magadan Region" (SPS "ConsultantPlus").
19. Decree of the Government of the Khabarovsk Krai of 6 December 2019 No. 515-pr "On the Approval of the Regulation on the Main Directorate of Domestic Policy of the Government of the Khabarovsk Krai" (SPS "ConsultantPlus").
20. Decree of the Governor of the Bryansk Region of 24 May 2016 No. 179 "On the Approval of the Regulation on the Department of Domestic Policy of the Bryansk Region" (SPS "ConsultantPlus").
21. Decree of the Government of Sevastopol of 12 September 2016 No. 852-PP "On the Approval of the Regulation on the Department of Territorial Development and Interactions with Local Self-Government Bodies of Sevastopol" (SPS "ConsultantPlus").
22. Decree of the Government of the Altai Republic of 20 November 2014 No. 332 "On the Approval of the Regulation on the Ministry of Economic Development of the Altai Republic and on Revocation of Certain Decrees of the Government of the Altai Republic" (SPS "ConsultantPlus").
23. Decree of the Government of the Republic of North Ossetia–Alania of 3 November 2015 No. 242 "Matters of the Ministry of Economic Development of the Republic of North Ossetia–Alania" (SPS "ConsultantPlus").
24. Decree of the President of the Republic of Tatarstan of 22 December 2005 No. UP-512 "On the Department of Public Service and Personnel of the President of the Republic of Tatarstan" (SPS "ConsultantPlus").
25. Decree of the Government of the Republic of Karelia of 9 July 2013 No. 216-P "On the Approval of the Regulation on the Ministry of Construction, Housing and Utilities, and Power Sector of the Republic of Karelia" (SPS "ConsultantPlus").
26. Decree of the President of the Republic of Buryatia of 9 October 2007 No. 589 "On the Approval of the Regulation and the Structure of the Administration of the Head of the Republic of Buryatia and the Government of the Republic of Buryatia" (SPS "ConsultantPlus").
27. Decree of the Government of the Zabaykalsky Krai of 22 August 2017 No. 367 "On the Approval of the Regulation on the Administration of the Governor of the Zabaykalsky Krai" (SPS "ConsultantPlus").
28. Decree of the Legislative Assembly of the Nizhny Novgorod Region of 27 May 2010 No. 2097-IV "On the Approval of the Regulation on the Association of Representative Bodies of Municipal and Urban Districts of the Nizhny Novgorod Region of the Legislative Assembly of the Nizhny Novgorod Region" (SPS "ConsultantPlus").
29. Decree of the Legislative Assembly of the Perm Krai of 16 August 2007 No. 377 "On the Council of Representative Bodies of Municipal Entities of the Perm Krai" (SPS "ConsultantPlus").
30. Decree of the Novgorod Regional Duma of 22 September 2010 No. 1546-OD "On the Regulation on the Local Self-Government Council of the Novgorod Regional Duma" (SPS "ConsultantPlus").
31. Decree of the Governor of the Sverdlovsk Region of 4 April 2013 No. 172-UG "On the Council on Development of Local Self-Government in the Sverdlovsk Region of the Governor of the Sverdlovsk Region" (SPS "ConsultantPlus").
32. Decree of the Governor of the Kostroma Region of 17 December 2007 No. 524 "On the Council on Development of Local Self-Government of the Governor of the Kostroma Region" (SPS "ConsultantPlus").
33. Decree of the Government of the Samara Region of 20 June 2007 No. 83 "On the Approval of the Regulation on the Ministry of Economic Development and Investments of the Samara Region" (SPS "ConsultantPlus").
34. Decree of the Head of the Republic of Mordovia of 9 December 2013 No. 312-UG "On the Approval of the Regulation on the Directorate of Public Service of the Administration of the Head of the Republic of Mordovia" (SPS "ConsultantPlus").

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ, США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-4-45-51>

Функционирование развитых финансовых рынков – неотъемлемая черта страны с рыночной экономикой, в которой они понимаются в первую очередь как инфраструктурный элемент государственной политики, позволяющий при грамотном управлении обеспечивать качественный рост уровня жизни граждан. Поэтому вопросы уголовно-правовой оценки посягательств на отношения в сфере функционирования финансовых рынков в последнее время приобретают особую актуальность. Цель исследования – анализ российского, американского и британского законодательства с целью сравнения уголовно-правовых норм о преступлениях в сфере финансовых рынков, а также определение возможностей использования зарубежного опыта в отечественной нормотворческой практике. Методологическую основу данной статьи составляет совокупность методов научного познания, среди которых основное место занимают методы сравнительного правоведения и системного анализа. Автор анализирует сходства и различия российского, американского и британского финансово-уголовного законодательства и прогнозирует перспективные направления развития системы соответствующих отечественных уголовно-правовых норм. Высказывается идея о целесообразности использования в отечественной нормотворческой и правоприменительной практике идей криминализации и пресечения мошенничеств в инвестиционной сфере, в том числе в киберпространстве, хищения персональных данных и их неправомерного использования, а также других przygotowительных действий к тяжким и особо тяжким преступлениям, которые могут быть совершены в сфере финансовых рынков.

ДЕНИСОВА

Анна Васильевна

доктор юридических наук,
доцент, главный научный
сотрудник отдела научного
обеспечения прокурорского
надзора и укрепления законности
в сфере уголовно-правового
регулирувания, исполнения
уголовных наказаний и иных мер
уголовно-правового характера
НИИ Университета прокуратуры
Российской Федерации (г. Москва)
anden2012@yandex.ru

**Финансовые рынки;
преступления;
Уголовный кодекс Российской
Федерации;
Кодекс Соединенных Штатов
Америки;
Financial Services and Markets
Act 2000;
Criminal Justice Act 1993;
Fraud Act 2006**

Anna V. DENISOVA

Doctor of Legal Sciences, Associate
Professor, Chief Researcher,
Department of Prosecutorial
Supervision and Strengthening the
Law in the Field of Criminal Law
Regulation, Execution of Criminal
Sentences and Other Criminal Law
Measures, University of Prosecutor's
Office of the Russian Federation
(Moscow)
anden2012@yandex.ru

**Crime;
Criminal Justice Act 1993;
financial markets;
Financial Services and Markets
Act 2000;**

CRIMES IN FINANCIAL MARKETS IN RUSSIA, THE UNITED STATES OF AMERICA AND GREAT BRITAIN: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

The functioning of developed financial markets is an integral feature of a country with a market economy. They are an infrastructural element of state policy, which ensures a qualitative increase in the standards of living. Therefore, the issues of criminal-legal protection the relations in the sphere of financial markets have recently become particularly relevant. The purpose of the study is to analyze Russian, American and British legislation in order to compare criminal law norms on crimes in financial markets and determine the possibilities of using foreign experience in domestic rule-making practice. The methodological basis of this article is a set of methods of scientific knowledge, among which the main place is occupied by the methods of comparative law and systems analysis. The author analyzes the similarities and differences between Russian, American and British financial and criminal legislation and predicts perspective directions for the relevant domestic criminal law norms. The author proposes to criminalize fraud in the investment sphere, including in cyberspace, theft of personal data and their misuse and other preparatory actions for serious crimes.

**Fraud Act 2006;
Criminal Code of the Russian
Federation;
U.S. Code**

Среди экономических преступлений особое место занимают противоправные деяния, совершаемые в сфере финансовых рынков, не связанных с банковской деятельностью. Данная сфера охватывает собой рынки ценных бумаг, страхования, микрофинансирования, инвестиций и лизинга, денежный и валютный рынки. Несмотря на то что в России данные виды деятельности достаточно «молодые», в Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ) содержится существенное количество статей, предусматривающих уголовную ответственность за общественно опасные деяния, совершаемые в этой сфере. В первую очередь к ним относятся ст. 159.5 «Мошенничество в сфере страхования», ст. 170.1 «Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета», ст. 172.2 «Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества», ст. 185 «Злоупотребления при эмиссии ценных бумаг», ст. 185.1 «Злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определенной законодательством Российской Федерации о ценных бумагах», ст. 185.2 «Нарушение порядка учета прав на ценные бумаги», ст. 185.3 «Манипулирование рынком», ст. 185.4 «Воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг», ст. 185.6 «Неправомерное использование инсайдерской информации» и ст. 186 «Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг» УК РФ.

Кроме того, некоторые преступления могут быть признаны относящимися к исследуемой разновидности при условии их совершения в указанной выше сфере общественных отношений (так называемые условные преступления в сфере финансовых рынков). Это такие преступления, как мошенничество (ст. 159), мошенничество в сфере кредитования (ст. 159.1), присвоение или растрата (ст. 160), незаконное предпринимательство (ст. 171), фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации (ст. 172.1), легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем (ст. 174), легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1), злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности (ст. 177) и неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ).

Однако в правоприменительной деятельности эти составы преступлений можно встретить нечасто. При-

чинами этого являются сложность законодательных конструкций, неоднозначность толкования ряда признаков, проблемы их отграничения от смежных правонарушений и гражданско-правовых деликтов. Для совершенствования отечественной нормотворческой практики по вопросам криминализации деяний в сфере финансовых рынков, не связанных с банковской деятельностью, представляется целесообразным исследовать зарубежный опыт установления ответственности за данные преступления, особенно тех стран, которые общепризнанно являются крупнейшими международными финансовыми центрами.

Согласно рейтингам зарубежных аналитических компаний среди ведущих финансовых центров мира в тройку лидеров традиционно входят Нью-Йорк, Лондон и Гонконг [1]. Поэтому серьезный научный интерес вызывает изучение регламентации уголовной ответственности за преступления в сфере финансовых рынков именно по законодательству указанных выше стран с учетом специфики функционирования их национальных финансовых систем.

Ведущие позиции США в мировой валютно-финансовой системе обусловлены общим признанием доллара США в качестве мировой валюты, его преобладанием на мировом финансовом рынке и мировых официальных резервах, а также в сфере обслуживания внешнеторговых операций. США, обладая крупнейшим в мире рынком капитала и одной из самых сложных в мире финансовых систем, осуществляет тщательное правовое регулирование деятельности национальных финансовых институтов. В настоящей работе мы проанализируем ряд норм американского финансово-уголовного законодательства федерального уровня, которые в расконцентрированном виде содержатся во множестве правовых актов (в Законе «О ценных бумагах» 1933 г. (*Securities Act of 1933*), в Законе «О торговле ценными бумагами» 1934 г. (*Securities Exchange Act of 1934*), в Законе «О санкциях за инсайдерскую торговлю» 1984 г. (*Insider Trading Sanctions Act (ITSA)*), в Законе «О наказании за инсайдерскую торговлю и мошенничество с ценными бумагами» 1988 г. (*Insider Trading and Securities Fraud Enforcement Act (ITSFEA)*), в Законе о мобильности и подотчетности медицинского страхования 1996 г. (*Health Insurance Portability and Accountability Act of 1996 (HIPAA)*) и др.) и в общем виде систематизированы в разд. 18 Кодекса Соединенных Штатов (*18 U.S. Code PART I – CRIMES*).

Согласно публичным отчетам ФБР преступления в сфере финансовых рынков относятся к так называемым

мым финансовым преступлениям (*financial crimes*), среди которых выделяют различные виды мошенничества (мошенничество с чеками, корпоративное мошенничество, мошенничество с ценными бумагами (включая инсайдерскую торговлю), банковское мошенничество, мошенничество со страховкой, манипулирование рынком, медицинское мошенничество, мошенничество в сфере здравоохранения); взяточничество; подлог; растрату; хищение личных данных; отмывание денег; подделку и контрафакцию, включая производство поддельных денег и товаров и т.п. [2]

Ответственность за эти преступления предусмотрена в различных главах разд. 18 Кодекса Соединенных Штатов. Так, в гл. 17 «Монеты и денежные средства» предусмотрена ответственность за порчу монет (§ 331), за ухудшение физических характеристик инвестиционных монет из чистого золота и серебра (§ 332), за выпуск в обращение банкнот Федерального резерва с нарушением установленного законом порядка (§ 334), за выпуск обязательств корпораций за пределами срока их существования по уставу (§ 335) и даже за выпуск оборотных ценных бумаг на сумму менее одного доллара (§ 336). Иначе говоря, в данной главе предусмотрена уголовная ответственность за нарушения предусмотренного порядка выпуска и оборота законных платежных средств.

Глава 25 разд. 18 Кодекса Соединенных Штатов называется «Подделка и подлог» и содержит более 20 составов преступлений, совершаемых в сфере финансовых рынков. К ним относятся: изготовление поддельных ценных бумаг и обязательств США¹ (§ 471), их запуск в оборот, продажа, передача, попытка передачи, а также с этой целью их перемещение на территорию США, владение и сокрытие, получение, обмен (§ 472, 473), а также незаконное изготовление и оборот изображений государственных ценных бумаг (§ 474), матриц (§ 474) и материалов для изготовления государственных ценных бумаг и обязательств (§ 474А), оттисков инструментов, используемых для их выпуска (§ 476, 477). Закон защищает изображения ценных бумаг и обязательств США (в том числе долларовых купюр) и от незаконного использования на рекламных проспектах и плакатах, визитных карточках и т.п. Согласно § 475 это деяние признается преступным имитированием ценных бумаг и влечет за собой наказание в виде штрафа. Отдельными статьями предусмотрена уголовная ответственность за изготовление поддельных ценных бумаг и обязательств иностранных государств, в том числе иностранной валюты (§ 478), их оборот на территории США (§ 479, 480), а также незаконное изготовление и оборот изображений, матриц и форм для выпуска иностранных ценных бумаг

и обязательств (§ 481), подделку банковских чеков или векселей иностранных банков и корпораций, их оборот на территории США (§ 482). Все эти деяния влекут за собой крайне суровые наказания – лишение свободы сроком до 20 лет со штрафом. Подделка монет номиналом более 5 центов, используемых в качестве средств платежа, а также золотых и серебряных слитков наказывается согласно § 485 лишением свободы сроком до 15 лет со штрафом. Интересно отметить тот факт, что подделка и последующий оборот мелких монет достоинством в 1 и 5 центов также влекут достаточно суровое уголовное наказание (лишение свободы сроком до трех лет со штрафом). Кроме того, караются изготовление и владение средствами, необходимыми для чеканки монет (§ 487, 488), изготовление и оборот монет, сходных с монетами США, иностранных государств, и даже оригинального дизайна (§ 486).

Подделка облигаций и обязательств страховых, кредитных, сберегательно-ссудных корпораций, их передача и даже попытка передачи при осознании факта их подделки влекут уголовное наказание в виде лишения свободы сроком до 10 лет со штрафом (§ 493). Вызывает интерес тот факт, что специальной нормой предусмотрена уголовная ответственность за подделку облигаций и других ценных бумаг с целью обмана США, в том числе и за представление их в любой американский государственный орган или должностным лицам (§ 494). Также уголовно наказуемы подделка индоссаментов по казначейским чекам или облигациям или ценным бумагам Соединенных Штатов и оборот соответствующих документов (§ 510), изготовление, владение и оборот поддельных ценных бумаг штата и частных организаций (§ 513).

Сравнивая составы преступлений, связанных с подделкой денежных средств и ценных бумаг, по российскому и американскому законодательству, отметим, что последнее более казуистично: по Кодексу Соединенных Штатов уголовная ответственность за содеянное дифференцируется в зависимости от вида эмитента ценных бумаг и обязательств. Весьма обстоятельно криминализована przygotowительная деятельность – незаконные изготовление, владение и оборот средств и орудий фальшивомонетничества. Представляется, что соответствующие усеченные составы преступлений можно позаимствовать и для нужд российского уголовного закона. Например, дополнив УК РФ нормой об ответственности за незаконное изготовление, владение и оборот инструментов, материалов и оборудования для изготовления поддельных денег и ценных бумаг.

Глава 47 разд. 18 Кодекса Соединенных Штатов «Мошенничество и ложные утверждения» также содержит ряд составов преступлений, которые могут быть отнесены к исследуемой группе деяний. Так,

¹ Доллар признается долговым обязательством Федерального резерва США.

§ 1006 предусматривает ответственность за внесение ложных сведений в любой документ, их устное сообщение, оформление векселя, принятие акцепта, выдачу или переуступку, а также требование исполнения долговых обязательств, облигаций работником страховой, кредитной, сберегательно-ссудной корпорации или ассоциации с целью обмана США, корпораций или ассоциаций и получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. В этой главе сосредоточено множество норм о специальных видах мошенничества (в сфере страхования урожая сельскохозяйственных культур – § 1014; в сфере пенсионного обеспечения – § 1027; с использованием похищенных личных данных – § 1028; в сфере страхования торговли между штатами – § 1033; мошенничество с использованием устройств доступа – § 1029; компьютерное мошенничество – § 1030 и др.) Примечателен тот факт, что помимо этой главы нормы о мошенничестве размещены и в других главах данного раздела. Многих из этих преступлений могут быть совершены в сфере финансовых рынков: так, в гл. 9 содержится норма о мошенничестве с банкротством (§ 157), в гл. 63 – нормы о мошенничестве с ценными бумагами и товарами (§ 1348), о мошенничестве в сфере здравоохранения (§ 1347)¹ и пр. Согласно положениям § 1348 мошенничество с ценными бумагами заключается в осуществлении или в попытке осуществления мошеннической схемы, связанной с обманом при выпуске ценных бумаг или при подаче отчетов в соответствии с разд. 15 Закона «О торговле ценными бумагами» 1934 г., а также в получении путем обмана или ложных обещаний денежных средств или имущества в связи с выпуском ценных бумаг или при подаче все тех же отчетов. Наказывается этот вид мошенничества лишением свободы сроком до 25 лет со штрафом. Отметим, что по американскому законодательству уголовная ответственность не дифференцируется в зависимости от того, окончено мошенничество или нет, уголовно наказуемы сами обманные действия и даже попытка их совершения.

Данная тенденция прослеживается и в § 2073 «Ложные записи и отчеты о деньгах или ценных бумагах», согласно которой если лица, ответственные за получение, хранение или оплату денежных средств или ценных бумаг в пользу, от имени или по поручению Соединенных Штатов, либо лица, осуществляющие доверительное управление денежными средствами или ценными бумагами, предоставляют ложные сведения о соответствующих денежных средствах или ценных бумагах с намерением обмануть, ввести в заблуждение, нанести ущерб, то они подлежат наказанию в виде лишения свободы сроком до 10 лет со штрафом.

Таким образом, введение в заблуждение, обман в сфере финансовых рынков даже без последствий в виде причинения имущественного ущерба весьма строго наказуемы по американскому уголовному законодательству. Так, § 1350 Кодекса Соединенных Штатов предусмотрена ответственность за ненадлежащее подтверждение финансовых отчетов корпорации. В соответствии с требованиями Закона «О торговле ценными бумагами» 1934 г. каждый эмитент представляет в Комиссию по ценным бумагам периодический финансовый отчет, подтвержденный главным исполнительным или финансовым директором эмитента. Если данный специальный субъект осознает, что отчет, сопровождающий заявление, не соответствует всем предъявляемым требованиям, и подтверждает его, то он может быть оштрафован на сумму не более 1 млн долл. США или лишен свободы на срок до 10 лет или ему могут быть назначены оба уголовных наказания одновременно. Если при этом уполномоченное лицо действует преднамеренно (*willfully*), то размеры уголовных наказаний существенно увеличиваются: штраф на сумму до 5 млн долл. США, лишение свободы сроком до 20 лет или применяются оба наказания.

Отдельными статьями разд. 18 Кодекса Соединенных Штатов предусмотрена возможность усиления уголовной ответственности за мошенничество, если оно совершается с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (так называемый телемаркетинг или электронный маркетинг). Так, согласно § 2326 в таких случаях уголовное наказание может увеличено на срок до пяти лет лишения свободы (дополнительно к ранее назначенному наказанию); если количество потерпевших составляет 10 и более лиц старше 55-летнего возраста либо обман был направлен именно на лиц этой возрастной группы (так называемое таргетирование аудитории), то срок лишения свободы может быть увеличен до 10 лет.

В разд. 18 Кодекса Соединенных Штатов можно обнаружить и иные составы преступлений, которые могут быть совершены в сфере финансовых рынков, ответственность за них предусмотрена различными главами исследуемого раздела. Так, в гл. 47 содержится норма о сокрытии активов от получателей, попечителей и ликвидаторов (§ 1032), в гл. 95 – нормы об отмывании денег (§ 1956), о запрете деятельности по переводу денежных средств без лицензии (§ 1956) и др.

Подводя итоги по американскому опыту противодействия преступности в сфере финансовых рынков, отметим, что соответствующей деятельности там придается огромное значение. Еще в 1990 г. был создан специализированный государственный орган при Министерстве финансов США, который занимается

¹ В США повсеместно распространена система платного медицинского страхования.

сбором и анализом информации о финансовых операциях для борьбы с отмыванием денег, финансированием терроризма и другими финансовыми преступлениями (*Financial Crimes Enforcement Network* – Сеть по борьбе с финансовыми преступлениями). Последние годы он активно участвует в пресечении незаконного использования виртуальной валюты и киберактивности, связанной с незаконной финансовой деятельностью. Согласно разъяснениям *FinCEN* виртуальная валюта является «средством обмена», которое «либо имеет эквивалентную стоимость в реальной валюте, либо выступает в качестве замены реальной валюты». Тем самым любой посредник, содействующий использованию такой виртуальной валюты, автоматически является «переводчиком денег» («*money transmitter*») и обязан сообщать в *FinCEN* о незаконном обороте денежных средств и соблюдать положения финансово-уголовного законодательства США [3].

Финансовый рынок США не всегда был наиболее развитым в мире. На протяжении многих десятилетий XIX и начала XX вв. крупнейшая мобилизация капитала, осуществление масштабных обменных денежных операций и размещение внушительных финансовых средств происходили на территории Великобритании, что соответствовало ведущему месту Британской империи в мировой экономике. Несмотря на то что впоследствии Великобритания постепенно сдала былые позиции в мировом производстве и торговле, стран до сих пор характеризуется традиционно высоким уровнем акционерной культуры, защищенностью и соблюдением прав акционеров, высокой долей акций в свободном обращении, а Лондон до сих пор сохраняет за собой статус глобального международного финансового центра: Лондонская фондовая биржа считается старейшей фондовой биржей в мире (основана в 1773 г.).

Финансовая система Соединенного Королевства относится к типу «основанных на рынке ценных бумаг» (*market-based*) [4, с. 180], защите и охране прав участников финансовых рынков посвящено существенное количество законодательных актов, в том числе и финансово-уголовного характера. К ним следует отнести Закон об уголовном правосудии 1993 г. (*Criminal Justice Act 1993*), Закон о финансовых услугах и рынках 2000 г. (*Financial Services and Markets Act 2000*), Закон о мошенничестве 2006 г. (*Fraud Act 2006*), Закон о финансовых услугах 2012 г. (*Financial Services Act 2012*), Закон о Банке Англии и финансовых услугах 2016 г. (*Bank of England and Financial Services Act 2016*) и др.

Так, часть V Закона об уголовном правосудии 1993 г. характеризует уголовно наказуемые инсайдерские сделки. К ним относятся три вида преступных действий на регулируемом финансовом рынке: во-первых, совершение инсайдером сделки с ценными бумагами в результате использования информации, обнародо-

вание которой оказало бы существенное влияние на стоимость этих бумаг. Во-вторых, побуждение инсайдером другого лица совершить сделку с такими ценными бумагами, при наличии оснований полагать, что это произойдет. В-третьих, раскрытие инсайдером информации третьему лицу, за исключением сведений о надлежащем исполнении его служебных обязанностей. За эти действия предусмотрено наказание в виде лишения свободы сроком до семи лет со штрафом. Обращает на себя внимание достаточная суровость санкций по законодательству Соединенного Королевства и специфика законодательной конструкции данных составов преступлений: для наступления уголовной ответственности не требуется доказывать ни причинение крупного ущерба в результате поведения инсайдера, ни извлечение им дохода в крупном размере, ни факт избежания убытков в крупном размере (признаки, обязательные для состава преступления, предусмотренного ст. 185⁶ «Неправомерное использование инсайдерской информации» УК РФ). Несмотря на наличие этих дополнительных признаков в российском уголовном законодательстве, соответствующее поведение инсайдера наказывается в нашей стране существенно мягче: по ч. 1 ст. 185⁶ – от двух до четырех лет лишения свободы с дополнительным наказанием или без такового; по ч. 2 ст. ст. 185⁶ – от двух до шести лет лишения свободы с дополнительным наказанием или без такового.

Тождественные по содержанию, но более развернутые нормы об инсайдерских сделках содержатся в Законе о финансовых услугах и рынках 2000 г. Данный правовой акт предусматривает гражданско-правовую и уголовную ответственность за различные виды злоупотреблений на финансовом рынке, которые включают в себя «инсайдерские сделки», «раскрытие внутренней информации», «распространение ложной и вводящей в заблуждение информации», «использование фиктивных устройств», манипулирование рынком (*making a false market*) (ст. 397). Еще раз отметим тот факт, что британский законодатель, в отличие от российского, предпочитает конструировать формальные составы преступлений, не указывая в соответствующих уголовно-правовых нормах возможные или обязательные последствия содеянного.

Закон о финансовых услугах и рынках 2000 г. также установил уголовную ответственность за введение в заблуждение регуляторов финансового рынка (контролирующих органов) лицами, оказывающими финансовые услуги, при умышленном или неосторожном предоставлении ложной информации в отчетных материалах (ст. 398). Отметим, что предусмотренное данной статьей наказание заключается в штрафе, размер которого не может превышать максимальный размер штрафа, установленный на законодательном уровне.

Раздел 7 Закона о финансовых услугах 2012 г. посвящен преступлениям в сфере финансовых услуг (ст. 89–95), к которым относятся вводящие в заблуждение заявления, оказание вводящих в заблуждение впечатлений, введение в заблуждение относительно бенчмарк (от англ. *benchmark* – ориентир, эталон), т.е. показателей, используемых на финансовом рынке для оценки состояния рынка в целом или его сегментов. Используются все тот же прием конструирования составов преступлений по формальному типу, и указывается все то же наказание – до семи лет лишения свободы со штрафом.

В Законе о мошенничестве 2006 г. содержатся нормы о мошенничестве, совершаемом с использованием служебного положения, когда виновное лицо было обязано защищать финансовые интересы другого лица или хотя бы не действовать против них, однако злоупотребило своим положением, действуя нечестно с намерением получить прибыль или причинить убыток (разд. 4). При этом британский законодатель особо оговаривает, что это преступление может быть совершено как действием, так и бездействием виновного лица, и считается оконченным с момента злоупотребления служебным положением, вне зависимости от достижения преступных целей. Наличие и размер этих последствий являются существенными обстоятельствами при назначении уголовного наказания и для решения вопросов о компенсациях и конфискации.

Разделом 12 Закона о мошенничестве предусмотрено правило, согласно которому за корпоративное мошенничество уголовной ответственности наряду с юридическим лицом подлежат и менеджеры данной организации, с согласия или попустительства которых было совершено данное преступление.

Анализируя британский опыт противодействия преступности в сфере финансовых рынков, отметим, по мнению британских специалистов, главную опасность для финансового рынка Соединенного Королевства на сегодняшний день представляет незаконный оборот криптовалюты [5]. Цифровые ак-

тивы – это не что иное, как попытка перестройки финансовых систем с нуля, без использования традиционных финансовых институтов, так как они позволяют осуществлять цифровую передачу стоимости без финансового посредника. Поэтому возникают существенные проблемы при применении традиционных стратегий борьбы с финансовыми преступлениями в тех случаях, когда их предметом выступает криптовалюта. Деятельность и Бюро по расследованию случаев серьезного мошенничества (*Serious Fraud Office (SFO)*), и Управления по финансовому регулированию и контролю Великобритании (*Financial Conduct Authority (FCA)*) направлена на применение тех же стандартов по борьбе с отмыванием денежных средств (*AML*), которые используются в отношении компаний, оказывающих традиционные финансовые услуги, и по отношению к лицам, участвующим в обороте криптовалют. Такой подход способен обеспечить правильный баланс между развитием высокотехнологичных инноваций и устранением повышенных рисков совершения финансовых преступлений в условиях цифровой экономики.

Проведенное исследование зарубежного опыта противодействия преступности в сфере финансовых рынков позволяет сделать вывод о разнообразии национальных финансовых систем и полиморфности регулирующего их законодательства. Учитывая американский и британский опыт, представляется возможным спрогнозировать некоторые перспективные направления развития системы соответствующих отечественных уголовно-правовых норм. Так, весьма вероятно прогрессирующее использование в отечественной нормотворческой и правоприменительной практике идей криминализации и пресечения мошенничеств в инвестиционной сфере, в том числе в киберпространстве, хищения персональных данных и их неправомерного использования, а также других приговорительных действий к тяжким и особо тяжким преступлениям, которые могут быть совершены в сфере финансовых рынков.

Пристатейный библиографический список

1. Аналитики назвали ведущие финансовые центры мира // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6907535> (дата обращения: 30.08.2020).
2. Financial Crime Reports // FBI : сайт. URL: <https://www.fbi.gov/resources/library/financial-crime-reports> (дата обращения: 30.08.2020).
3. Application of FinCEN's Regulations to Persons Administering, Exchanging, or Using Virtual Currencies // FinCEN : сайт. URL: <https://www.fincen.gov/resources/statutes-regulations/guidance/application-fincens-regulations-persons-administering> (дата обращения: 30.08.2020).
4. Попова А. Д. Обзор фондового рынка Англии // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 4.
5. Therese Chambers. Unstable Coins: Cryptoassets, Financial Regulation and Preventing Financial Crime in the Emerging Market for Digital Assets // FCA : сайт. URL: <https://www.fca.org.uk/news/speeches/unstable-coins> (дата обращения: 30.08.2020).

References

1. Analysts Named the World's Leading Financial Centers. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6907535> (date of the application: 30.08.2020).
2. Financial Crime Reports. URL: <https://www.fbi.gov/resources/library/financial-crime-reports> (date of the application: 30.08.2020).
3. Application of FinCEN's Regulations to Persons Administering, Exchanging, or Using Virtual Currencies. URL: <https://www.fincen.gov/resources/statutes-regulations/guidance/application-fincens-regulations-persons-administering> (date of the application: 30.08.2020).
4. *Popova A. D.* Review of the Stock Market in England. *Bulletin of Samara State University*. 2013. No. 4.
5. Therese Chambers. Unstable Coins: Cryptoassets, Financial Regulation and Preventing Financial Crime in the Emerging Market for Digital Assets. URL: <https://www.fca.org.uk/news/speeches/unstable-coins> (date of the application: 30.08.2020).

**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ
(на примере Модельного Уголовного кодекса,
уголовных кодексов республик
Азербайджан и Армения)**

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-4-52-59>

В работе исследован актуальный для современной действительности, современного действующего законодательства и судебной практики вопрос законодательного определения экстремизма и преступлений экстремистской направленности. Актуальность изучения этой темы в доктрине уголовного права подтверждается наличием целого пласта неурегулированных правоотношений в исследуемой области, трудностей, возникающих в правоприменительной и судебной практике, различным толкованием признаков указанных преступлений. Все эти обстоятельства порождают не только научный интерес, но и споры, существующие на протяжении всего времени действия уголовного закона. Основным вопросом обсуждения остается проблема основания криминализации таких деяний. Экстремизм и его проявления в России обусловлены многими факторами, в том числе политическими, экономическими, этническими, религиозными и др. Угроза экстремизма негативно влияет на социально-политическую стабильность, на достойное гармоничное развитие личности, на мировоззрение и правосознание подрастающего поколения и молодежи. В России принимаются некоторые меры по противодействию экстремизму, но они не носят системного, научно обоснованного характера. Предметом настоящего исследования являются нормы, определяющие экстремизм и его различные проявления. В частности, в статье автором поставлена цель исследовать нормы зарубежного законодательства, определяющие экстремизм и преступления экстремистской направленности, для выработки научно обоснованной позиции и рекомендаций по совершенствованию действующего уголовного законодательства и правоприменительной практики. Методологическую основу работы составили методы диалектики как общенаучного метода познания, а также такие частнонаучные методы, как формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-логический, метод правового моделирования в их различном сочетании. В работе проведен сравнительно-правовой анализ законодательной регламентации признаков экстремизма и преступлений экстремистской направленности на примере Уголовного кодекса РФ, Модельного Уголовного кодекса, уголовных кодексов Республики Азербайджан и Республики Армения. По мнению автора, поиск эффективных методов и средств противодействия экстремизму – первостепенная, значимая задача, присущая большинству членов мирового сообщества.

БАТЮКОВА

Вера Евгеньевна

кандидат юридических наук,
доцент, доцент департамента
международного и публичного
права юридического факультета
Финансового университета
при Правительстве РФ
(г. Москва)

Batuykova@yandex.ru

**Экстремизм;
преступления экстремистской
направленности;
Уголовный кодекс РФ;
Уголовный кодекс Республики
Азербайджан;
Уголовный кодекс Республики
Армения;
Модельный Уголовный кодекс**

Vera E. BATYUKOVA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of International and Public Law, Law
Faculty, Financial University under
the Government of the Russian
Federation (Moscow)

Batuykova@yandex.ru

**Extremism;
extremist crimes;
Criminal Code of the Russian
Federation;
Criminal Code of the Republic
of Azerbaijan;
Criminal Code of the Republic
of Armenia;
Model Criminal Code**

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE LEGAL REGULATION OF EXTREMIST CRIMES (Using the Model Criminal Code and the Criminal Codes of the Republics of Azerbaijan and Armenia as an Example)

The author examines the issue of legislative definition of extremism and crimes of extremist orientation that is relevant to modern reality, current legislation and judicial practice. The relevance of studying this topic in the doctrine of criminal law is confirmed by the presence of a whole layer of unsettled legal relations in the area under study, difficulties arising in law enforcement and judicial practice, and different interpretations of the signs of these crimes. All these circumstances generate not only scientific interest, but also disputes that exist throughout the duration of the criminal law. The main issue of discussion remains the issue of the grounds for criminalizing such acts. Extremism and its manifestations in Russia are caused by many factors, including political, economic, ethnic, religious, etc. The threat of extremism negatively affects socio-political stability, decent harmonious development of the individual, the world-view and legal awareness of the younger generation and youth. Some measures are being taken in Russia to counter extremism, but they are not systematic or scientifically based. The subject of this study is the norms that define extremism and its various manifestations. In particular, the author aims to study the norms of foreign legislation that define extremism and crimes of extremist orientation in order to develop a scientifically based position and recommendations for improving the current criminal legislation and law enforcement practice. The methodological basis of the work is based on the methods of dialectics as a General scientific method of cognition, as well as such private scientific methods as formal legal, comparative legal, historical-logical, and legal modeling methods in their various combinations. The paper provides a comparative legal analysis of the legal regulation of signs of extremism and extremist crimes on the example of the Criminal Code of the Russian Federation, the Model Criminal Code, the Criminal Codes of the Republic of Azerbaijan and the Republic of Armenia. According to the author of the article, the search for effective methods and means of countering extremism is a primary, significant task inherent to most members of the world community.

Для продолжающейся реформы отечественного уголовного законодательства важно использовать зарубежный правотворческий опыт. С учетом того, что законодательство большинства развитых стран отличается стабильностью, кодифицированные акты действуют десятилетия, а иногда и столетия, что говорит об устойчивости правовых традиций и о высоком уровне юридической техники, изучение опыта других государств становится просто необходимым. Как писал Р. Давид, «мир стал един. Мы не можем отгородиться от людей, которые живут в других государствах, других частях земного шара. Необходимое международное взаимодействие или, во всяком случае, простое сосуществование требует, чтобы мы открыли наши окна и посмотрели на зарубежное право» [1].

О необходимости использования сравнительно-правового метода в целях модернизации собственного законодательства писал и М. Ансель, указывая что «изучение зарубежного права открывает перед юристом новые горизонты, позволяет ему лучше узнать право своей страны, ибо специфические черты этого права особенно отчетливо выявляются в сравнении с другими системами...» [2]. Признавая полезность сравнительно-правового метода, С. Л. Зивс считал его одним из конкретных способов применения диалектико-материалистического метода в исследовании вопросов государства и права, Ю. А. Тихомиров посвятил значительную часть своих работ вопросам сравнительного правоведения [3, с. 432; 4].

Поэтому для дальнейшего исследования и детального освещения уголовно-правовой характеристики исследуемых преступлений представляется целесообразным и необходимым провести изучение сходных норм, содержащихся в уголовных кодексах зарубежных государств.

Сравнительный анализ уголовно-правовых норм, содержащихся в уголовном законодательстве зарубежных государств, особенно государств, входящих в состав бывшего СССР, позволит выработать новые подходы к совершенствованию российского уголовного закона.

Также следует отметить, что в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ [5] общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются составной частью ее правовой системы. Там же указывается, что в случае противоречия законодательства РФ нормам международного договора РФ подлежат применению нормы международного договора. Поэтому приоритетным источником права в РФ являются международные договоры.

В ст. 12 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) указывается, что граждане РФ и постоянно проживающие в РФ лица без гражданства, совершившие преступление вне пределов РФ, подлежат уголовной ответственности по УК РФ, если эти лица не были осуждены в иностранном государстве за это преступление.

В ст. 13 УК РФ установлено, что граждане РФ, совершившие преступление на территории иностранного государства, не подлежат выдаче этому государству.

Таким образом, в ряде случаев у российских правоохранительных органов может возникнуть необходимость привлечения к уголовной ответственности граждан РФ и лиц без гражданства за совершение ими преступлений экстремистской направленности в России и иностранных государствах. Поэтому правоприменителю необходимы определенные знания об уголовной ответственности за экстремизм и его различные проявления в зарубежных странах.

В этой связи нам представляется необходимым проанализировать и рассмотреть вопрос о соотношении преступлений, содержащих признаки экстремизма, в России, некоторых странах, входящих в состав бывшего Союза ССР, и отдельных зарубежных государствах.

Особое значение приобретает унификация уголовного законодательства в сфере противодействия экстремизму и его отдельным проявлениям. В этой части важную роль играет Модельный закон о противодействии экстремизму (принят в г. Санкт-Петербурге 14 мая 2009 г. Постановлением 32-9 на 32-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) [6], на основе ко-

торого должно быть сформулировано национальное законодательство в сфере противодействия экстремизму и различным его проявлениям.

Данный сравнительно-правовой анализ считаем необходимым начать с Модельного Уголовного кодекса (далее – Модельный УК), который носит рекомендательный характер для стран, входящих в Содружество Независимых Государств.

В качестве одного из обстоятельств, отягчающих ответственность и наказание, п. «е» ст. 63 Модельного УК называет «совершение преступления по мотиву национальной, расовой или религиозной вражды, религиозного фанатизма, мести за правомерные действия других лиц, а также с целью облегчить или скрыть другое преступление» [7].

Действующий УК РФ в качестве такого обстоятельства в п. «е» ст. 63 обозначает «совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы».

Сравнительно-правовой анализ позволяет заключить, что УК РФ анализируемый мотив сопровождается еще и дополнительными признаками, к которым относится «политическую», «идеологическую» не только вражду, но и ненависть. Кроме этого УК РФ не учитывает «религиозного фанатизма», который Модельный УК выделяет в качестве самостоятельного признака.

В качестве квалифицирующего признака совершение преступления «на почве национальной, расовой либо религиозной ненависти или вражды» Модельный УК учитывает в следующих составах: п. «м» ч. 2 ст. 111 – убийство; п. «м» ч. 2 ст. 119 – причинение тяжкого вреда здоровью; п. «е» ч. 2 ст. 120 – причинение вреда здоровью средней тяжести; п. «ж» ч. 2 ст. 126 – истязание; ст. 150 – нарушение равноправия граждан; п. «б» ч. 2 ст. 239 – надругательство над телами умерших и местами их захоронения. Особенность п. «д» ч. 2 ст. 252 (умышленное уничтожение или повреждение имущества) заключается в том, что Модельный УК квалифицирующий признак этого состава преступления наделяет дополнительным – «религиозным фанатизмом», который отсутствует в общем определении такого мотива, содержащегося п. «е» ст. 63 Модельного УК.

Российский законодатель анализируемым мотивом дополнительно наделяет следующие составы преступлений:

- умышленное причинение легкого вреда здоровью (п. «б» ч. 2 ст. 115);
- побои (ст. 116);
- угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ч. 2 ст. 119);
- хулиганство (п. «б» ч. 2 ст. 213);
- вандализм (ч. 2 ст. 214).

В качестве самостоятельного состава преступления Модельный УК рекомендовал предусмотреть такой состав преступления, как «возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды», предусмотренный ст. 187, которая расположена в гл. 23 «Преступления против общественной безопасности» разд. VIII «Преступления против общественной безопасности и здоровья населения»; соответственно видовым объектом этого преступления выступают общественные отношения, направленные на охрану общественной безопасности. Уголовный кодекс РФ предусмотрел уголовную ответственность за «возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» в ст. 282, расположенной в гл. 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» разд. X «Преступления против государственной власти»; соответственно видовым объектом этого преступления являются общественные отношения, направленные на охрану конституционного строя и безопасности государства.

Статья 187 «Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды» Модельного УК изложена в следующей редакции:

«(1) Действия, направленные к возбуждению национальной, расовой или религиозной вражды, унижению национального достоинства, а равно пропаганда исключительности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, если эти действия совершены публично или с использованием средств массовой информации, – преступление средней тяжести.

(2) Действия, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные:

- а) с применением насилия или угрозы его применения;
- б) с использованием служебного положения;
- в) организованной группой, – тяжкое преступление».

Сравнительно-правовой анализ уголовно-правовых норм, предусматривающих уголовную ответственность за рассматриваемые действия, позволяет заключить, что составы преступлений, предусмотренные ст. 187 Модельного УК и ст. 282 УК РФ, имеют некоторые различия:

1) нахождение указанных норм в различных разделах и главах УК указывает на различие в объектах уголовно-правовой охраны;

2) согласно ст. 187 Модельного УК объективная сторона этого состава преступления выражается в действиях, направленных на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды; унижение национального достоинства; пропаганду исключительности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности; при условии, что эти действия совершены публично или с использованием средств массовой информации.

Объективная сторона ч. 1 ст. 282 УК РФ выражается в действиях, направленных на возбуждение ненависти либо вражды; унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе; если эти действия совершены публично, в том числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет; если лицо ранее в течение одного года привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние.

Как видно из анализа признаков объективной стороны, российский законодатель дает расширительное толкование этих признаков, определяя их не только враждой, но и ненавистью, что, на наш взгляд, является не взаимозаменяемыми терминами. Кроме этого вражда и ненависть касаются пола, языка, происхождения, принадлежности к какой-либо социальной группе.

Основным критерием различия этих норм является фактическая декриминализация действий, предложенных Модельным УК, в связи с установлением административной преюдиции в ч. 1 ст. 282 УК РФ [8].

Квалифицирующие признаки анализируемых составов преступлений совпадают, наказание, предусмотренное за совершение этого преступления, соответствует рекомендациям Модельного УК.

Закон Азербайджанской Республики от 4 декабря 2015 г. № 27-VQ «О борьбе с религиозным экстремизмом» [9] дал определение религиозного экстремизма и определил действия, к которым отнес:

- действия, направленные на насильственное изменение конституционного строя Азербайджанской Республики, в том числе на изменение ее светского характера, а также на нарушение территориальной целостности государства или на насильственный захват власти;
- создание незаконных вооруженных формирований или групп и участие в них;
- осуществление террористической деятельности;
- участие в вооруженных конфликтах за пределами Азербайджанской Республики;
- действия, направленные на разжигание национальной, социальной или религиозной ненависти, унижение национального достоинства, ограничение прав или определение превосходства граждан по национальному, расовому, социальному или религиозному признаку;
- принуждение лица к исповедованию религии (религиозного течения), в том числе к осуществлению религиозных обрядов и ритуалов или участию в таких обрядах и ритуалах, а также принуждение к получению религиозного образования;
- открытые призывы к вышеуказанным действиям;

– подготовку, хранение или распространение религиозно-экстремистских материалов, т.е. материалов, призывающих к осуществлению религиозно-экстремистской деятельности или обосновывающих либо оправдывающих такую деятельность;

– финансирование религиозного экстремизма.

В Уголовном кодексе Азербайджанской Республики (далее – УК АР) в качестве обстоятельства, отягчающего наказание и характеризующего анализируемые понятия, предусмотрено «совершение преступления по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или фанатизма, из мести за правомерные действия других лиц, с корыстной целью или другими низменными побуждениями, а также с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение» (ст. 61.1.6) [10].

Сравнительно-правовой анализ отягчающих обстоятельств наказания Модельного УК, УК АР и УК РФ позволяет выделить некоторые различия:

– УК АР определяет национальную, расовую, религиозную ненависть или фанатизм. «Вражда» как признак анализируемого мотива не учитывается;

– фанатизм может быть национальным, расовым или религиозным, тогда как в Модельном УК фанатизм – только религиозным.

Остальные признаки совпадают с Модельным УК, включая сочетание других признаков, не относящихся к характеристикам экстремистских мотивов: «мести за правомерные действия других лиц, с корыстной целью или другими низменными побуждениями, а также с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение». В УК РФ данное обстоятельство выделено в самостоятельное «совершение преступления из мести за правомерные действия других лиц, а также с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение» (п. «е.1» ст. 63 УК РФ).

В качестве квалифицирующих признаков указанные мотивы в УК АР предусмотрены в следующих составах:

– убийство (п. 12 ч. 2 ст. 120);

– принуждение к вероисповеданию или финансирование совершения этих деяний на почве религиозной вражды, религиозного радикализма или религиозного фанатизма (п. 4 ст. 167-1);

– финансирование принуждения лица к исповеданию какой-либо религии (религиозного течения), в том числе к выполнению религиозных обрядов и церемоний или участию в религиозных обрядах и церемониях, а также к получению духовного образования на почве религиозной вражды, религиозного радикализма или религиозного фанатизма (п. 5 ст. 167-1).

Из приведенного перечня видно, что УК АР значительно сузил перечень составов преступлений, где в качестве квалифицирующего признака выступает анализируемый мотив преступления.

Статья 283 «Возбуждение национальной, расовой, социальной или религиозной ненависти и вражды» УК АР изложена в следующей редакции:

«283.1. Действия, направленные на возбуждение национальной, расовой, социальной или религиозной ненависти и вражды, унижение национального достоинства, а равно действия, направленные на ограничение прав граждан, либо установление превосходства граждан по признаку их национальной или расовой, социальной принадлежности, отношения к религии, если эти деяния совершены публично, в том числе с использованием средств массовой информации,

– наказываются штрафом в размере от восьми тысяч до двенадцати тысяч манатов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок от двух до четырех лет.

283.1-1. Деяния, предусмотренные статьей 283.1 настоящего Кодекса, совершенные на почве религиозной вражды, религиозного радикализма или религиозного фанатизма,

– наказываются лишением свободы на срок от трех до пяти лет.

283.2. Те же деяния, совершенные:

283.2.1. с применением насилия или с угрозой его применения;

283.2.2. лицом с использованием своего служебного положения,

283.2.3. организованной группой,

– наказываются лишением свободы на срок от трех до пяти лет.

283.3. Финансирование совершения деяний, предусмотренных статьей 283.1 настоящего Кодекса, на почве религиозной вражды, религиозного радикализма или религиозного фанатизма

– наказывается лишением свободы на срок от трех до пяти лет».

Анализ состава преступления, предусмотренного ст. 283 УК АР («Возбуждение национальной, расовой, социальной или религиозной ненависти и вражды»), позволяет выделить следующие признаки:

1) данный состав преступления расположен в гл. 31 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» разд. XI «Преступления против государственной власти». Соответственно родовой и видовой объект уголовно-правовой охраны полностью совпадает с УК РФ;

2) объективная сторона выражается в форме действия, направленного на возбуждение национальной, расовой, социальной или религиозной ненависти и вражды; унижение национального достоинства; ограничение прав граждан; установление превосходства граждан по признаку их национальной или расовой, социальной принадлежности, отношения к религии; эти деяния совершены публично, в том числе с использованием средств массовой информации.

В сравнении с УК РФ в содержание объективной стороны этого состава преступления не входит унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, языка, происхождения, что, на наш взгляд, сужает действие анализируемой уголовно-правовой нормы.

Кроме этого в УК АР отсутствуют административная приюдиция и указание на то, что эти действия совершены с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет.

Квалифицирующие признаки, содержащиеся в ч. 1.1 ст. 283 УК АР, определяют совершение действий на почве религиозной вражды, религиозного радикализма или религиозного фанатизма. Данные квалифицирующие признаки отсутствуют в ст. 282 УК РФ, кроме этого, на наш взгляд, могут создавать не только правовые коллизии, но и вызывать определенные трудности в правоприменительной практике.

Особо квалифицирующие признаки, предусмотренные в ч. 3 ст. 283 УК АР, предусматривают финансирование совершенных деяний на почве религиозной вражды, религиозного радикализма или религиозного фанатизма. Этот признак отчасти соответствует ст. 282.3 «Финансирование экстремистской деятельности» УК РФ, однако российский законодатель раскрывает признаки финансирования, что отсутствует в УК АР.

Согласно ст. 15 УК АР преступление, предусмотренное ст. 283 УК АР, относится к категории менее тяжкого преступления вне зависимости от квалифицирующих признаков. В этой части законодатель Азербайджана не учел рекомендации Модельного УК об отнесении квалифицированных составов этого преступления к категории тяжкого.

Анализ законодательства Республики Армении свидетельствует, что в нем отсутствует закон о противодействии экстремизму и его проявлениям. 22 марта 2005 г. был принят Закон Республики Армения № ЗР-79 «О борьбе с терроризмом», в котором положения касаются экстремизма и его проявлений также отсутствуют.

Однако в п. 6 ст. 63 Уголовного кодекса Республики Армения (далее – УК Республики Армения) в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность и наказание, предусмотрено «совершение преступления по мотивам национальной, расовой или религиозной ненависти, религиозного фанатизма, из мести за правомерные действия других лиц» [11].

Сравнительно-правовой анализ обстоятельств, отягчающих наказание, в Модельном УК, УК Республики Армения и УК РФ позволяет нам остановиться на некоторых существенных различиях.

Уголовный кодекс Республики Армения определяет мотив в качестве:

– национальной, расовой или религиозной ненависти;

– религиозного фанатизма;

– понятия, не относящегося к характеристике мотива, – мести за правомерные действия других лиц.

«Вражда» как признак анализируемого мотива не учитывается. Цель – облегчить или скрыть другое преступление, которая предусмотрена Модельным УК, отсутствует.

В УК РФ, как мы уже отмечали, данное обстоятельство выделено в самостоятельное «совершение преступления из мести за правомерные действия других лиц, а также с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение» (п. «е.1» ст. 63).

В качестве квалифицирующих признаков указанные мотивы в УК Республики Армения предусмотрены в следующих составах:

– убийство (п. 13 ч. 2 ст. 104);

– умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (п. 12 ч. 2 ст. 112);

– умышленное причинение вреда средней тяжести здоровью (п. 7 ч. 2 ст. 113);

– пытка (п. 7 ч. 2 ст. 119);

– умышленное уничтожение или повреждение имущества (п. 4 ч. 2 ст. 185);

– надругательство над телами умерших или местами захоронения (п. 2 ч. 2 ст. 265).

Статья 226 «Возбуждение национальной, расовой, социальной или религиозной вражды» УК Республики Армения изложена в следующей редакции:

«Статья 226. Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды

1. Действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, пропаганда расового превосходства или унижение национального достоинства – наказываются штрафом в размере от двухсоткратного до пятисоткратного размера минимальной заработной платы, либо исправительными работами на срок не свыше двух лет, либо лишением свободы на срок от двух до четырех лет.

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные: 1) гласно или с использованием средств информации; 2) с применением насилия или с угрозой его применения; 3) с использованием должностного положения; 4) организованной группой, – наказываются лишением свободы на срок от трех до шести лет».

Анализ состава преступления, предусмотренного ст. 226 УК Республики Армения, позволяет выделить следующие признаки:

1) данный состав преступления расположен в гл. 23 «Преступления против общественной безопасности». В Особенной части УК Республики Армения нет деления на разделы и главы, поэтому в качестве родового объекта будут выступать общественные отношения,

направленные на охрану общественной безопасности. Данное обстоятельство не соответствует рекомендациям Модельного УК и построению Особенной части УК РФ;

2) объективная сторона выражается в совершении действий, направленных на возбуждение национальной, расовой, религиозной вражды, а также действий, направленных на пропаганду расового превосходства; унижение национального достоинства.

Относительно Модельного УК законодатель Республики Армения ограничил пропаганду исключительности граждан только расовым признаком, исключив национальный признак и отношение к религии. Кроме этого отсутствует признак публичности или использования средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, как в УК РФ. Унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, языка, происхождения не входит в содержание объективной стороны ст. 226 УК Республики Армения, но соответствует признакам состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ.

Согласно ч. 3 ст. 19 УК Республики Армения преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 226, является преступлением средней тяжести, что полностью соответствует рекомендациям Модельного УК и УК РФ.

Квалифицирующие признаки состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 226 УК Республики Армения определяются законодателем следующим образом:

– гласно или с использованием средств информации;

– с применением насилия или с угрозой его применения;

– с использованием должностного положения;

– организованной группой.

Из приведенной законодательной регламентации видно, что способ совершения преступления «гласно или с использованием средств информации» является всего лишь квалифицирующим признаком и соответственно в содержание ч. 1 ст. 226 не входит. Совершение этого преступления лицом с использованием только должностного положения, на наш взгляд, ограничивает возможность привлечения к уголовной ответственности в случае совершения этого преступления лицом с использованием своего служебного положения.

Нормы, направленные на противодействие экстремизму в РФ, подвергались неоднократным изменениям, что свидетельствует об отсутствии целостной и последовательной государственной политики в области противодействия экстремизму.

Именно данное обстоятельство свидетельствует о том, что назрела необходимость дальнейшего исследования названного явления, поиска комплексных мер, направленных на противодействие ему, в том числе и средствами уголовно-правового и криминологического характера.

Пристатейный библиографический список

1. Французский гражданский кодекс / науч. ред. и предисл. Д. Г. Лаврова. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.
2. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права. Очерки сравнительного права. М. : Прогресс, 1981.
3. Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. М. : НОРМА, 1996.
4. К юбилею Юрия Александровича Тихомирова // Евразийский юридический журнал. 2011. № 8 (39).
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Модельный закон о противодействии экстремизму (принят в г. Санкт-Петербурге 14 мая 2009 г. постановлением 32-9 на 32-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Модельный Уголовный кодекс для государств – участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 г.) // СПС «Гарант».
8. Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Закон Республики Азербайджан «О борьбе с религиозным экстремизмом» // Законодательство стран СНГ : сайт. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=83389 (дата обращения: 4.09.2020).
10. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики // Legislationline : сайт. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8305/file/Azerbaijan_Criminal_Code_am_2018_ru.pdf (дата обращения: 4.09.2020).
11. Уголовный кодекс Республики Армения // Legislationline : сайт. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8237/file/Armenia_CC_am2016_ru.pdf (дата обращения: 4.09.2020).

References

1. *Lavrov D. G. (ed.)*. French Civil Code. St. Petersburg: Iuridicheskii tsentr Press, 2004.
2. *Ansel M.* Methodological Problems of Comparative Law. Essays on Comparative Law. Moscow: Progress, 1981.
3. *Tikhomirov Iu. A.* Course of Comparative Law. Moscow: NORMA, 1996.
4. To the Anniversary of Yuri Alexandrovich Tikhomirov. *Eurasian Legal Journal*. 2011. No. 8 (39).
5. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12 December 1993 with changes approved during the all-Russian vote on 1 July 2020) (SPS "ConsultantPlus").
6. Model Law on Countering Extremism (adopted in Saint Petersburg on 14 May 2009 by Resolution 32-9 at the 32nd plenary session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States) (SPS "ConsultantPlus").
7. Model Criminal Code for the CIS Member States (adopted by the resolution of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States on 17 February 1996) (SPS "Garant").
8. Federal Law of 27 December 2018 No. 519-FZ "On Amendments to Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus").
9. Law of the Republic of Azerbaijan "On Combating Religious Extremism". URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=83389 (date of the application: 4.09.2020).
10. Criminal Code of the Republic of Azerbaijan. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8305/file/Azerbaijan_Criminal_Code_am_2018_ru.pdf (date of the application: 4.09.2020).
11. Criminal Code of the Republic of Armenia. URL: https://www.legislationline.org/download/id/8237/file/Armenia_CC_am2016_ru.pdf (date of the application: 4.09.2020).

КАЗУС ПРИ ДЕФЕКТАХ ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ И ЕГО УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА*

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-4-60-66>

Актуальность исследования различных вопросов криминализации медицинской сферы предопределяется важностью здоровья человека как объекта уголовно-правовой охраны, а также высокой степенью риска причинения ему вреда при оказании медицинской помощи. Предметом исследования, приведенного в статье, являются общественные отношения в сфере применения ч. 1 ст. 28 УК РФ («Невиновное причинение вреда») по отношению к медицинским работникам. Цель исследования – выявить отдельные проблемы установления казуса (случая) при дефектах оказания медицинской помощи и предложить основания для расширения сферы применения ч. 1 ст. 28 УК РФ и минимизации уголовно-правового риска. Методология проведенного исследования основана на частных методах правовой аналитики и законодательной техники. Основное содержание и новизна работы заключаются в рассмотрении правил применения юридического состава казуса «случая» с учетом специфики медицинской деятельности и механизмов причинения вреда медицинским работником. Основные результаты исследования имеют прикладное и теоретическое значение для уголовно-правовой науки и практики применения уголовного закона, а также могут использоваться в сфере организации здравоохранения. В качестве основного вывода автора можно отметить, что наличие казуса (случая) в деятельности медицинского работника определяется в судебной практике без учета уровня профессиональной подготовки медицинского работника, его квалификации, опыта и иных факторов, которые способствуют наличию специфического профессионального сознания, тогда как такое требование косвенно вытекает из нормативного предписания, предусмотренного ч. 1 ст. 28 УК РФ. Указанное противоречие сужает сферу применения невиновного причинения вреда при наличии дефектов медицинской помощи и увеличивает уголовно-правовой риск для медицинского работника.

ВОРОНИН

Вячеслав Николаевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Московского государственного
юридического университета
им. О. Е. Кутафина (МГЮА)
(г. Москва)

voronin@crimconf.com

**Медицинское уголовное право;
медицинская ошибка;
дефект оказания медицинской
помощи;
казус;
невиновное причинение вреда;
причинение смерти
по неосторожности;
небрежность**

Vyacheslav N. VORONIN

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Criminal Law, Kutafin Moscow
State Law University (MSAL)
(Moscow)

voronin@crimconf.com

KAZUS IN DEFECTS

IN THE PROVISION OF MEDICAL CARE AND ITS CRIMINAL LEGAL ASSESSMENT**

The relevance of the study of various issues of criminalization of the medical field is predetermined by the importance of human health as an object of criminal law protection, as well as the high degree of risk of harm to him in the provision of medical care. The subject of the research given in the article is public relations in the scope of part 1 of Article 28 of the Criminal Code ("Innocent Infliction of Harm") in relation to medical workers. The purpose of the study is to identify individual problems of establishing a case (case) in case of defects

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по соглашению № 19-011-00818.

** This work was carried out with financial support from the Russian Foundation for Basic Research under agreement No. 19-011-00818.

**Medical criminal law;
medical error;
defect in the provision
of medical care;
incident;
innocent harm;
death by negligence;
negligence**

in the provision of medical care and to suggest grounds for expanding the scope of part 1 of Article 28 of the Criminal Code and minimization of criminal law risk. The research methodology is based on private methods of legal analytics and legislative techniques. The main content and novelty of the work is to consider the rules for the application of the legal structure of the "case" case, taking into account the specifics of medical activities and mechanisms of causing harm by a medical worker. The main results of the study are of applied and theoretical importance both for criminal law science and the practice of applying criminal law, and the area can be used in the field of healthcare organization. As the main conclusion of the author, it can be noted that the presence of an incident (case) in the activity of a medical worker is determined in judicial practice without taking into account the level of professional training of a medical worker, his qualifications, experience and other factors that contribute to the presence of a specific professional consciousness. Whereas such a requirement follows indirectly from the normative prescription provided for in part 1 of Article 28 of the Criminal Code. This contradiction narrows the scope of application of innocent harm in the presence of defects in medical care and increases the criminal law risk for a medical worker.

Медицинская деятельность представляет собой сложный процесс осуществления профессиональных функций, связанный с соблюдением установленных стандартов и требований к его организации. Большинство медицинских обследований и манипуляций, имеющих профилактическую, исследовательскую, диагностическую, лечебную или реабилитационную направленность, регламентированы формальными рамками протокола, который может в одной ситуации не позволить компетентному врачу спасти жизнь, а в другой – причинить вынужденный вред здоровью пациента. Обе обозначенные ситуации потребуют правовой оценки содеянного, механизм которой еще в полной мере не определен. Данное обстоятельство может повлечь привлечение медицинского работника к ответственности, в том числе уголовной, что, безусловно, лишает мотивации квалифицированных специалистов оказывать эффективную медицинскую помощь в соответствии с передовыми методиками и технологиями, еще официально не утвержденными соответствующим органом государственной власти. Совершенно обосновано в науке утверждается тенденция к формированию в рамках уголовного права отдельной группы норм, которые образуют в итоге «медицинское уголовное право» [1], но следует ли искусственно наполнять существующую совокупность норм различными законодательными новеллами? Крайне критически стоит оценить современную тенденцию уголовной политики в выделении различных специальных норм, в той сфере, где сегодня применяются нормы общие, поскольку такая тенденция нивелирует функционирование основных методов уголовной политики – криминализации и декриминализации. Там, где «плодятся» специальные нормы, правоприменительного хаоса будет еще больше.

М. Д. Шаргородский справедливо отмечал, что вопрос об уголовной ответственности врачей за вред, причиненный при лечении, есть часть общего вопроса об уголовной ответственности за вред, причиненный при выполнении профессиональных или служебных обязанностей. Причинение смерти или вреда здоровью в результате ошибки врача должно рассматриваться на основе общих правил уголовного права об ошибке, никаких оснований для какого-либо исключения в этих случаях для врача или другого специалиста нет [2, с. 111]. В рамках приведенного высказывания можно еще шире рассматривать необходимость применения потенциала общих уголовно-правовых норм в отношении ответственности медицинских работников. Важнейшей задачей в рамках квалификации преступлений является отграничение преступного от не преступного. Для начала правоприменителю надлежит установить, что искомая ситуация располагается в уголовно-правовой плоскости и охраняется именно уголовно-правовыми нормами. Поэтому уголовное право в Общей части содержит ряд институтов, которые находятся на стыке уголовно-правового регулирования и помогают в установлении его границ. Речь идет о нормах, предусматривающих так называемые обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, под которыми понимают в науке предусмотренные законодательством, характеризующие деяния, сходные с преступлением, ситуации, которые при наличии всех установленных законом условий делают невозможным наступление уголовной ответственности за такое деяние [3, с. 6]. Н. И. Пикуров также считает, что уголовно-правовое регулирование ответственности медицинского работника включает в себя не только основания для такой ответственности (причинение смерти по неос-

торожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, неоказание помощи больному и др.), но и правовые механизмы, гарантирующие защиту врача от объективного вменения в случае невиновного причинения вреда (ст. 5, 26, 28, 39, 41 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)) [4]. Необходимо подробнее остановиться на этих самых гарантиях от объективного вменения, в числе которых можно выделить обстоятельства, которые исключают уголовную ответственность в силу отсутствия в содеянном какого-либо признака преступления. В соответствии со ст. 14 УК РФ одним из четырех признаков преступления является виновность в совершении деяния, а одним из обязательных признаков состава преступления является – вина. Так, установление вины лица в совершении преступления означает установление зависимости общественно опасного деяния от личности, от ее сознания и воли, установление «авторства» лица в совершенном преступлении. Наличие обстоятельств, исключающих вину, свидетельствует о том, что общественно опасное деяние не являлось выражением отрицательного отношения лица к интересам общества, в силу чего отсутствует основание для его отрицательной оценки. Эти обстоятельства порождают такое состояние сознания и воли субъекта, которое исключает умысел и неосторожность лица в совершении преступления [5]. Таким образом, в качестве одной из задач дальнейшего исследования следует обозначить рассмотрение общих правил установления невиновного причинения вреда, а также их специфику в сфере профессиональной деятельности медицинского работника. Особенность оказания медицинской помощи лицу сопряжена априори с возможностью причинения вреда. Таким образом, вопрос установления вины врача в причинении этого вреда становится особенно актуальным, нередко ситуации, когда само оказание помощи способно повлечь не меньший вред, чем отказ от ее оказания. Риск оказания медицинской помощи должен учитываться как самим медицинским работником, осознаваться пациентом и учитываться правоохранительными органами при реализации уголовной репрессии в отношении врачей. Например, при оперативном вмешательстве одной из задач хирурга является оценка операционного риска больного, однако А. С. Повзун, С. А. Повзун отмечают, что многие из проанализированных ими ятрогенных ситуаций возникли в условиях технических трудностей, которые заведомо должны были быть известны хирургам до операции и которые способствовали развитию неблагоприятных для пациентов последствий оперативного лечения, ни в одном предоперацион-

ном эпикризе не содержалось оценки операционного риска для больного [6].

Невиновное причинение вреда урегулировано ст. 28 УК РФ и включает в себя три различных основания, в соответствии с которыми в отношении деяния, причинившего вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям, исключается наличие признака вины. Наиболее распространенная разновидность невиновного причинения вреда именуется в науке казусом (случаем). Исходя из нормативной формулировки ч. 1 ст. 28 УК РФ существует два альтернативных варианта установления казуса в действиях лица: первый связан с ситуациями, когда лицо при совершении деяния не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать его общественной опасности, а второй вариант касается случаев, когда лицо при совершении деяния не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть. Б. С. Утевский определял случай как такое отношение лица к своим действиям и их последствиям, при котором лицо это не должно было или хотя и должно было, но не могло предвидеть наступления противоправных последствий своих действий [7, с. 315]. Применительно к медицинской деятельности мы не столь часто сталкиваемся с использованием словосочетания «невиновное причинение вреда», чаще в литературе используется термин «медицинская (врачебная) ошибка», который имеет на сегодняшний день массу определений как в юридической, так и в медицинской сфере, при этом хотелось бы воздержаться от перечисления позиций и полемики – важным здесь является рассмотрение вопроса о выделении места невиновного причинения вреда при соотношении терминов «медицинская ошибка» и «дефект оказания медицинской помощи», поскольку решение этого вопроса предопределяет наличие основания для уголовной ответственности. Наиболее общим понятием является «дефект оказания медицинской помощи», под которым можно понимать ее недостаток в виде действия или бездействия лица медицинского персонала, являющийся нарушением действующих руководящих документов (порядков оказания и стандартов медицинской помощи, клинических протоколов, правил, инструкций, руководств, положений, постановлений, директив, приказов) и выразившийся в неправильном оказании (неоказании) медицинской помощи (профилактике, диагностике, лечении и реабилитации) в определенном периоде времени и в конкретных условиях [8]. Существуют примеры судебного толкования данного понятия: под дефектом оказания медицинской помощи понимается недостижение планируемого результата операции, даже если хирург соблюдал все технические приемы, суд полагает, что подсудимый

не предвидел и не должен был предвидеть, что его обычные действия повлекут последствия в виде повреждение вены и смерти Копытько, соответственно не рассчитывал самонадеянно на предотвращение этих последствий. В его действиях отсутствует вина, а причинение вреда обусловлено невиновными действиями (ч. 1 ст. 28 УК РФ) [9]. Исходя из определений существуют различные последствия таких дефектов, некоторые из которых могут оцениваться в рамках различного рода юридической ответственности (как гражданской, так и уголовной). Одной из разновидностей дефектов оказания медицинской помощи можно считать медицинскую ошибку, а именно совершенное медицинским работником деяние, содержащее признаки какого-либо состава преступления (ст. 109 (ч. 2), 118 (ч. 2), 120, 122 (ч. 4), 124, 238 УК РФ), а равно деяние, осуществленное при наличии исключающих уголовную ответственность обстоятельств (невиновное причинение вреда, крайняя необходимость и т.п.), повлекшее вред в таких находящихся под охраной уголовного закона объектах, как жизнь и здоровье человека [10]. Из приведенного определения следует, что часть ошибок оценивается как уголовно-наказуемое деяние, а некоторые из них не могут исключать уголовную ответственность. Поскольку речь о добросовестном заблуждении врача, мы как раз можем оценивать такие медицинские ошибки в рамках ч. 1 ст. 28 УК и считать их казусом.

Встречаются специальные определения: казусом в медицинской деятельности предлагают понимать фактическую ситуацию, исключаящую виновное отношение медицинского работника в случаях оказания ненадлежащей или неоказания надлежащей медицинской помощи, повлекшего причинение вреда жизни или здоровью пациента, обусловленную ограниченными возможностями (пределами эффективности) медицинской теории и практики [11]. Такой подход сужает сферу применения казуса в медицинской деятельности. Следует выяснять причины, в силу которых в конкретной ситуации у лица отсутствовала возможность осознания общественной опасности деяния либо предвидения возможности наступления неблагоприятного исхода, однако практически эти причины не ограничиваются только лишь ограниченными возможностями медицинской науки.

Попытаемся выявить особенности установления юридического состава казуса при наличии дефекта оказания медицинской помощи. Сложность здесь обусловлена также тем, что невиновное причинение вреда в медицинской деятельности предлагается рассматривать как юридический симбиоз врачебной ошибки и казуса (несчастливого случая). В совокупности объективных обстоятельств и невозможности их субъективного осознания и предвидения находятся основания признать действия (бездействия) врача,

причинившие вред, невиновными. Так, к условиям, предусмотренным ч. 1 ст. 28 УК РФ, относятся несчастные случаи, «когда с достоверностью может быть установлена объективная невозможность принятия адекватных ситуации мер диагностики и лечения, когда неблагоприятный исход продиктован вмешательством «случайных», посторонних сил, а не действиями (бездействием) медицинского работника, которые сами по себе с точки зрения уровня развития современной медицинской науки были верны» [12, с. 47].

Если остановиться на субъективных особенностях медицинской деятельности, одной из проблем будут ситуации, связанные с осознанием медицинским работником общественной опасности и противоправности своих действий, а также проблема установления нормативных и иных источников такого осознания. Граница между преступной небрежностью в профессиональной сфере и казусом пролегает в плоскости «должен был осознать или не должен был/обязан был предвидеть или не обязан?». Предпосылкой для установления осознания можно считать наличие у врача медицинского образования соответствующего профиля как основания для допуска к осуществлению им профессиональных функций. Наличие профессионального медицинского знания гарантирует, что врач знаком с правилами, методиками, стандартами, необходимыми для оказания профессиональной медицинской помощи. Знание требований стандарта предполагает, что если лицо отклоняется от них, то оно начинает осознать общую противоправность поведения и предвидеть возможность развития неблагоприятного исхода для здоровья пациента. Невиновное причинение вреда может наступать в связи с отсутствием осознания лицом наличия противоправности, поскольку ему неизвестна определенная методика или лицо ее не применяло ранее. Однако здесь стоит разграничивать уголовно-наказуемое невежество и казус. При невежестве лицо осознает общую (абстрактную) опасность своих действий (бездействия), не предвидит возможности наступления конкретных общественно опасных последствий и не может их предвидеть в силу отсутствия необходимых знаний и опыта, хотя и обязано было предвидеть. Н. В. Мирошниченко считает, что лишь в той ситуации, когда при проявленной лицом внимательности и предусмотрительности, его профессиональная некомпетентность («невежество») не позволяет ему предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий, можно ставить вопрос о применении ч. 1 ст. 28 УК РФ и признании поведения невиновным (извинительным) [13, с. 367]. В связи со сказанным интересен пример, который затрагивает не медицинскую деятельность, но касается осуществления профессиональных функций должностного лица: особенностью небрежности как

вида вины является то, что лицо, причинившее или не предотвратившее наступление общественно опасных последствий, совершая то или иное деяние, не предвидело этих последствий, однако должно было и могло их предвидеть. Наличие возможности предвидения и предотвращения общественно опасных последствий устанавливается с учетом индивидуальных психологических особенностей лица, его жизненного и профессионального опыта, уровня образования и т.п., а также конкретной объективной ситуации, в которой оказалось лицо [14]. Анализируя это судебное постановление в части установления «профессионализма» лица в должностном преступлении, П. С. Яни отмечает, что невыполнение, ненадлежащее выполнение своих обязанностей в случае, когда лицо не обладало для их надлежащего выполнения достаточным опытом, квалификацией, требуют при установлении и иных указанных в статье признаков привлечения к уголовной ответственности, только если должностное лицо адекватно воспринимало или должно было воспринимать эти свои качества: отсутствие опыта и т.п. Неосознание того, что к работе оно не готово ввиду недостаточного опыта, уровня образования и т.д., исключает оценку поведения должностного лица как недобросовестного или небрежного отношения к службе [15]. Можно ли распространить этот вывод на ситуации, связанные с дефектами оказания медицинской помощи? Правила определения виновности и принцип субъективного вменения имеют общий уголовно-правовой характер, поэтому изъятий для представителей отдельных профессий мы предусмотреть не можем. Отсутствие осознания устанавливается исходя из приоритета субъективного критерия, поэтому существуют ситуации, когда врач не обладает всей полнотой именно современного медицинского знания, прогресс которого неумолим: например, врач не знает о новом методе лечения, эффективность которого подтверждена, но он еще не распространен, следовательно, виновно он действовать в такой ситуации не может. Возможно, в силу наличия объективной необходимости врач вынужден оказывать помощь исходя из иной врачебной специальности, которой он в полной мере не обладает и не применял в данной сфере стандарты оказания медицинской помощи – здесь также может наличествовать казус. А. Л. Абрамов предлагает использовать критерий общеизвестности и распространенности знания: упрек в некомпетентности, приведшей к непрофессиональным действиям при оказании медицинской помощи, должен быть основан только на оценке того или иного знания как общеизвестного, получившего свое систематическое отражение в публикациях, вошедших в Кокрановскую библиотеку, базы данных *EMBASE* и *MEDLINE*, российские профильные журналы, в клинических рекомендациях по диагностике и ле-

чению того или иного заболевания [11]. Относительность предложенного критерия в сравнении с имеющимися нормативное значение стандартами оказания медицинской помощи очевидна. Другое дело, если в стандарт внесены изменения, а врач не владеет этой информацией и руководствуется старым алгоритмом в своей деятельности, что приводит к неблагоприятному исходу. Н. И. Пикуров отмечает, что если врач получил документ о высокой квалификации определенного уровня, не обладая в действительности требуемыми навыками, а также возможностями предвидеть результаты своих действий, и вопреки этому берется за работу такой сложности, которая фактически не соответствует его уровню подготовки, то он не может ссылаться в пользу своей невиновности на то, что в действительности он не обладал нужной квалификацией и потому не мог предвидеть возможных опасных последствий своих действий. По мнению Н. И. Пикурова, равная квалификация одного и другого врача должна объективно (а не субъективно) определять границы его ответственности, поэтому формулы преступного легкомыслия и преступной небрежности он предлагает пересмотреть и привести в соответствие с уровнем сложности и особенностей медицинской, как и любой другой технической сложной, деятельности [4].

В практике применения уголовного закона относительно привлечения врачей к ответственности по ч. 2 ст. 109 УК РФ суды формально выясняют уровень квалификации субъекта: так, О. нарушил требования документов, регламентирующих правила лечения пациентов, общепринятую хирургическую практику, должностную инструкцию врача-хирурга хирургического отделения МУЗ... При этом О., с учетом его образования, специальности, квалификации, стажа и опыта работы, мог и должен был оказать медицинскую квалифицированную помощь больным. При соблюдении О. требований регламентирующих документов, общепринятой хирургической практики имелась реальная возможность избежать неблагоприятного исхода для С.В.М. и О.М.А [16]. Сложно представить ситуацию, когда действительное отсутствие необходимого медицинского знания и опыта будет расцениваться как невиновное причинение вреда, скорее это обстоятельство также будет вменяться в вину лицу, косвенное подтверждение этому находим в следующем примере из судебной практики: суд указал, что так называемое добросовестное заблуждение врача, связанное с субъективными причинами (недостаток знаний, непроведение или неполное проведение необходимых методов обследования при имеющейся возможности, плохо выполненная работа и др.), является виновным деянием врача. В этом случае врачебная ошибка перестает быть ошибкой и подлежит оценке как виновное противоправное деяние врача [17].

Отсутствие необходимого опыта проведения той или иной манипуляции суды фактически не оценивают как отсутствие осознания, руководствуясь совокупностью иных факторов: например, доводы защитника, что подсудимая С. не имела достаточного опыта работы в лечебном учреждении, не имела практики лечения анафилактического шока, несостоятельны, поскольку недостаточность опыта не исключают ее ответственности по неоказанию должной помощи потерпевшей ФИО30, так как С. имеет медицинское образование. Оказание медицинской помощи при неотложных состояниях, в том числе при анафилактическом шоке, является обязательной программой обучения по медицинской специальности врачей и среднего медперсонала. В каждом отделении больницы имеется необходимый набор средств для борьбы с анафилактическим шоком с подробной инструкцией по применению – противошоковая аптечка. Средний медперсонал и врачи обязаны знать и уметь принять необходимые меры для купирования анафилактического шока [18].

Исходя из совокупности приведенных примеров можно сделать вывод о том, что наличие казуса (случая) в деятельности медицинского работника, выражаю-

щееся в отсутствии осознания общественной опасности своего деяния, определяется в судебной практике без учета уровня профессиональной подготовки медицинского работника, его квалификации, опыта и иных факторов, которые способствуют наличию специфического профессионального сознания, тогда как такое требование косвенно вытекает из нормативного предписания, предусмотренного ч. 1 ст. 28 УК РФ.

Указанное противоречие сужает сферу применения невиновного причинения вреда при наличии дефектов медицинской помощи и увеличивает уголовно-правовой риск для медицинского работника. Он может находиться в ситуации добросовестного отсутствия необходимого профессионального навыка или незнания новой методики оказания медицинской помощи в силу ее совершенствования по причине бурного развития медицинских технологий. Указанная проблема лежит не только в уголовно-правовой плоскости, но и имеет тесную связь с проблемами организации здравоохранения: медицинского образования, осуществления аттестации и допуска к профессии врача, а также необходимости непрерывного совершенствования профессиональных знаний и навыков в сфере медицины.

Пристатейный библиографический список

1. Рарог А. И., Понятовская Т. Г. Объект и система медицинского уголовного права // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 5.
2. Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1947.
3. Дорогин Д. А. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
4. Пикуров Н. И. Риски медицинского вмешательства: уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. 2018. № 3.
5. Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление / науч. ред. Г. Ф. Горский. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1974.
6. Повзун А. С., Повзун С. А. Риск оперативного вмешательства : был ли пациент о нем информирован? // Медицинское право. 2016. № 5.
7. Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве. М. : Госюриздат, 1950.
8. Тимофеев И. В. Дефект медицинской помощи: проблемы и пути правовой формализации понятия // Медицинское право. 2018. № 6.
9. Приговор Кировского районного суда города Омска от 5 июля 2018 г. № 1-124/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Янина И. Ю. Неосторожное причинение при оказании медицинских услуг // Медицинское право. 2019. № 3.
11. Абрамов А. Л. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность медицинских работников (к итогам исследования) // Общество и право. 2017. № 2 (60).
12. Хоменко А. Н. Уголовно-правовая оценка деяний, совершаемых при оказании медицинской помощи // Сибирское юридическое обозрение. 2020. № 2.
13. Мирошниченко Н. В. Преступления, связанные с нарушением профессиональных функций: проблемы уголовно-правовой теории и практики : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2015.
14. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 28 ноября 2001 г. № 940п01пр // СПС «КонсультантПлюс».
15. Яни П. С. Сложности квалификации халатности // Законность. 2011. № 8.

16. Апелляционное определение Архангельского областного суда от 7 мая 2013 г. по делу № 22-1328 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Приговор Дубовского районного суда Волгоградской области от 2 марта 2012 г. по делу № 1-1/2012 // СПС «КонсультантПлюс».
18. Приговор Пий-Хемского районного суда Республики Тыва от 13 ноября 2010 г. по делу № 1-84/2010(5-531/05) // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Rarog A. I., Poniatovskaia T. G. Object and System of Medical Criminal Law. *All-Russian Criminological Journal*. 2019. Vol. 13. No. 5.
2. Shargorodskii M. D. Crimes Against Life and Health. Moscow: Legal Publishing House of the USSR Ministry of Justice, 1947.
3. Dorogin D. A. Circumstances Excluding Criminal Liability: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2013.
4. Pikurov N. I. Risks of Medical Intervention: Criminal Law Aspects. *Criminal Law*. 2018. No. 3.
5. Dagei P. S., Kotov D. P.; Gorskii G. F. (ed.). Subjective Side of the Crime and its Establishment. Voronezh: Voronezh University Publishing House, 1974.
6. Povzun A. S., Povzun S. A. The Risk of Surgery: Was the Patient Informed About It? *Medical Law*. 2016. No. 5.
7. Utevskii B. S. Guilt in Soviet Criminal Law. Moscow: Gosizurizdat, 1950.
8. Timofeev I. V. Defect in Medical Care: Problems and Ways of Legal Formalization of the Concept. *Medical Law*. 2018. No. 6.
9. Verdict of the Kirovsky District Court of the City of Omsk of 5 July 2018 No. 1-124/2018 (SPS "ConsultantPlus").
10. Ianina I. Iu. Reckless Infliction in the Provision of Medical Services. *Medical Law*. 2019. No. 3.
11. Abramov A. L. Circumstances Excluding the Criminal Liability of Medical Workers (to the Results of the Study). *Society and Law*. 2017. No. 2 (60).
12. Khomenko A. N. Criminal Legal Assessment of Acts Committed in the Provision of Medical Care. *Siberian Legal Review*. 2020. No. 2.
13. Miroshnichenko N. V. Crimes Related to Violation of Professional Functions: Problems of Criminal Law Theory and Practice: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2015.
14. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of 28 November 2001 No. 940p01pr (SPS "ConsultantPlus").
15. Iani P. S. Difficulties in Qualifying Negligence. *Legality*. 2011. No. 8.
16. Appellate Ruling of the Arkhangelsk Regional Court of 7 May 2013 in case No. 22-1328 (SPS "ConsultantPlus").
17. Verdict of the Dubovsky District Court of the Volgograd Region of 2 March 2012 in case No. 1-1/2012 (SPS "ConsultantPlus").
18. Verdict of the Piy-Khemsy District Court of the Republic of Tyva of 13 November 2010 in case No. 1-84/2010 (5-531/05) (SPS "ConsultantPlus").

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ВЕДЕНИИ СТРОИТЕЛЬНЫХ ИЛИ ИНЫХ РАБОТ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-4-67-72>

В работе рассматриваются отдельные вопросы, связанные с возникновением и развитием исторических предпосылок установления в отечественном уголовном праве ответственности за нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ (ст. 216 УК РФ). Предмет исследования составили уголовно-правовые нормы Российского государства до 1917 г. и советского периода (УК РСФСР 1922, 1926, 1960 гг.), предусматривающие соответствующий состав преступления, а его цель – изучение исторических аспектов развития этой нормы во всех законодательных актах вплоть до принятия УК РФ. Методология исследования представлена историко-правовым, сравнительно-правовым и формально-юридическим методами. В результате проведенного исследования автор развивает и углубляет теорию в части исторического обоснования криминализации нарушения специальных правил безопасности при ведении различных работ и его уголовно-правовых признаков. Делается вывод, что впервые наказание за рассматриваемое деяние появилось только в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в связи с принятием Устава строительного. Формулируются основные исторические тенденции развития наказания за рассматриваемое преступление, среди которых, во-первых, подробная регламентация данного вида преступного поведения, высокий уровень законодательной техники; во-вторых, признание общественной безопасности в качестве его объекта; в-третьих, отказ от модели состава поставления в опасность и построение диспозиции по типу материального состава преступления; в-четвертых, применение института компенсационно-штрафной ответственности с возмещением потерпевшему причиненного вреда или убытков; в-пятых, введение дополнительных наказаний в виде лишения права заниматься определенной деятельностью или отстранения от занимаемой должности и др.

МИНАКОВА

Ольга Викторовна

младший научный сотрудник
кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного
университета (г. Курск)

marivanna77@mail.ru

**Нарушение правил
безопасности;
строительство;
историческая обусловленность;
архитектор;
архитекторский помощник;
иной техник-строитель;
Уложение о наказаниях
уголовных и исправительных
1845 г.;**
Уголовное уложение 1903 г.;
Устав строительный;
Уголовный кодекс РСФСР

Olga V. MINAKOVA

Associate Researcher, Department
of Criminal Law, South-Western State
University (Kursk)

marivanna77@mail.ru

HISTORICAL CONDITIONALITY OF CRIMINAL AND LEGAL SAFETY PROTECTION DURING CONSTRUCTION OR OTHER WORKS

**Violation of safety rules;
construction;
historical conditionality;
architect;
architectural assistant;
other construction technician;
Criminal and Correctional
Punishment Code of 1845;
Criminal Code of 1903;**

The work considers certain issues related to the emergence and development of historical prerequisites for establishing liability in domestic criminal law for violation of safety rules during construction or other work (Article 216 of the Criminal Code of the Russian Federation). The subject of the study was the criminal law norms of the Russian state until 1917 and the Soviet period (Criminal Code of the RSFSR 1922, 1926, 1960), providing for the corresponding corpus delicti, and its purpose is to study the historical aspects of the development of this norm in all legislative acts until the adoption of the Criminal Code of the Russian Federation. The research methodology is presented by historical-legal, comparative-legal and formal-legal methods. As a result of the study, the author develops and deepens the theory in terms of the historical justification for the criminalization

**Construction Charter;
Criminal Code of the RSFSR**

of violation of special safety rules when conducting various works and its criminal legal features. It is concluded that for the first time the punishment for the act in question appeared only in the Code of Penalties for Criminal and Correctional Offences of 1845 in connection with the adoption of the Charter of the Building. The main historical trends in the development of punishment for the crime in question are formulated, including, firstly, a detailed regulation of this type of criminal behavior, a high level of legislative technology; secondly, recognition of public security as its object; thirdly, the rejection of the model of composition of danger and the construction of a disposition according to the type of material corpus delicti; fourthly, the application of the institution of compensatory liability with compensation to the victim for the harm or loss caused; fifth, the introduction of additional penalties in the form of deprivation of the right to engage in certain activities or removal from office, etc.

Исходя из социально-психологических условий развития общества уголовная ответственность за нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ имеет и правовые исторические предпосылки. В самых первых памятниках российского уголовного права таких норм нет. Их трансформация в уголовное законодательство начинается только с середины XVIII в., когда в нашей державе началось бурное строительство железо- и медно-плавильных, оружейных заводов и фабрик, внедрение новой техники в промышленности, что требовало соблюдения их владельцами и вольнонаемными рабочими специальных правил выполнения опасных работ. И тогда «для лучшего за фабриками смотра» императрица Анна Иоанновна в 1734 г. издала Указ о надзоре обер-комиссаром и тремя комиссарами за развивающимся промышленным производством.

Влияние на становление института ответственности за преступления, связанные с нарушением правил безопасности при производстве работ в Российской империи, оказала кодификация норм строительного права во второй половине XIX в., завершившаяся принятием Горного устава и Устава строительного. *Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.* (в ред. 1885 г., применявшейся вместе с Уголовным уложением 1903 г. вплоть до полного запрета советской властью) [1] включило в разд. VIII «О преступлениях и проступках против общественного благоустройства и благочиния» гл. VIII «О нарушении правил Устава строительного». Глава состояла из 18 статей и четырех отделений. Самым большим было Отделение первое «О нарушении общих правил, установленных для производства строений» (ст. 1058–1065). Как явствует из содержания, нормы этого отделения обеспечивали безопасность строительных работ и устанавливали ответственность специальных субъектов, нарушивших положения Устава Строительного и обозначенных по профессии (архитектор, архитекторский помощник, техник-строитель, подрядчик) [2,

с. 28]. Например, в ст. 1058 говорилось: «За учиненное в третий раз нарушение предписанных Уставом Строительным технических или других о постройках правил, установленных в ограждение личной безопасности, виновным в том архитектору, архитекторскому помощнику или иному технику-строителю, или же подрядчику, взявшему на себя по контракту постройку оптом (разумея под сим производство и окончание всей работы по его распоряжению, а не одну поставку нужных для оной материалов), воспрещается производить постройки и вступать в строительные подряды оптом в продолжение определяемого судом времени от одного года до двух лет, с объявлением о том в ведомостях обоих столиц и в местных губернских». При этом норма предписывала исправление или переделку объекта за счет виновных. Очевидно, что законодатель придал уголовно-правовое значение не последствиям нарушения самого Устава, а их количеству (трижды). Два же первых нарушения наказывались по ст. 66 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. [3, с. 143–144]. Устав о наказаниях содержал систему правовых норм против общественной безопасности при возведении построек, правил о работах на фабриках или заводах, других промышленных или торговых заведениях и кроме ст. 66 включал ст. 128 о нарушении правил Строительного устава, техники безопасности на заводах, мануфактурах и иных промышленных объектах, «технических и других о постройках», угрожавшем личной безопасности или повлекшем причинение «кому-либо рань или поврежденій въ здоровьѣ» по неосторожности. Умысел же влек за собой уголовную ответственность по Уложению.

Судя по содержанию уголовно-правового запрета, изложенного в ст. 1059, в ней, напротив, закреплялись последствия нарушения строительных правил: «Если возведенное здание или иное сооружение разрушится, или часть его или же какое либо на оном украшение упадет от неправильности постройки или же

от употребления материалов дурного качества и надлежащих размеров, или от непрочности самой работы, а не от влияния времени и действия других физических причин...». Виновные были точно поименованы в тексте статьи: 1) архитектор, архитекторский помощник или иной техник-строитель; 2) оптовый, взявший всю работу на свою ответственность, подрядчик; 3) прочие лица, непосредственно распорядившиеся постройкой, без участия архитектора или иного техника-строителя или же подрядчика, в том числе и домовладельцы. Они приговаривались к аресту, заключению в тюрьме и «к воспрещению производить какие-либо строения в продолжение определяемого судом времени от трех до шести лет, о чем и публикуется в ведомостях обеих столиц и в местных губернских. Сверх того, виновные обязаны вознаградить за всякий причиненный тем кому-либо вред или убыток». Исходя из санкции можно отметить ее репрессивность в отношении первой группы специальных субъектов. Согласно ст. 88 Устава строительного считалось, что их профессиональные знания и должностное положение позволяют избежать травматизма и причинения иного вреда от несоблюдения правил строительства, не отговариваясь «негодностью материала» и пр.

В семи пунктах примечание к ст. 1059 разъясняло ее точный смысл. Одним из условий наступления ответственности называлось то, что «деяние произошло не только от нарушения технических правил при производстве постройки, но и от непрочности самой работы, негодности употребленных материалов или вообще от причин, зависящих от оптового подрядчика». Если же оно повлекло за собой гибель человека, то «согласно с решением уголовно-кассационного департамента 1890 г. № 42, виновный должен быть подвергнут наказанию, ст. 1466 уложения определенному». Упомянутая норма располагалась в гл. I «О смертоубийстве» разд. X преступлений против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц и гласила: «Кто без намерения учинить убийство, дозволит себе какое-либо действие, противное ограждающим личную безопасность и общественный порядок постановлениям, и последствием оно, хотя и неожиданным, причинится кому-либо смерть, тот за сие подвергается: заключению в тюрьме на время от 2 до 4 месяцев». Подлежали уголовному наказанию не только лица, ставшие причинителями смерти по неосторожности, а равно при несоблюдении мер безопасности, регламентируемых законами и специальными правилами: «Если, однако ж, за то противное установленному порядку деяние определено в законах другое, строжайшее наказание, то виновный подвергается оному на основании правил, постановленных о совокупности преступлений» [4, с. 99]. Все статьи Уложения в санкции за нарушения «особых

правил для построения зданий» устанавливали обязанность возмещения вреда пострадавшим лицам: «Виновный, сверх того, отвечает за всякий таким упущением или злоупотреблением причиненный, казне или частным лицам, вред или убыток».

В отношении архитектора, архитекторского помощника или иного техника-строителя действовала презумпция виновности: наказанию за «важные неправомерности и упущения по незнанию своего искусства» в соответствии со ст. 1061 они подвергались, если были допущены на производстве построек. Кроме предписания возместить причиненный вред или ущерб, эта норма налагала на виновного запрет «производить какие-либо строения, доколе он от надлежащего начальства не получит аттестата о приобретении достаточных по сей части познаний. О чем также публикуется в ведомостях обеих столиц и в местных губернских», что фактически означало отстранение от занимаемой должности до его переаттестации по причине некомпетентности.

Другие отделения гл. VIII, посвященные нарушению специальных правил строительства, именовались следующим образом: Отделение второе «О нарушении особых правил для постройки церковей Православного и других христианских исповеданий» (ст. 1066–1067); Отделение третье «О нарушении особых правил для построения зданий казенных» (ст. 1068–1072); Отделение четвертое «О нарушении особых правил для построения зданий общественных и частных» (ст. 1073–1075). В ст. 1072 четвертого Отделения определялось наказание за нарушение «общих, установленных для производства строений, правил при постройке зданий казенных. Архитекторы или иные техники-строители и другие участвовавшие в постройке лица подвергаются взысканиям и наказаниям», предусмотренным ст. ст. 1058–1061 Уложения или ст. 66 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями «смотря по роду нарушения».

Довольно подробная систематизация нарушений правил безопасности при строительстве разных объектов в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. свидетельствовала, во-первых, о высоком уровне законодательной техники. Во-вторых, впервые правотворец того времени пошел по пути конструирования специальных составов нарушения правил безопасности производства каких-либо работ и по определенным сферам промышленного производства, что объяснялось становлением новых отраслей российской экономики на протяжении нескольких веков.

Последним по времени принятия кодифицированным уголовно-правовым актом Российской империи стало *Уголовное уложение 1903 г.* [5, с. 324]. Его большим достижением явилось расширение круга специальных норм об ответственности за преступ-

ное нарушение правил безопасности производства определенных работ. В гл. 10 «О нарушении постановлений, ограждающих общественную и личную безопасность» нет ни одного материального состава, что, по свидетельству историков, способствовало их не востребованности практикой [6, с. 9]. В ст. 229 было криминализовано неисполнение установленных законом или обязательным постановлением правил при использовании машин и механизмов – паровых котлов, караемое арестом на срок не свыше трех месяцев. В следующей статье, 230, говорилось: «Тот, кто не установил предупредительные знаки либо не огородил место ведения строительных и других работ, если такие знаки и приспособления нужны для личной безопасности, наказывается арестом на срок до двух недель».

Разработчики документа, как и в Уложении 1845 г., стремились охватить и более широкий круг деяний и конкретизировать различные сферы производства. Среди новелл упоминались нарушения правил ведения работ по производству огнестрельных и взрывчатых веществ, создавшие угрозу опасности взрыва или пожара (ст. 224). За нарушение правил порядка производства любых работ на заводах санкция ст. 310 допускала назначение ареста или денежной пени не свыше пятисот рублей, а если оно угрожало опасностью взрыва, то суд мог лишить виновного права содержать такое заведение на срок от одного года до пяти лет. В гл. XVIII «О нарушении постановлений о производстве строительных работ и о пользовании путями сообщения и средствами сношения» была выделена ст. 382 о неисполнении установленных законом или обязательным постановлением правил при производстве работ (строительство, устройство путей сообщения и т.д.) для ограждения безопасности всех граждан и работников, прообраз современной ст. 216 УК РФ. Правда, никакие преступные последствия в ней не упоминались.

В Уголовном уложении 1903 г., в его гл. 22 «О лишении жизни», впервые получила развитие идея наказуемости причинения смерти по неосторожности, а не убийства, как последствия несоблюдения правил, установленных законом или обязательным постановлением для такого рода деятельности (ч. 2 ст. 464). В ч. 3 в качестве еще одной санкции впервые появляется запрет заниматься определенной деятельностью, при осуществлении которой виновный причинил смерть. Позднее он войдет в качестве наказания в большинство специальных статей о нарушении правил производства любых опасных травматизмом и гибелью человека работ.

После прихода к власти большевиков царское законодательство действовало только в части, не противоречащей декретам ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Рабоче-Крестьянского

правительства советской России, которыми суды и руководствовались. Уложения 1845 и 1903 гг. продолжали применяться вместе с различными декретами вплоть до вступления в силу первого *Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.* [7]. В нем в гл. VIII «Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок» законодатель выделил в специальный состав неисполнение или нарушение при производстве строительных работ, установленных законом или обязательным постановлением строительных, санитарных и противопожарных правил (ст. 217). Наказанием за него были принудительные работы или штраф до 300 руб. золотом. В этой же главе отдельной нормой было предусмотрено нарушение установленных законом или обязательным постановлением технических правил об установке механических двигателей (ст. 221). Поправками, изложенными в постановлении 2-й сессии 11 созыва ВЦИК от 16 октября 1924 г. «О дополнениях и изменениях Уголовного кодекса РСФСР», в 1924 г. УК РСФСР был дополнен ст. 217-а о неисполнении или нарушении правил производства горных работ с той же санкцией, что и в ст. 217, однако с той разницей, что в ней, как и в ст. 221, указывалось на «кару в административном порядке». Это положение до сих пор дает основание ученым утверждать о нахождении в первом уголовном законе нового государства норм административного права [8, с. 32].

В *Уголовном кодексе РСФСР 1926 г.* [9] местоположение ст. 217 и 217-а о неисполнении или нарушении правил, регулирующих охрану безопасности при производстве строительных и горных работ, в редакции УК РСФСР 1922 г. изменилось – ст. 108, впервые объединившую оба вида работ, перенесли в гл. 2 «Иные преступления против порядка управления». В гл. 8 с прежним названием «Нарушение правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и порядок» осталась только ст. 189 о нарушении правил об установке механических двигателей. В ч. 1 ст. 108 уточнялись последствия содеянного – «тяжелые», влекущие за собой лишение свободы сроком до трех лет или штраф до 3 тыс. руб. Те же деяния без последствий в санкции ч. 2 ст. 108 включали исправительно-принудительные работы на срок до одного месяца и штраф до 100 руб. Интересно, что два постановления Пленума Верховного Суда РСФСР за 1927 г., от 9 апреля и 18 июля, предписывали при возбуждении уголовного дела по ст. 108 дополнительно вменять и ч. 3 ст. 133. Сама ст. 133 находилась в гл. 5 «Преступления хозяйственные» и гласила: «Поставление работника, с нарушением правил об охране труда, в такие условия работы, при которых он утратил или мог утратить свою трудоспособность, наказывается лишением свободы на срок до двух лет или исправительно-принудительными работами на срок до одного года

или штрафом до пятисот рублей». Такие дела рекомендовалось направлять в трудсесии по подсудности для рассмотрения по существу.

Важным этапом в развитии советского уголовного законодательства явилось принятие *Уголовного кодекса РСФСР 1960 г.* [10], в котором правотворческий подход к преступным нарушениям на производстве вновь изменился. Их родовой объект понимался так же, как и авторами первого кодекса РСФСР, – общественная безопасность, общественный порядок и здоровье населения, а в аналогичную норму с той же нумерацией были внесены изменения в части охраны безопасности и порядка в горной промышленности (ст. 217). Главу 10 составляла группа статей: ст. 214 «Нарушение правил безопасности горных работ», ст. 215 «Нарушение правил при производстве строительных работ», ст. 216 «Нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах», что говорит о систематизации посягательств, совершенных в сфере промышленного производства.

Таким образом, историческая обусловленность уголовной ответственности за нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ в современный период определяется успешным законодательским опытом уголовно-правового регулирования ответственности за это деяние. Уголовно-правовой запрет нарушения правил безопасности при ведении строительных или иных работ обуславливается его социальной природой и опирается на исторические правовые традиции. Система норм, регулирующих наказание за эти деяния, начала складываться в дореволюционном законодательстве в первой половине XIX в. и формируется до наших дней.

Эволюция уголовно-правового обеспечения безопасности при производстве работ различного вида характеризуется следующими признаками:

1) круг нарушений, нуждающихся в реагировании уголовно-правовыми средствами, правотворец определял эмпирическим путем. Расширение сферы уголовной ответственности за нарушение правил безопасности при производстве конкретных видов работ было обусловлено возрастанием его общественной опасности в связи с развитием отраслей промышленного производства и внедрением новых технологий, характеризующихся высоким уровнем травматизма и смертности;

2) в источниках досоветского и советского права уголовная ответственность за эти посягательства развивалась путем формулирования специальной, а не общей нормы;

3) в каждом новом уголовном законе данный вид преступного поведения получал более подробную регламентацию, совершенствовалась и законодательная техника. Уже первые редакции составов преступлений, связанных с нарушением правил, затрагивающих безопасность при проведении строительных и других работ, верно определили общественную безопасность как их объект; законодатель перешел от ответственности за создание деликта опасности причинения вреда к материальному составу преступления; различалось причинение телесных повреждений и смерти по неосторожности при несоблюдении установленных законом или обязательным постановлением правил. Прогрессивная юридическая мысль того времени способствовала закреплению для рассматриваемых преступлений института компенсационно-штрафной ответственности, когда потерпевшему от нарушения правил на производстве возмещался причиненный вред или убытки; для специальных субъектов вводились дополнительные виды наказания – лишение права заниматься определенной деятельностью или отстранение от занимаемой должности до выполнения установленных судом условий (например, повышение квалификации).

Пристатейный библиографический список

1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 6-е изд., пересмотр. и доп. СПб. : Изд. Н. С. Таганцева, 1889.
2. Харченко О. В. Об ответственности за нарушения правил Устава строительного по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных // Юридическая наука и юридическое образование : сборник научных трудов, посвященный 55-летию профессора Э. П. Григониса. СПб. : Межотраслевой научно-издательский и образовательный центр, 2017.
3. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями / под ред. Н. С. Таганцева. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1912.
4. Смирнова В. В. Ответственность за неосторожное лишение жизни человека по российскому законодательству (X – начало XX века) // Вестник МГУ. 2009. № 4.
5. Уголовное уложение 22 марта 1903 г. СПб. : Изд. Н. С. Таганцева, 1904.

6. *Марковиченко С. В.* Характеристика и предупреждение преступных нарушений правил охраны труда : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2011.
7. СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
8. *Коренкова Э. А.* Ответственность за преступные нарушения правил охраны труда : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
9. СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
10. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

References

1. Penal and Correctional Punishment Code of 1885. 6th ed. St. Petersburg: Edition of N. S. Tagantsev, 1889.
2. *Kharchenko O. V.* On Liability for Violations of the Rules of the Charter of the Building on the Code of Penalties for Criminal and Correctional. In *Legal Science and Legal Education: Collection of Scientific Works Dedicated to the 55th Anniversary of Professor E. P. Grigonis*. St. Petersburg: Interdisciplinary Research, Publishing and Educational Center, 2017.
3. *Tagantsev N. S. (ed.)*. Charter on Punishments Imposed by Justices of the Peace. St. Petersburg: M. Merkushev's Printing House, 1912.
4. *Smirnova V. V.* Responsibility for Careless Deprivation of Life of a Person Under Russian Law (10th–20th Century). *Bulletin of Moscow State University*. 2009. No. 4.
5. Criminal Code of 22 March 1903. St. Petersburg: Edition of N. S. Tagantsev, 1904.
6. *Markovichenko S. V.* Characterization and Prevention of Criminal Violations of Labor Protection Rules: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Омск, 2011.
7. Collection of Laws of the RSFSR. 1922. No. 15. Art. 153.
8. *Korenkova E. A.* Responsibility for Criminal Violations of Labor Protection Rules: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2002.
9. Collection of Laws of the RSFSR. 1926. No. 80. Art. 600.
10. Vedomosti of the Supreme Council of the RSFSR. 1960. No. 40. Art. 591.

ПРАВОВОЙ СТАТУС СТРАХОВОГО ОМБУДСМЕНА В РОССИИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-4-73-81>

В июне 2019 г. в страховании появился новый субъект – страховой омбудсмен, основное предназначение которого состоит в альтернативном урегулировании страховых споров на досудебной стадии. Законодатель полномочия по урегулированию страховых споров между потребителями страховых услуг и страховщиками отнес к ведению финансового уполномоченного и лишь косвенно указал, что страховой омбудсмен – это один из видов финансового уполномоченного. Актуальность темы заключается в необходимости определить правовой статус страхового омбудсмена, отразить специфику его роли в страховании, определить особенности взаимодействия с органами государственной власти. С одной стороны, страховой омбудсмен неподотчетен ни одному из органов страхового надзора, он независим и от иных органов государственной власти и местного самоуправления. С другой стороны, финансирование деятельности страхового омбудсмена осуществляется в основном Банком России. Предметом исследования являются нормы российского законодательства, позволяющие выявить особенности и недостатки правового положения страхового омбудсмена в России. Цель статьи состоит в определении правового статуса страхового омбудсмена. В статье использовались диалектико-материалистический метод научного познания, анализ, синтез, догматико-юридический и сравнительно правовой методы. Диалектико-материалистический метод позволил исследовать специфику института страхового омбудсмена с разных точек зрения. Использование методов анализа и синтеза помогло охарактеризовать специфику правового положения страхового омбудсмена в России. Догматико-юридический метод направлен на изучение законодательства РФ о порядке осуществления деятельности страхового омбудсмена в сфере разрешения страховых споров. Автор сравнивает правовое положение страхового омбудсмена в России и ряде зарубежных стран, используя сравнительно-правовой метод. В проведенном исследовании автор рассматривается плюрализм мнений в отношении сущности статуса страхового омбудсмена, а также необходимости введения данного субъекта в страхование. Анализируется правовой статус страхового омбудсмена в России и ряде зарубежных стран, выявляются достоинства и недостатки отечественного финансового уполномоченного. В статье предложено авторское определение понятия «страховой омбудсмен», основанное на изучении зарубежной практики, мнений ведущих теоретиков и действующего отечественного законодательства. В ходе исследования автор приходит к выводам, что легализация страхового омбудсмена в российском страховании ознаменовала переход отечественного страхования на совершенно новый, более прогрессивный уровень развития. Его деятельность представляет собой абсолютно новый нетипичный формат взаимодействия страховщика и страхователя, способствующий обеспечению независимого урегулирования страховых споров.

ШЕРГУНОВА

Елена Анатольевна

кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры
гражданского права Юго-Западного
государственного университета
(г. Курск)

sherea@rambler.ru

**Финансовый уполномоченный;
финансовый омбудсмен;
страховой омбудсмен;
досудебное урегулирование
спора;
потребитель страховых услуг**

Elena A. SHERGUNOVA

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department
of Civil Law, South-Western State
University (Kursk)
sherea@rambler.ru

**Financial commissioner;
financial ombudsman;
insurance ombudsman;
pre-trial dispute settlement;
consumer of insurance services**

THE LEGAL STATUS OF THE INSURANCE OMBUDSMAN IN RUSSIA

In June 2019, a new entity appeared in insurance – the insurance ombudsman, the main purpose of which consists in alternative settlement of the insurance controversy at the pre-trial stage. The legislator has assigned the power to settle insurance controversies between consumers of insurance services and insurers to the financial commissioner and only indirectly indicated that the insurance ombudsman is one of the types of financial commissioner. The relevance of the article concludes in the need to define the legal status of the insurance ombudsman, to reflect the specifics of his role in insurance, to define the peculiarities of interaction with the state authorities are not clearly specified. The one side, the insurance ombudsman is not accountable to any of the insurance supervisory authority and he is independent of other authorities of state and local self-government. The other side, the financing of the activities of the insurance ombudsman is carried out by the Bank of Russia. The subject of the research is the norms of civil legislation that allows us to identify the specifics and disadvantages of the legal status of the insurance ombudsman in Russia. The purpose of the article is to determine the legal status of the insurance ombudsman. The article uses the dialectical-materialistic method of scientific knowledge, analysis, synthesis, dogmatic-legal and comparative-legal method. The dialectical-materialistic method allowed us to study the insurance ombudsman from different points of view. The analysis and synthesis help us to characterize the specifics of the legal status of the insurance ombudsman in Russia. The dogmatic-legal method is aimed at studying the legislation of the Russian Federation on the procedure for carrying out the activities of the insurance ombudsman in the field of settlement of insurance controversies. The author compares the legal status of the insurance ombudsman in Russia and some of foreign countries using a comparative legal method. In the research, the author considers the pluralism of opinions on the essence of the status of the insurance ombudsman, as well as the need to introduce this subject into the insurance. The legal status of the insurance ombudsman in Russia and some of foreign countries is analysed, and the values and disadvantages of the domestic financial commissioner are identified. The article proposes an author's definition of the concept of insurance ombudsman, based on the study of foreign practice, the opinion of leading theorists and the current domestic legislation. The article proposes an author's definition of the concept of the insurance ombudsman, based on the study of foreign practice, the opinions of famous theorists and the current domestic legislations. In the course of the research, the author comes to the conclusions that the legalization of the insurance ombudsman in Russian insurance marked the transition of domestic insurance to a completely new and more progressive level of development. His activity of this subject is a completely new atypical format of interaction between the insurer and the insured, which contributes to ensuring independent settlement of insurance controversy.

Защита прав и законных интересов потребителей (в широком смысле) страховых услуг представляет собой один из важнейших элементов современной экономики любого развитого государства. Система защиты прав потребителей страховых услуг включает в себя специальный досудебный механизм урегулирования страховых споров [1].

4 июня 2018 г. был принят Федеральный закон № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (далее – ФЗ № 123), официально закрепивший институт страхового омбудсмена в России, что позволило создать особый механизм разрешения споров между потребителями и страховщиками.

Институт омбудсмана не является для России абсолютно новым и чуждым. О разрешении споров с участием посредника (омбудсмана) известно с древних времен становления российского государства и общества, где большинство споров достаточно быстро и эффективно решались вождем, старейшинами рода, либо жрецами. При этом посредниками могли выступать люди из ученого сословия, чиновники низшего звена или просто соседи, к которым спорящие стороны выказывали доверие [2]. В российской практике институт омбудсмана давно применяется (уполномоченный по правам человека, уполномоченный по правам ребенка) и положительно зарекомендовал себя в социальной сфере, в семейном праве, в судебной практике как вид досудебного (внесудебного) урегулирования споров.

Омбудсмен в финансовой сфере появился лишь в 2010 г. Инициатива создания финансового уполномоченного принадлежала Ассоциации российских банков (АРБ). В сентябре 2010 г. совет АРБ утвердил «Положение об Общественном примирителе на финансовом рынке (Финансовом омбудсмене)» и «Регламент Общественного примирителя на финансовом рынке (Финансового омбудсмана)» [3].

Первые попытки учреждения института страхового омбудсмана в РФ были предприняты в начале 2014 г., после заключения соглашения между Администрацией Краснодарского края и Финансовым омбудсменом. На основании данного договора Всероссийский союз страховщиков создал Страховое бюро страхового омбудсмана в Краснодарском крае, которое было наделено правом разрешать страховые споры граждан на досудебных стадиях. Впоследствии аналогичное бюро было создано при поддержке Администрации Свердловской области. Данные представительства получили особый правовой статус общественных органов, разрешающих страховые споры между страховщиками и потребителями страховых услуг. Центральный банк РФ (далее – Банк России) дал свои разъяснения по этому вопросу: страховые споры первоначально должны передаваться на рассмотрение финансовому уполномоченному для досудебного урегулирования спора. В случае если стороны при содействии страхового омбудсмана смогут прийти к мирному урегулированию спора, Банк России не будет применять соответствующие санкции к страховщикам [4].

Сегодня создана и успешно функционирует единая система службы финансового уполномоченного,

в компетенцию которого входят также и полномочия страхового омбудсмана. Структура подразделений финансового омбудсмана наглядно представлена нами далее на Рис. 1.

Возглавляет данную структуру аппарат финансового уполномоченного, который состоит из главного финансового уполномоченного, финансового уполномоченного в сфере страхования и двух уполномоченных по правам потребителей финансовых услуг.

Следующая ступень принадлежит Совету службы финансового уполномоченного. Орган является коллегиальным и состоит из 15 членов, в число которых входят: непосредственно сам главный финансовый уполномоченный, представители Минфина России; представители Банка России, представитель экспертного совета службы финансового уполномоченного, представитель саморегулируемых организаций в сфере финансового рынка, объединяющих страховые организации; представители Ассоциации банков России, представитель ФАС РФ и представители Роспотребнадзора.

Основное предназначение данного органа в сфере страхования состоит в определении размера платы страховому омбудсмену за рассмотрение страховых споров; утверждении сметы доходов и расходов службы обеспечения деятельности финансового уполномоченного; установлении политики по предотвращению, выявлению конфликтов интересов и управлению ими; установлении процедуры осуществления финансовым уполномоченным урегулирования страхового спора между его сторонами.

Третью ступень структуры финансового уполномоченного занимает Служба обеспечения деятельности финансового уполномоченного, которая является автономной некоммерческой организацией, учрежденной Банком России. Данная организация управляет фондом финансирования деятельности финансового уполномоченного и осуществляет подготовку поступивших обращений потребителей финансовых услуг к рассмотрению финансовому уполномоченному (страховому омбудсмену).

И наконец, последним органом, входящим в структуру финансового уполномоченного, является Экспертный совет службы финансового уполномоченного. Указанный орган, так же как и Совет, является коллегиальным консультативным и совещательным, в задачи которого входит выработка рекомендаций в сфере деятельности финансового уполномоченного и защиты прав потребителей финансовых услуг [5].

Рис. 1. Структура органов финансового уполномоченного

Согласно ФЗ № 123 (п. 4 ст. 2) система органов страхового омбудсмана является самостоятельной и независимой, следовательно, никаким органам государственной власти и местного самоуправления не подотчетна. Н. А. Савцова не согласна с данной нормой и утверждает, что страховой омбудсмен должен находиться в подчинении органов исполнительной власти, осуществляющих контроль и надзор в сфере финансов [6]. Представляется, что законодателю следовало бы выделить страхового омбудсмана в самостоятельную группу и более детально регламентировать его деятельность в страховой сфере с учетом специфики отношений.

Целью введения института российского страхового омбудсмана является обеспечение доступной, простой, справедливой внесудебной процедуры разрешения споров между страховщиками и страхователями (застрахованными, выгодоприобретателями). Для достижения поставленной цели перед страховым омбудсменом ставятся следующие задачи [7]:

- оперативно урегулировать страховые споры и сократить количество обращений граждан;
- повысить результативность рассмотрения обращений (жалоб) потребителей страховых услуг;
- выработать единые подходы к урегулированию однотипных страховых споров;
- упростить процедуры урегулирования и рассмотрения споров в сфере страхования для потребителей;

– улучшить цивилизованное и полноценное взаимодействие между потребителями страховых услуг и страховщиками.

Ввиду отсутствия четкого законодательного закрепления института страхового омбудсмана в теории и на практике сложилось несколько точек зрения в отношении понятия страхового омбудсмана.

В первую группу входят авторы (Н. А. Савцова [8], С. В. Худякова [1]), считающие, что рассматривать страховые споры должен финансовый уполномоченный, так как страхование относится к финансовой сфере. По их мнению, не стоит выделять страхового омбудсмана в самостоятельную группу, так как это усложнит механизм урегулирования споров и породит огромное множество ненужных органов.

Н. А. Савцова [8] под страховым омбудсменом понимает финансового уполномоченного, который решает конфликты, возникающие между участниками страховых отношений, а также помогает в их мирном урегулировании. По ее мнению, финансовый уполномоченный в сфере страхования должен не только принимать и официально объявлять свое решение по спору, но и напрямую участвовать в процессе достижения мирного соглашения между сторонами.

Во вторую группу входят исследователи (Н. Н. Бочарова, Ю. А. Колесников [7], Е. А. Бочкарев [9], Е. Н. Привалов [10], Д. В. Голик [3] и др.), считающие, что из института финансового уполномоченного необходимо

выделить финансового омбудсмена, наделив его самостоятельными полномочиями исключительно по урегулированию споров в различных финансовых сферах (финансовый омбудсмен в сфере страхования, финансовый омбудсмен в банковской сфере и т.д.).

Ю. А. Колесников и Н. Н. Бочарова полагают, что финансовый омбудсмен в страховой сфере – это «независимое лицо, которое разрешает во внесудебном порядке споры между страховщиками и их клиентами. Основная его деятельность состоит в рассмотрении и разрешении споров, связанных с вопросах оказания страховых услуг» [7].

Согласно третьей точке зрения страхование столь многогранно и самобытно, что отнести его исключительно к сфере финансов является неправильным. Ввиду этого страховой омбудсмен должен быть самостоятельным и независимым лицом, занимающимся исключительно разрешением страховых споров. Представляется, данное мнение является обоснованным, так как страхование в России давно вышло на самостоятельный уровень развития, а значит и структура органов у него должна быть отдельная. К представителям данного направления относятся Т. А. Белоусова [11], А. Ю. Кусова [4], Ю. Б. Борисова [12], С. А. Дюжиков, О. А. Нор-Аверян [2] и др.

В настоящее время российский страховой омбудсмен не имеет четко выраженной индивидуальности, и законодатель приравнивает его к финансовому омбудсмену, который также параллельно осуществляет свою деятельность и в других финансовых сферах.

Интересная интерпретация понятия «страховой омбудсмен» дается С. А. Дюжиковым и А. О. Нор-Аверяном [2], которые под данным субъектом понимают особую разновидность медиатора, т.е. должностное лицо, реализующее опосредованный контроль над исполнительной властью, основным предназначением которого является содействие в обеспечении прав и свобод потребителя страховых услуг во взаимоотношении со страховщиком. Тем не менее с подобным утверждением мы не согласны по следующим основаниям. Медиатором в данном случае является независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредника в урегулировании спора (ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»). В противовес этому ФЗ № 123 указывает, что процедура обращения к страховому омбудсмену является строго обязательной, а не добровольной, что это право исключительно потребителя страховых услуг и ни о каких добровольных договоренностях со страховщиком здесь речи не идет. Кроме того, страховой омбудсмен не является абсолютно нейтральной стороной как медиатор. Он всегда находится на стороне потребителя страховых услуг, чьи права были нару-

шены страховщиком. Отсюда следует, что страховой омбудсмен ни при каких обстоятельствах не может относиться к разновидности медиатора.

Д. Е. Феоктистова [13] определяет страхового омбудсмена как должностное лицо, назначаемое высшими органами государственной власти или иными должностными лицами, обладающее определенной степенью самостоятельности, позволяющей ему осуществлять контроль над страховой деятельностью, способствовать восстановлению нарушенных прав и свобод потребителей страховых услуг (либо определенной группы таких потребителей), осуществлять мониторинг соблюдения прав и свобод, а также проводить государственную политику в страховой сфере.

Институт страхового омбудсмена эффективно существует и активно развивается во многих странах: Великобритания, Швеция, Дания, Ирландия, Нидерланды, Чехия, Казахстан [3] и др.

Представляется интересным опыт Германии, впервые законодательно закрепившей в 1992 г. понятие «страховой омбудсмен» (или «омбудсмен в сфере страхования»). Первоначально данная должность была создана при Союзе немецких банков [3]. Впоследствии немецкий страховой омбудсмен стал абсолютно независимым лицом, и данная свобода была гарантирована ему специально уполномоченным органом – Советом, включающим представителей всех страховщиков, представителей страхователей, а также органов страхового контроля и надзора [14]. Сумма претензий, подведомственных немецкому страховому омбудсмену, которая может быть предъявлена потребителем к страховщику, составляет 100 тыс. евро. Решение, вынесенное страховым омбудсменом по жалобе до 10 тыс. евро, является строго обязательным для исполнения, свыше 10 тыс. евро – носит, как правило, рекомендательный характер [4].

Не менее показателен опыт Франции в отношении деятельности страхового омбудсмена. В качестве механизма досудебного урегулирования страховых споров французское право предусматривает одновременно два альтернативных института: медиацию страховых споров и рассмотрение страховых споров страховым омбудсменом. Инициатива в таких спорах принадлежит объединениям страховых организаций (Французская федерация страховых компаний (FFSA) [15]), которые изначально договорились создать особый механизм, позволяющий застрахованным и любым третьим лицам воспользоваться процедурой медиации для урегулирования страховых споров [11].

При использовании системы медиации для внесудебного рассмотрения страхового спора стороны (потребитель страховых услуг и страховщик) выбирают его добровольно по своему волеизъявлению. При этом решение медиатора носит рекомендательный

характер и не является обязательным. По этой причине способ медиации не всегда удобен для урегулирования страхового спора.

В таком случае стороны вынуждены прибегнуть к услугам страхового омбудсмена как второму альтернативному способу разрешения страхового спора. Данный уполномоченный назначается Советом, включающим Президента Национального Института защиты прав потребителей, председателя консультативного Комитета финансового сектора Службы по надзору за страховым рынком, а также президента Французской федерации страхования. Деятельность страхового омбудсмена является независимой и осуществляется на основе принципа справедливости [16].

В отличие от России во Франции страховой омбудсмен действует в интересах страхователей и страховщиков. В первые годы применения страховых омбудсменов шла тенденция преобладания решений в пользу страхователей. В последнее десятилетие результат стал меняться на противоположный, что объясняется изменением самой политики страховых организаций, которые нацелены на мирное урегулирование конфликтов и сохранение своей репутации.

Таким образом, институт страхового омбудсмена является распространенным и известным мировой практике. Механизм рассмотрения спора страховым омбудсменом дает заявителям возможность получения не только обязательного для исполнения, но и более быстрого решения (при сравнении с судебными разбирательствами). В большинстве стран страховой омбудсмен лишь помогает заявителю, консультируя его по вопросам страхования, рассматривает сложившийся конфликт, устанавливает лицо, к которому необходимо подать жалобу, помогает юридически грамотно оформить требование [17].

Россия только делает свои первые шаги в становлении и развитии института страхового омбудсмена. Как считает С. В. Худяков [18], деятельность страхового омбудсмена, позволит значительно уменьшить расходы потребителей на защиту своих нарушенных прав, существенно сократит время установления истины по делу и восстановления нарушенного положения потерпевшего, а также разгрузит судебную систему, позволив ей сосредотачиваться на более сложных спорах. При этом автор делает акцент на том, что главная функция страхового омбудсмена состоит в обеспечении наиболее высокого уровня правовой защиты потребителей в момент получения ими страховых услуг и, как следствие, предупреждению возникновения конфликтов в данной сфере отношений.

Д. В. Голик [3] утверждает, что страховой омбудсмен имеет ряд преимуществ перед судом в вопросах урегулирования страховых споров и защиты прав потребителей страховых услуг. К таким преимуществам можно отнести следующие: во-первых, услуги страхового

омбудсмена для заявителей являются абсолютно бесплатными, в то время как суд может оказаться экономически невыгодным, по причине того, что иногда сумма спора меньше, чем сами судебные издержки. Во-вторых, страховой омбудсмен рассматривает спор и выносит решение гораздо быстрее, чем судья. Кроме того, большинство страховых споров можно урегулировать еще на стадии консультации. В-третьих, страховой омбудсмен всегда, как правило, действует объективно, не зависит от каких-либо организаций или государства, не преследует собственных интересов.

Помимо достоинств, некоторые ученые-правоведы выделяют также и ряд недостатков в деятельности страховых омбудсменов в России. Так, С. В. Худякова [1] указывает на то, что страховой омбудсмен может рассматривать только исключительно споры имущественного характера. Это означает, что все вопросы, касающиеся компенсации морального вреда, находятся не в юрисдикции данного уполномоченного лица. К числу недостатков следует отнести то обстоятельство, что страховой омбудсмен не может взыскать в пользу потребителя штраф, в размере 50% от взысканной суммы, который входит в исключительную компетенцию судебных органов.

Представляется, что отдельные сложности находят свое отражение в низкой правовой грамотности населения: большинство потребителей не осведомлены о новых правилах урегулирования страховых споров и по-прежнему обращаются за защитой нарушенных прав в судебные органы напрямую, вследствие чего огромное количество исковых заявлений остается судом без рассмотрения. Думается, что страховщику следует больше уделять внимание страховому просвещению населения и при заключении страхового договора в устной или письменной форме оговаривать обязательность обращения к страховому омбудсмену при возникновении спора.

Некоторые минусы обозначила А. Ю. Кусова [4], по мнению которой до сих пор остается неясным вопрос, касающийся правового положения страхового омбудсмена: является ли он самостоятельным субъектом страховых отношений или все же подвидом финансового уполномоченного, наделенного функциями разрешения страховых споров на досудебных стадиях. Она полагает, что в российском законодательстве происходит подмена понятий «страховой омбудсмен» и «финансовый уполномоченный».

Анализируя действующее страховое законодательство, можно прийти к выводу, что законодатель отождествляет термины «финансовый уполномоченный», «страховой омбудсмен» и «финансовый омбудсмен». Представляется, что такое отождествление является ошибочным, так как все эти субъекты преследуют разные цели в своей деятельности и наделены разными полномочиями. Законодателю необходимо четко обо-

значить границы между деятельностью финансового уполномоченного и страхового омбудсмана, наделив при этом последнего большей самостоятельностью.

Законодатель, закрепляя правовое положение страхового омбудсмана (финансового уполномоченного), предъявляет к нему ряд требований:

- 1) страховым омбудсменом (финансовым уполномоченным) может быть только гражданин РФ;
- 2) данное лицо должно быть не моложе 35 лет;
- 3) у страхового омбудсмана должно быть высшее юридическое или экономическое образование (а для главного финансового уполномоченного – только высшее юридическое образование);
- 4) трудовой стаж в сфере финансового рынка, регулирования, контроля и надзора на финансовом рынке или защиты прав потребителей финансовых услуг в совокупности не менее пяти лет либо стаж работы судьей не менее 10 лет.

Кроме того, финансовый уполномоченный (страховой омбудсмен) не может быть работником или избираемым должностным лицом кредитной организации в течение трех лет до его назначения, либо же заниматься иной оплачиваемой деятельностью, за исключением преподавательской, научной или творческой деятельности. При этом финансовый уполномоченный (страховой омбудсмен) должен иметь безупречную деловую репутацию, быть независимым и незаинтересованным от сторон при рассмотрении конкретного обращения.

По мнению Д. В. Голика [3], все эти требования предъявляются законодателем к страховому омбудсмену для исключения вероятности его предвзятости при рассмотрении страховых споров.

А. Г. Гузнов [19] видит специфику правового положения страхового омбудсмана в том, что данный субъект является специальным органом по защите законных прав и интересов потребителей страховых услуг, основываясь на нормах ФЗ № 123, регламентирующих процедуры оказания помощи заявителю в составлении необходимых документов, консультирования потребителей по вопросам страхования, разъяснения им условий страхового договора и страхового законодательства.

Много споров и нареканий вызывает вопрос об источниках финансирования страхового омбудсмана. Согласно ст. 10 ФЗ № 123 финансирование страхового омбудсмана, в том числе оплата его труда, материальное обеспечение проводимых им экспертиз и иные материальные потребности выделяются из средств специализированного фонда. Основным источником формирования фонда служат имущественные взносы Банка России, обязательные платежи самих страховщиков и иных, предусмотренных законом отчислений [8]. Таким образом, получается, что работу страхового омбудсмана оплачивает

Банк России, которому институт страхового омбудсмана не подотчетен, а также страховщики, против которых страховой омбудсмен выступает в спорах. Кроме того, как неоднократно замечал К. А. Гацалов [20], основными барьерами, препятствующими полноценному развитию института страхового омбудсмана в России, являются:

- отсутствие доверия населения к данному субъекту;
- неразвитая страховая культура потребителей страховых услуг;
- отсутствие необходимых финансово-правовых регуляторов, которые могли бы принудить стороны страхового спора к исполнению решения страхового омбудсмана без привлечения органов судебной власти.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что создание института финансового уполномоченного, наделенного функциями страхового омбудсмана, является удачным, отвечает мировым стандартам и имеет положительную практику. Тем не менее для полноценного функционирования страхового омбудсмана в страховании требуется внести ряд поправок в действующее законодательство. Во-первых, следует законодательно закрепить, что под страховым омбудсменом необходимо понимать должностное лицо, уполномоченное рассматривать обращения потребителей страховых услуг об удовлетворении требований имущественного характера, предъявляемых к страховым организациям, оказавшим им страховые услуги. Во-вторых, необходимо создать единую легальную систему финансового уполномоченного, страхового омбудсмана и иных уполномоченных, чья деятельность связана с финансовыми сферами (микрофинансирование, кредитная кооперация, банковская). В-третьих, нужно законодательно урегулировать правовой статус страхового омбудсмана, закрепив требования, предъявляемые к его должности. Представляется, что страховым омбудсменом может быть гражданин РФ не моложе 30 лет с высшим юридическим или экономическим образованием, имеющий опыт работы в страховой сфере, сфере страхового контроля и надзора или сфере защиты прав потребителей страховых услуг в совокупности не менее пяти лет либо имеющий стаж работы судьей не менее 10 лет. Кроме этого у страхового омбудсмана должна быть безупречная деловая репутация, и он должен быть независим от сторон при рассмотрении конкретного страхового обращения. В-четвертых, следует наделить орган страхового надзора (Банк России) полномочиями по контролю и надзору за деятельностью страхового омбудсмана. Такой надзор позволит контролировать страхового омбудсмана, а также выявлять недостатки в его работе.

Пристайный библиографический список

1. Худякова С. В. Новый досудебный порядок урегулирования споров в сфере страхования гражданской ответственности транспортных средств с введением института финансового уполномоченного // Наука через призму времени. 2019. № 12 (33).
2. Дюжигов С. А., Нор-Аревян О. А. Страховой омбудсмен как механизм урегулирования конфликтов в сфере страховых правоотношений // Наука и образование : хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 12 (115).
3. Голик Д. В. Финансовый омбудсмен как институт повышения доверия населения к кредитной системе // Вопросы экономики и управления. 2017. № 1 (8).
4. Кусова А. Ю. Становление института страхового омбудсмена в Российской Федерации: финансово-правовой аспект // Материалы II международной (заочной) научно-практической конференции «Экономическая безопасность России : вызовы XXI века». Саратов : Саратовский социально-экономический институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова», 2017.
5. Финансовый уполномоченный в России : сайт: URL: <https://finombudsman.ru> (дата обращения: 04.09.2020).
6. Грачева Е. Ю. Финансовое право: практикум. М. : Проспект, 2015.
7. Колесников Ю. А., Бочарова Н. Н. Особенности правового положения финансового омбудсмена в России и зарубежных странах : теоретико-методологический аспект // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. № 6-2.
8. Савцова Н. А. Проблемы защиты прав потребителей услуг финансовых организаций // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3.
9. Бочкарева Е. А. Финансовый омбудсмен : развитие правового регулирования правозащитной деятельности в сфере страхования // Конституционализм : симбиоз науки и практики : материалы международного круглого стола, посвященного памяти и 80-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки РФ, заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора Н. В. Витрука / отв. ред. М. В. Мархгейм. Белгород : ГиК, 2017.
10. Привалова Е. Н. Защита прав потребителей страховых услуг в развивающихся странах // Международная молодежная научно-практическая конференция «Математическое моделирование в экономике, страховании и управлении рисками». Саратов : Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского ; International Science Association (ISCASS), 2013.
11. Белоусова Т. А. Особенности организации страхового омбудсмена во Франции // Евразийский союз ученых. 2015. № 7-1 (16).
12. Борисова Ю. Б. Страховая культура в России и пути повышения ее уровня // Ученые записки Российской Академии предпринимательства. 2014. № 40.
13. Феоктистов Д. Е. Конституционно-правовой статус уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: сравнительно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012.
14. Страховой омбудсмен в Германии : сайт: URL: <http://www.versicherungombudsmann.de> (дата обращения: 04.09.2020).
15. Французская федерация страхования : сайт: URL: <http://www.ffaassurance.fr> (дата обращения: 04.09.2020).
16. Страховой омбудсмен во Франции : сайт: URL: <http://www.mediationassurance.org> (дата обращения: 04.09.2020).
17. Ашмарина Е. М. Финансовое право. М. : Юрайт, 2015.
18. Башкин В. Н. Экологические риски. Расчет, управление, страхование М. : Высшая школа, 2015.
19. Гузнов А. Г., Рождественская Т. Э. Публично-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации. М. : Юрайт, 2017.
20. Игбаева Г. Р. Институциональные условия развития финансового омбудсмена в сфере страховой деятельности // Евразийский юридический журнал. 2014. № 5 (72).

References

1. Khudiakova S. V. A New Pre-Trial Procedure for Settling Disputes in the Field of Civil Liability Insurance of Vehicles with the Introduction of the Institution of a Financial Commissioner. *Science Through the Prism of Time*. 2019. No. 12 (33).

2. *Diuzhikov S. A., Nor-Arevian O. A.* Insurance Ombudsman as a Mechanism for Resolving Conflicts in the Field of Insurance Legal Relations. *Science and Education: Economy and Economy; Entrepreneurship; Law and Governance*. 2019. No. 12 (115).

3. *Golik D. V.* Financial Ombudsman as an Institution for Increasing Public Confidence in the Credit System. *Issues of Economics and Management*. 2017. No. 1 (8).

4. *Kusova A. Iu.* Formation of the Institute of Insurance Ombudsman in the Russian Federation: Financial and Legal Aspect. In Materials of the II International (Correspondence) Scientific and Practical Conference "Economic Security of Russia: Challenges of the 21st Century". Saratov: Saratov Socio-Economic Institute (Branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Economic University named after G. V. Plekhanov", 2017.

5. URL: <https://finombudsman.ru> (date of the application: 04.09.2020).

6. *Gracheva E. Iu.* Financial Law: Workshop. M.: Prospekt, 2015.

7. *Kolesnikov Iu. A., Bocharova N. N.* Features of the Legal Status of the Financial Ombudsman in Russia and Foreign Countries: Theoretical and Methodological Aspect. *Historical and Socio-Educational Thought*. 2015. No. 6-2.

8. *Savtsova N. A.* Problems of Consumer Rights Protection of Financial Organizations. *Problems of Economics and Legal Practice*. 2018. No. 3.

9. *Bochkareva E. A.* Financial Ombudsman: Development of Legal Regulation of Human Rights Activities in the Field of Insurance. In Constitutionalism: A Symbiosis of Science and Practice: Materials of the International Round Table Dedicated to the Memory and 80th Anniversary of the Birth of the Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of Russia, Doctor of Law, Professor N. V. Vitruk. Belgorod: GiK, 2017.

10. *Privalova E. N.* Protection of the Rights of Consumers of Insurance Services in Developing Countries. In International Youth Scientific and Practical Conference "Mathematical Modeling in Economics, Insurance and Risk Management". Saratov: Saratov State University; International Science Association (ISCASS), 2013.

11. *Belousova T. A.* Features of the Organization of the Insurance Ombudsman in France. *Eurasian Union of Scientists*. 2015. No. 7-1 (16).

12. *Borisova Iu. B.* Insurance Culture in Russia and Ways to Improve its Level. *Scientific Notes of the Russian Academy of Entrepreneurship*. 2014. No. 40.

13. *Feoktistov D. E.* Constitutional and Legal Status of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation: A Comparative Legal Study: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Saratov, 2012.

14. URL: <http://www.versicherungombudsmann.de> (date of the application: 04.09.2020).

15. URL: <http://www.ffaassurance.fr> (date of the application: 04.09.2020).

16. URL: <http://www.mediationassurance.org> (date of the application: 04.09.2020).

17. *Ashmarina E. M.* Financial Law. Moscow: Iurait, 2015.

18. *Bashkin V. N.* Environmental Risks. Calculation, Management, Insurance. Moscow: Higher School, 2015.

19. *Guznov A. G., Rozhdestvenskaia T. E.* Public Regulation of the Financial Market in the Russian Federation. Moscow: Iurait, 2017.

20. *Igbaeva G. R.* Institutional Conditions for the Development of the Financial Ombudsman in the Field of Insurance. *Eurasian Legal Journal*. 2014. No. 5 (72).

СРОКИ ДАВНОСТИ В УК РФ И КОАП РФ: СОВРЕМЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-4-82-86>

В статье на примере актуальной практики Верховного Суда РФ и нижестоящих судов освещаются вопросы применения положений уголовного и административно-деликтного законодательства о сроках давности привлечения к ответственности. Сравнивая правовое регулирование названных законов, автор отмечает в целом бессистемный подход к формированию срока давности в КоАП РФ, а также рождаемую им противоречивость правоприменения. Для преодоления возникших проблем предлагается обращение законодателя к инструментарию уголовно-правовой науки как более развитой в сравнении с молодой наукой об административном деликте. Отдельно рассмотрены особенности исчисления сроков давности привлечения за деящиеся правонарушения. Новизна заключается в том, что анализу впервые подвергнуты разные, но взаимосвязанные аспекты аналогичных институтов срока давности в обоих упомянутых законах. Целью является выявление недочетов как законотворчества, так и правоприменения в преддверии принятия нового КоАП. Среди основных использованных методов следует назвать аналитический метод и метод сравнения. Главный вывод заключается в необходимости обеспечить согласованную регламентацию соответствующих норм.

СМОЛЯКОВ

Павел Николаевич

кандидат юридических наук,
судья Забайкальского краевого
суда, доцент Байкальского
государственного университета,
докторант МГУ им. М. В. Ломоносова
(г. Иркутск)

pavelmol@rambler.ru

**Сроки давности;
доктринальный недостаток;
объект правонарушения;
деящееся правонарушение;
реабилитирующее
обстоятельство**

Pavel N. SMOLYAKOV

Candidate of Legal Sciences, Judge,
Trans-Baikal Regional Court, Associate
Professor, Baikal State University,
Doctoral Student, Lomonosov
Moscow State University (Irkutsk)
pavelmol@rambler.ru

STATUTE OF LIMITATIONS IN THE CRIMINAL CODE AND ADMINISTRATIVE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT ISSUES

Using the example of the current practice of Supreme Court of the Russian Federation and lower courts, the article highlights the application of the provisions of criminal and administrative-tort legislation on the statute of limitations for prosecution. Comparing the legal regulation of these laws, the author notes a generally unsystematic approach to the formation of the statute of limitations in the Code of Administrative Offenses, as well as the inconsistency of law enforcement that it engenders. To overcome the problems that have arisen, it is proposed that the legislator turns to the tools of criminal law science as more developed in comparison with a younger science of administrative tort. The features of calculating the statute of limitations for holding accountable for continuing offenses are considered separately. The novelty lies in the fact that for the first time different, but interrelated aspects of the analogous institutions of the statute of limitations in the both mentioned laws were subjected to analysis. The goal is to identify shortcomings in lawmaking and as well as in law enforcement ahead of an adoption of the new Code of Administrative Offenses. Among the methods used are the analytical method and the comparison method. The main conclusion is the need to ensure the more concerted regulation of relevant norms.

**Statute of limitations;
doctrinal flaw;
object of offense;
continuing offense;
exonerating circumstance**

Соотношение интересов гражданина и государства наглядно демонстрирует институт сроков давности: ст. 78 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) и ст. 4.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). В обоих законах они означают одно и то же – временной промежуток, в течение которого лицо может быть привлечено к ответственности.

В КоАП РФ с указанными сроками, как повелось давно, больше неразберихи.

Не столь давними изменениями в названный Кодекс максимальный срок давности привлечения к административной ответственности был увеличен до шести лет, к примеру за нарушение законодательства о противодействии терроризму (в части правонарушения, предусмотренного ст. 15.27.1 КоАП РФ) и законодательства о противодействии коррупции. Таким образом, он сравнялся с шестилетним сроком давности привлечения к уголовной ответственности за преступления *средней* тяжести и, соответственно, превысил двухлетний срок давности, предусмотренный для преступлений *небольшой* тяжести.

Тем самым обнажился доктринальный недостаток: законодатель находит отдельные административные правонарушения более опасными, чем целую категорию преступлений, разрушая полагающуюся линейность [1].

Аналогичным образом констатируется меньшая длительность сроков давности привлечения к уголовной ответственности за налоговые преступления по сравнению со сроками привлечения за налоговые нарушения по правилам Налогового кодекса РФ [2].

На эти обстоятельства обращалось внимание в прошлогодней Концепции нового КоАП, где была обозначена позиция (п. 2.4.4.1), что максимальный срок давности привлечения к административной ответственности не должен превышать минимальный срок давности привлечения к уголовной ответственности (исключая юридических лиц, которые уголовной ответственности не подвергаются) [3].

Подобный подход был ранее заложен Конституционным Судом РФ, утвердившим правомочие федерального законодателя устанавливать для отдельных составов административных правонарушений специальные сроки давности привлечения к административной ответственности, которые, во всяком случае, не могут быть больше минимальных сроков давности привлечения к уголовной ответственности и должны иметь не зависящее от каких-либо юридических фактов календарное исчисление [5].

Вместе с тем непосредственно в проекте КоАП РФ [4] – ч. 5 ст. 30.31, подготовленном на основе упомянутой Концепции, вновь фигурирует шестилетний максимальный срок давности привлечения к административной ответственности – за нарушения законодательства о противодействии терроризму в части административных правонарушений, преду-

смотренных ст. 39.1 «Оказание финансовой поддержки терроризму» Кодекса) и законодательства о противодействии коррупции.

Возможно, что-то изменится уже при рассмотрении законопроекта в парламенте.

Пожалуй, сложно это обосновать, но административно-деликтному закону вообще характерна огромная амплитуда сроков давности – 36 раз: от двух месяцев до шести лет, тогда как в УК РФ таковая составляет лишь 7,5: от двух до 15 лет.

Касающееся сроков давности правоприменение в КоАП РФ также сопровождается проблемами.

Стоит упомянуть хотя бы противоречивую практику разных коллегий Верховного Суда РФ: Судебной коллегии по административным делам и Судебной коллегии по экономическим спорам.

Обратимся в этой связи к административному правонарушению, ответственность за которое предусмотрена ч. 15 ст. 19.5 КоАП РФ: «Невыполнение изготовителем (исполнителем, продавцом, лицом, выполняющим функции иностранного изготовителя), органом по сертификации или испытательной лабораторией (центром) в установленный срок законного решения, предписания федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление государственного контроля (надзора), организации, уполномоченной в соответствии с федеральными законами на осуществление государственного надзора за соблюдением требований технических регламентов к продукции, в том числе к зданиям и сооружениям, либо к продукции (впервые выпускаемой в обращение продукции) и связанном с требованиями к продукции процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации или утилизации».

Арбитражные суды длительное время исходили из того, что срок давности привлечения к ответственности за это административное правонарушение равен одному году, так как имеет место нарушение законодательства о техническом регулировании (ст. 4.5 КоАП РФ) – по аналогии с разъяснениями, данными в Обзоре по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г.

Однако после вынесения Конституционным Судом РФ определения от 26 марта 2019 г. № 823-О, в котором тот высказался в пользу применения общего, двухмесячного срока давности, настаивая, что основным объектом правонарушения выступает порядок управления (гл. 19 КоАП РФ), Судебная коллегия по экономическим спорам изменила прежний подход.

Что касается Судебной коллегии по административным делам, то там всегда исходили из того, что

срок давности привлечения к административной ответственности по разным, но схожим составам, содержащимся в ст. 19.5 КоАП РФ, – общий [6].

С учетом того, что обе коллегии иногда рассматривают одни и те же категории дел, считая их подсудными судам общей юрисдикции и арбитражным судам, соответственно (в частности, по ст. 7.6 и 8.8 КоАП РФ [7]), вопрос унификации здесь вовсе не праздный.

В настоящее время сама Судебная коллегия по экономическим спорам классифицирует по основному объекту другие правонарушения, среди которых предусмотренное ст. 10.8 КоАП РФ. Судьи коллегии указали применительно к названному составу, что его объектом являются правоотношения не в сфере здоровья граждан и санитарно-эпидемиологическое благополучие населения, которые относятся к гл. 6 КоАП РФ (срок давности – один год), а в сфере ветеринарии (срок давности – общий) [8].

Рассуждая о привязке сроков к объектам административных правонарушений, исходя из смысла положений ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ, вспомним другое постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 2019 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «СПСР-ЭКСПРЕСС». Согласно нему КоАП РФ различает общие и специальные (более продолжительные) сроки давности привлечения к ответственности за правонарушение. Они обусловлены дифференцированным подходом к обеспечению неотвратимости ответственности, продиктованным существенными различиями тех или иных административных правонарушений.

Так, ответственность за совершение правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 14.1 КоАП РФ, которое анализировалось Судом, признана направленной на защиту отношений, регулируемых лицензионным законодательством. Следовательно, если лицу вменяется в вину нарушение лицензионного законодательства, то это в системе действующего правового регулирования исключает возможность распространения на него специального срока давности, предусмотренного оспариваемой нормой за нарушение прав потребителей, даже в случаях, когда оно действительно повлекло за собой ущемление прав потребителей.

Конституционный Суд РФ счел, что при применении ч. 3 ст. 14.1 КоАП РФ должен соблюдаться общий (трехмесячный) срок давности привлечения к ответственности. При наличии оснований это не препятствует наказанию виновных лиц по ст. 14.4 КоАП РФ в течение годичного срока давности, предусмотренного за нарушение законодательства о защите прав потребителей; равно как и не исключает права потребителей требовать возмещения убытков и компенсации морального вреда.

Административные правонарушения, предусмотренные ст. 14.1 и 14.4 КоАП РФ, находятся в одной гла-

ве КоАП РФ и основным объектом имеют отношения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций, что не мешает их разделению по дополнительному объекту, каковым выступает защита прав потребителей (отдельной главы, посвященной нарушениям в области защиты прав потребителей, в КоАП РФ нет).

Подобная позиция Конституционного Суда РФ закрепила в судебной практике [9].

Дополнительно стоит отметить, что удлиненными сроками давности привлечения к административной ответственности суды мотивируют и нахождение некоторых объектов правонарушений под особой защитой государства, отказывая в признании содеянного малозначительным [10].

Интересные прецеденты созданы в вопросах исчисления сроков.

По мнению Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ, указанный срок истекает в соответствующее число (когда было совершено административное правонарушение) и вынесение постановления такой датой закону не противоречит [11].

Напротив, Судебная коллегия по экономическим спорам придерживается суждения о том, что срок давности истекает за сутки до того момента [12]. В последнем случае судьи несвойственно для арбитражного судопроизводства ссылаются на уголовно-правовое постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», гласящее, что сроки давности привлечения к уголовной ответственности оканчиваются по истечении последнего дня последнего года соответствующего периода (например, если преступление небольшой тяжести было совершено 12 августа 2010 г. в 18 часов, то срок давности в данном случае начинает течь 12 августа 2010 г., последний день срока давности – 11 августа 2012 г., по истечении которого, т.е. с 00 часов 00 минут 12 августа 2012 г., привлечение к уголовной ответственности недопустимо). При этом не имеет значения, приходится ли окончание сроков давности на рабочий, выходной или праздничный день.

Так как КоАП РФ использует сокращенные сроки давности, важным может оказаться и один день.

Дискуссионным остается вопрос применения сроков к длящимся противоправным деяниям, равно как, собственно, и вопрос том, какие именно деяния считать длящимися.

Ведь в соответствии с ч. 2 ст. 4.5 КоАП РФ при длящемся административном правонарушении они начинают исчисляться со дня обнаружения административного правонарушения, что заставляет административные органы настаивать на том, что многие выявляемые ими правонарушения длящимися.

Но, как разъясняется в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некото-

рых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», при ддящемся административном правонарушении сроки давности привлечения к административной ответственности начинают исчисляться со дня его обнаружения. Судьям необходимо исходить из того, что ддящимся является такое административное правонарушение (действие или бездействие), которое выражается в длительном непрекращающемся невыполнении или ненадлежащем выполнении предусмотренных законом обязанностей. При этом следует учитывать, что такие обязанности могут быть возложены и иным нормативным правовым актом, а также правовым актом ненормативного характера, например представлением прокурора, предписанием органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор (контроль). Невыполнение предусмотренной названными правовыми актами обязанности к установленному сроку свидетельствует о том, что административное правонарушение не является ддящимся.

В уголовно-правовой сфере руководствуются еще постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1929 г. № 23 «Об условиях применения давности и амнистии к ддящимся и продолжаемым преступлениям», в котором ддящееся преступление определено как действие или бездействие, сопряженное с последующим длительным невыполнением обязанностей, возложенных на виновного законом под угрозой уголовного преследования.

Дискуссия недавно развернулась вокруг налоговых преступлений, поскольку в первоначальном варианте постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» обсуждалась идея считать их ддящимися – до фактической уплаты налога. Правда, в его окончательной редакции от подобной формулировки все же отказались.

Данная дилемма обсуждалась и в научной среде [13; 14; 15; 16].

Практика обнаружила разницу и в процессуальной природе уголовно- и административно-правовых сроков давности.

Прекращение преследования по этому основанию в первом случае возможно лишь с согласия подозреваемого или обвиняемого (подсудимого) – ч. 2 ст. 20.7 Уголовно-процессуального кодекса РФ, в связи с чем в рамках реализации гарантируемых ст. 49 и 123 Конституции РФ прав ему должно обеспечиваться продолжение производства по делу и тем самым судебная защита прав и свобод, а при наличии к тому оснований – реабилитация.

Наоборот, во втором случае истечение сроков давности является безусловным основанием для прекращения производства по делу об административном правонарушении и считается обстоятельством, реабилитирующим лицо, в отношении которого ведется производство по делу. Со ссылкой на правовую позицию Конституционного Суда РФ, выраженную в постановлении от 16 июня 2009 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М. Ю. Карелина, В. К. Рогожкина и М. В. Филандрова», судьи Верховного Суда РФ при рассмотрении дел об административных правонарушениях указывают, что лицо, в отношении которого дело об административном правонарушении прекращено ввиду истечения сроков давности, считается невиновным, т.е. государство, отказываясь от преследования лица за административное правонарушение, не ставит более под сомнение его статус в качестве невиновного и, более того, признает, что не имеет оснований для опровержения его невиновности [17].

Все вышеизложенное напоминает нам как о неэффективной регламентации сроков давности в текущем КоАП РФ, так и о хаотичном, не согласующемся с доктриной подходе к их нормативному закреплению на важном этапе смены базового административно-деликтного законодательства. В таких условиях общественное обсуждение и экспертиза нового Кодекса должны быть, безусловно, продолжены.

Пристатейный библиографический список

1. Макарейко Н. В. Административная ответственность в системе юридической ответственности // Административное право и процесс. 2019. № 12.
2. Филиппова К. И. Сроки давности для налоговых преступлений // Налоги. 2015. № 4.
3. Концепция нового КоАП РФ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июля 2010 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 188 Уголовного кодекса Российской Федерации, части 4 статьи 4.5, части 1 статьи 16.2 и части 2 статьи 27.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан В. В. Баталова, Л. Н. Валуевой, З. Я. Ганиевой, О. А. Красной и И. В. Эпова» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Федеральный портал проектов нормативных актов : сайт. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=102447> (дата обращения: 30.09.2020).

6. Постановления Верховного Суда РФ от 28 октября 2019 г. № 44-АД19-2, от 18 июля 2017 г. № 9-АД17-12, от 14 ноября 2016 г. № 11-АД16-20 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21 октября 2019 г. № 308-ЭС19-10562 по делу № А32-49415/2018; постановление Верховного Суда РФ от 3 августа 2018 г. № 18-АД18-29 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Верховного Суда РФ от 12 ноября 2019 г. № 306-ЭС19-15914 по делу № А65-12834/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12 сентября 2019 г. № 305-ЭС19-8896 по делу № А40-244548/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16 апреля 2019 г. № 307-АД18-24091 по делу № А42-10638/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление Верховного Суда РФ от 17 января 2018 года № 92-АД17-5 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 4 апреля 2017 г. № 305-АД16-16921 по делу № А40-93186/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Яни П. С. Длится ли преступление с материальным составом? // Журнал российской юстиции. 1999. № 1.
14. Пастухов И., Яни П. Умышленное невыполнение конституционной обязанности // Бизнес-адвокат. 2002. № 13.
15. Ходыкин Д. Ответственность директора по неуплате налогов: что решат в судах сегодня // Трудовое право. 2018. № 9; Административное право. 2018. № 4.
16. Решняк М. Г., Моисеев С. С. К вопросу о правовой неопределенности в регламентации уголовной ответственности за налоговые преступления // Безопасность бизнеса. 2019. № 4.
17. Постановления Верховного Суда РФ от 19 августа 2019 г. № 74-АД19-8, от 27 мая 2019 г. № 4-АД19-2 от 25 февраля 2019 г. № 56-АД19-2 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Makareiko N. V. Administrative Responsibility in the System of Legal Responsibility. *Administrative Law and Process*. 2019. No. 12.
2. Filippova K. I. Statute of Limitations for Tax Crimes. *Taxes*. 2015. No. 4.
3. Concept of the New Administrative Code of the Russian Federation (SPS "ConsultantPlus").
4. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13 July 2010 No. 15-P "In the Case of Checking the Constitutionality of the Provisions of Part One of Article 188 of the Criminal Code of the Russian Federation, Part 4 of Article 4.5, Part 1 of Article 16.2 and Part 2 of Article 27.11 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in Connection with Complaints of Citizens V. V. Batalov, L. N. Valueva, Z. Ia. Ganieva, O. A. Krasnaia and I. V. Epova" (SPS "ConsultantPlus").
5. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=102447> (date of the application: 30.09.2020).
6. Decisions of the Supreme Court of the Russian Federation of 28 October 2019 No. 44-AD19-2, of 18 July 2017 No. 9-AD17-12, and of 14 November 2016 No. 11-AD16-20 (SPS "ConsultantPlus").
7. Determination of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 21 October 2019 No. 308-ES19-10562 in case No. A32-49415/2018; resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of 3 August 2018 No. 18-AD18-29 (SPS "ConsultantPlus").
8. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of 12 November 2019 No. 306-ES19-15914 in case No. A65-12834/2018 (SPS "ConsultantPlus").
9. Determination of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 12 September 2019 No. 305-ES19-8896 in case No. A40-244548/2018 (SPS "ConsultantPlus").
10. Determination of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 16 April 2019 No. 307-AD18-24091 in case No. A42-10638/2017 (SPS "ConsultantPlus").
11. Resolution of the Supreme Court of the Russian Federation of 17 January 2018 No. 92-AD17-5 (SPS "ConsultantPlus").
12. Determination of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of 4 April 2017 No. 305-AD16-16921 in case No. A40-93186/2016 (SPS "ConsultantPlus").
13. Iani P. S. Continuing Offence with the Material Composition? *Journal of Russian Justice*. 1999. No. 1.
14. Pastukhov I., Iani P. Deliberate Failure to Comply with Constitutional Obligations. *Business Lawyer*. 2002. No. 13.
15. Khodykin D. Director's Liability for Tax Evasion: What the Courts Will Decide Today. *Labour Law*. 2018. No. 9; *Administrative Law*. 2018. No. 4.
16. Reshniak M. G., Moiseev S. S. On Legal Uncertainty in the Regulation of Criminal Liability for Tax Crimes. *Business Security*. 2019. No. 4.
17. Decisions of the Supreme Court of the Russian Federation of 19 August 2019 No. 74-AD19-8, of 27 May 2019 No. 4-AD19-2, of 25 February 2019 No. 56-AD19-2 (SPS "ConsultantPlus").

ТЕХНИКА ПРАВОТВОРЧЕСТВА КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-4-87-94>

Современная модель и практика нормотворческой деятельности в РФ на всех уровнях, федеральном, региональном и местном (муниципальном), дает множество поводов оценки выверенности правовых положений, работоспособности вводимых правовых понятий и целых институтов. При потенциальной возможности использования различных способов и механизмов, направленных на повышение качества разрабатываемых проектов нормативных правовых актов, от социологических до экспертных и экспериментальных, т.е. прошедших апробацию, практика демонстрирует порой обратные результаты. В качестве одной из мер повышения качества нормотворческой деятельности предлагается обсуждение вопроса необходимости и обоснованности внедрения в российское правовое пространство отдельных понятий и институтов, их продуманности и потенциальной пользе. Все это требует внедрения новых юридических технологий в нормотворческий процесс, чтобы повысить качество принимаемых нормативных правовых актов, тем самым в большей степени обеспечив права граждан. Методологической основой исследования явился диалектический метод познания объективной действительности, а также основанные на нем общенаучные методы: идеализации, формализации, логический, сравнения и др.; в качестве специально-юридических методов использовались формально-юридический, сравнительно-правовой, методы правового моделирования, толкования правовых норм и др.

АРТАМОНОВ

Алексей Николаевич

кандидат юридических наук,
заместитель начальника
Главного управления Минюста
России по Ростовской области
(г. Ростов-на-Дону)

artamonov_mj@mail.ru

**Юридическая техника;
правотворчество;
правовая экспертиза;
антикоррупционное
законодательство;
правовая терминология**

Alexey N. ARTAMONOV

Candidate of Legal Sciences, Deputy
Head of the Main Directorate of the
Ministry of Justice of Russia for the
Rostov Region (Rostov-on-Don)
artamonov_mj@mail.ru

**Legal techniques;
law-making;
legal expertise;
anti-corruption legislation;
legal terminology**

LAW-MAKING TECHNIQUES AS A WAY TO IMPROVE PUBLIC RELATIONS

The modern model and practice of normative activity in the Russian Federation at all levels, Federal, regional and local (municipal), provides many reasons for evaluating the accuracy of legal provisions, the efficiency of legal concepts introduced and entire institutions. If it is possible to use various methods and mechanisms aimed at improving the quality of draft normative legal acts, from sociological to expert and experimental ones, i.e. those that have been tested, the practice sometimes shows the opposite results. As one of the measures to improve the quality of law-making activities, we propose to discuss the need and validity of introducing certain concepts and institutions into the Russian legal space, their reasonableness and potential benefits. All this requires the introduction of new legal technologies in the rule-making process in order to improve the quality of adopted normative legal acts, thereby ensuring the rights of citizens to a greater extent. The methodological basis of the research was the dialectical method of cognition of objective reality, as well as General scientific methods based on it: idealization, formalization, logical, comparison, etc.; as special legal methods, formal legal, comparative legal, method of legal modeling, interpretation of legal norms, etc. were used.

Выдумывать новые слова там, где в языке нет недостатка в терминах для данных понятий, – это ребяческое стремление выделяться из толпы если не новыми и верными мыслями, то новыми заплатками на старом платье.

И. Кант

Слово – это инструмент, при помощи которого мы открываем мир вокруг нас, наполняем его смыслами, значениями, преобразуем его в какой-то иной мир, не тот, что предстает перед нашим взором в настоящее время, который мы можем прямо сейчас ощутить, пощупать, убедиться в его существовании.

Управление обществом, государством, отдельными его элементами заключается в принятии конкретных решений, внедрении их в общественные отношения, их создании, изменении, прекращении. Все это может быть реализовано через формулирование мыслей, целей, задач, механизмов воплощения в объективную действительность. Иными словами, результат этой деятельности зависит от обдуманности принимаемых решений.

Внедрение в управленческую сферу терминологии, лексически не несущей того обязывающего содержания, которое налагается на государство в силу его социального назначения – «государственная услуга», наводит на мысль о том, что, когда нет необходимой результативности в деятельности, начинается поиск разнообразных определений и статусов [1, с. 130].

Мы предлагаем, посредством анализа некоторых примеров современной нормотворческой деятельности разных уровней нашего государства, обсуждение вопросов необходимости выработки путей ее совершенствования, повышения прозрачности, понятности принимаемых решений, а значит, эффективности и пользы.

На фоне ежегодно возрастающей нормотворческой активности, реализуемой в количестве принимаемых законов, подзаконных, ведомственных актов как на федеральном, так на региональном и местном (муниципальном) уровнях, поднятые в статье вопросы являются актуальными и требующими внимания со стороны теоретического осмысления и практического их воплощения.

В последние годы совершаются правотворческие попытки как на федеральном, так и на региональном уровне внедрения в отечественную правовую систему новых понятий или юридических конструкций, с претензией на создание целых институтов, способных если не глобально изменить, то точно улучшить некоторые виды общественных отношений. Можно вспомнить и новые правила табакокурения в общественных местах (практика показывает существенные различия применения законодательной нормы в субъектах РФ, вплоть до полного игнорирования

установленных ограничений), выгула домашних животных, обеспечения тишины (активно принимаются субъектами Федерации, в том числе по инициативе региональных прокуратур, при этом вызывает сомнение, и, к сожалению, практика это подтверждает, обеспеченность соблюдения устанавливаемых правил). Здесь же можно вспомнить внедрение антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, оценки регулирующего воздействия, независимых экспертов, аккредитуемых Минюстом России на проведение антикоррупционной экспертизы, мониторинг правоприменения и другие нововведения.

Пока позволю себе оставаться на критических позициях, утверждая бесполезность (безрезультатность или мизерность результатов) урегулирования большинства приведенных правоотношений, внедрения институтов или понятий (бесполезность, значит вредность). Данные выводы базируются на следующих практических результатах реализации некоторых из приведенных институтов.

С 2009 г. проведением антикоррупционной экспертизы занимаются как органы прокуратуры, Минюста России (в том числе их территориальные органы), так и независимые (общественные) эксперты.

Минюст России в соответствии со своим приказом «Об аккредитации юридических и физических лиц в качестве независимых экспертов, уполномоченных на проведение экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов на коррупциогенность» проводит аккредитацию экспертов, которым выдаются свидетельства. В таком качестве могут выступать граждане (физические лица) и организации (юридические лица).

В упомянутом уже 2009 г., например, только на территории Ростовской области имелось 24 обладателя таких свидетельств, в Южном федеральном округе их было более 100 (многие из них в дальнейшем проходили перерегистрацию и существуют сегодня в качестве независимых экспертов в соответствующем реестре Минюста России), в число которых входил и входит и ряд общественных организаций, при этом антикоррупционную экспертизу не проводит практически никто. Некоторые эксперты провели по одной-две экспертизы, при том что получили аккредитацию уже более 10 лет назад.

В механизме общественной экспертизы заложен, на наш взгляд, элемент социологического подхода к нормотворческой деятельности, когда посредст-

вом экспертизы нормативных предписаний выясняется позиция представителей общественности, что при грамотной организации нормотворческой деятельности способно обеспечить положительный ее результат.

При этом, возможно, именно результата, т.е. воплощенных в принимаемые правовые нормы (а зачастую просто ответной реакции: объяснений, возражений) на поступающие описанным и другими способами информации (предложений, жалоб и т.д.) не хватает, что не позволяет развивать новые способы коммуникации и использовать их на благо прогресса общества в полном объеме.

Неэффективность данного института, на наш взгляд, свидетельствует о непродуманности механизма его внедрения в общественную жизнь, что является негативным фактором правотворческой деятельности.

Нормотворчество зачастую нацелено само на себя, само себя оценивает, с самим собой соревнуется за улучшение показателей, а они (эти показатели), к сожалению, остаются количественными – сравниваются результаты нормотворческой деятельности нынешнего и предыдущего созывов различных представительных органов власти, настоящий календарный период с прошлыми, при этом основная «ценность» таких сравнений заключается в необходимости постоянного роста цифр (нам не приходилось встречать следующую оценку деятельности законодательского органа: «удалось улучшить качество подготовки нормативных правовых актов, что позволило в отчетном периоде снизить их количество»).

Подобные недостатки отмечаются регулярно, например, характеризуя векторы развития современной системы законодательства РФ, некоторые авторы отмечают тенденцию, а скорее постоянно усиливающуюся негативную закономерность, которая заключается в недостаточно высоком качестве законов и чрезмерности правового регулирования, что выражается в количестве вносимых в них изменений. В результате в растущем, как снежный ком, нормативном массиве многие акты меняют свое содержание или исчезают из сферы действующего позитивного права, даже не успев получить рациональной, продуманной и всесторонней научно-практической оценки и апробации [3, с. 9].

Образ снежного кома для современного российского законодательства неслучаен и абсолютно обоснован, поскольку структура нормативного массива имеет форму треугольника: от вершины – федерального уровня через середину – региональный пласт (85 субъектов РФ) к основанию – вся огромная масса муниципального правового пространства (порядка 25 тыс. муниципальных образований) во главе с уставами городских округов, муниципальных районов и т.д. до нормативных правовых актов многочислен-

ных органов местного самоуправления. Практически любые изменения федеральных норм требуют внесения изменений в акты меньшей юридической силы, что и представляет собой в масштабах всей страны лавину или другое природное явление, если не использовать термин «бедствие».

Осуществляются попытки систематизации нормотворчества, например, путем внедрения института мониторинга правоприменения, когда ежегодно информация о недостатках действующего законодательства, предложениях по его совершенствованию собирается Минюстом России, им анализируется, преобразуется в соответствующие предложения, которые направляются в адрес Председателя Правительства и Президента России [4]. Далее, по логике подобного вида деятельности, какие-то предложения могут воплощаться в принятые нормативные документы, а остальные обоснованно отклоняются, но инициаторы изменений должны получать ответную реакцию; если же этого не происходит, неизбежно наступает недоверие, точнее, неверие в институт и нежелание в подобной деятельности участвовать, а те, кто продолжает свое участие, делают это формально, а значит, с соответствующим результатом проработки своих предложений.

Вопросам упорядочения как нормотворческой деятельности, так и массивов действующих нормативных правовых актов посвящалось и продолжает посвящаться достаточное количество исследований и практических предложений, так, по мнению уже приведенного выше автора, представляется, что на данном этапе развития системы российского законодательства крайне важна систематизация уже имеющегося нормативного правового материала и блокирование новых дублирующих и (или) детализирующих норм права и нормативных правовых актов [3].

Поддерживая последнее предложение, считаем возможным дополнить его задачей по признанию всех нормативных правовых актов, сохраняющих до сих пор юридическую силу, хотя фактически никем не применяемых, утратившими силу. При этом не проводить их сортировку, а определить временной барьер, например, 1993 г. – дату принятия и вступления в силу российской Конституции. Сохранение подобными актами потенциальной юридической силы носит, на наш взгляд, коррупциогенный фактор.

Другой проблемный вопрос нормотворчества проиллюстрируем на примере уставов муниципальных образований как элементе регулирования вопросов местного уровня общественных отношений. Напомним, что уставы или акты, вносящие в них изменения, принимаются представительными органами местного самоуправления, а чтобы эти документы получили юридическую силу, они должны пройти регистрацию в территориальных органах Минюста

России. При этом не может быть зарегистрирован устав, содержащий на момент принятия решения о регистрации, т.е. по окончании проведения проверки процедуры принятия данного документа, правовой и антикоррупционной его экспертизы, противоречия действующему в стране законодательству.

Наиболее распространенной причиной отказов в государственной регистрации уставов муниципальных образований является противоречие федеральным законам и принимаемым в соответствии с ними законам субъектов РФ. Анализ отказов в государственной регистрации позволяет сделать вывод о том, что основной причиной выявления противоречий федеральным законам, принимаемым в соответствии с ними конституциям (уставам) и законам субъектов РФ является динамично развивающееся (точнее, часто изменяющееся) законодательство. Например, Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» начиная только с 2015 г. претерпел 45 изменений (из них в 2015 г. – 11, в 2016 г. – 8, в 2017 г. – 13, в 2018 г. – 13, в 2019 г. – 8), до этого периода некоторые годы были не менее, а еще более «плодовитыми». Периодичность внесения данных изменений, к сожалению, не носит системного подхода: так, например, в Федеральный закон № 131-ФЗ в 2017 г. изменения вносились 13 раз, с периодичностью от трех дней до трех месяцев.

В таких условиях, а также учитывая длительную процедуру принятия устава или муниципального правового акта о внесении изменений и дополнений в устав, работа по приведению устава становится непрерывной. Органы местного самоуправления физически не успевают своевременно вносить изменения, поскольку иногда возникают ситуации, что пока направленные в территориальные органы Минюста России документы для регистрации идут почтой, уже внесены либо вступили в силу очередные изменения федерального или регионального законодательства. Нередки случаи, когда органы муниципального образования в течение года направляют по 3-4 раза документы для регистрации.

Все это значительным образом увеличивает нагрузку как на специалистов органов местного самоуправления, так и на специалистов территориальных органов Минюста России.

Единовременное приведение уставов в соответствие с законодательством с определенной периодичностью (один раз в год или один раз в полгода) в настоящее время, на наш взгляд, представляется нецелесообразным.

Во-первых, установление подобной периодичности негативным образом скажется на работе территориальных органов Минюста России, поскольку одновременное поступление всех уставов муници-

пальных образования один или два раза в год, при условии, что решение о регистрации должно быть принято в 30-дневный срок, создаст авральный режим работы, который значительным образом повлияет на ее качество.

Во-вторых, какая бы периодичность ни была установлена, на момент регистрации устав должен соответствовать действующему законодательству, а в связи с тем, что изменения в федеральное законодательство вносятся регулярно, с периодичностью, как уже отмечалось выше, от трех дней до трех месяцев, отказы в государственной регистрации неизбежны, следовательно, работа органов местного самоуправления и территориальных органов Минюста России по приведению устава в соответствие с действующим законодательством начинается сначала.

На наш взгляд, установление периодичности возможно только при условии систематизации внесения изменений в действующее законодательство, например:

IV квартал текущего года – внесение необходимых изменений в федеральное законодательство;

I квартал следующего года – внесение необходимых изменений в законодательство субъекта РФ;

II–III кварталы следующего года – внесение изменений в уставы муниципальных образований.

Данная систематизация позволит значительным образом упорядочить и облегчить работу не только органов местного самоуправления, но и территориальных органов Минюста России.

К обсуждаемым проблемным решениям можно приобщить различные переименования: от глобальных до таких, как переименование администрации субъекта РФ в правительство, регионального ведомственного нормативного правового акта в форме приказа в постановление, переименование видов деятельности; например, Минюст России и его территориальные органы многие годы занимались проведением юридической экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, с какого-то времени экспертиза превратилась в правовую, при этом суть ее осталась и остается до настоящего времени той же [5]. При всей кажущейся безобидности подобных переименований каждое из них влечет за собой необходимость внесения изменений в нормативные правовые акты, где эти наименования употребляются, а их насчитывается десятки и даже сотни, изменения должностных регламентов, записей в трудовых книжках и т.д. Масштаб трудозатрат по некоторым аналогичным практикам весьма впечатляет, и если бы они производились на регулярной основе, в пору было бы вести речь не о сокращении рабочей недели, а об ее увеличении.

Вообще современная методология законодательства нацеливает как на учет исторических законо-

мерностей национальной практики издания законов, так и на применение сравнительного правоведения. В настоящих отечественных правотворческих условиях сравнительный метод в большей степени характерен и даже необходим для создания регионального «продукта», когда, прежде чем разработать проект нормативного правового акта, изучаются предпосылки или возможности и объем регулирования тех или иных общественных отношений субъектом Федерации, изучается практика и, если есть, ее результаты в других территориях (речь идет о правильном подходе к такого рода деятельности, на практике далеко не всегда реализуемой).

Однако такой учет в современном российском законодательстве, по мнению коллектива авторов труда под редакцией В. И. Лафитского, приносит не только позитивные результаты. Так, в системе российских законодательных актов авторы выделяют довольно значительный нормативный правовой блок дефинитивного характера, который служит примером иностранного заимствования, совершенно лишённого исторического, научного, утилитарного или прикладного правового обоснования в российском юридическом опыте [1].

В последнее время обратило на себя внимание несколько ненавязчивое, но предлагаемое к практическому воплощению, судя по всему, претендующее на целый институт понятие «комплаенс». В органах власти, по крайней мере некоторых, предлагается создать постоянно действующие комиссии или рабочие группы по его реализации или проведению, применительно к требованиям соблюдения антимонопольного законодательства. Мы попытались разобраться в вопросе: что это за «зверь» и насколько обоснованно введение его в российское правовое пространство.

Ниже приведем нормативные правовые акты федерального уровня, где употребляется этот термин и в каких значениях.

Распоряжение РАН от 6 декабря 2017 г. № 10105-972 «Об утверждении Антикоррупционной политики федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия наук»: комплаенс – обеспечение соответствия деятельности организации требованиям, налагаемым на нее российским и зарубежным законодательством, иными обязательными для исполнения регулирующими документами, а также создание в организации механизмов анализа, выявления и оценки рисков коррупционно опасных сфер деятельности и обеспечение комплексной защиты организации.

А как же антикоррупционный мониторинг? Это одно и то же или нет?

Также этот термин достаточно активно используется в медицине и нормотворчестве Минздрава Рос-

сии, однако совсем в других смыслах, не связанных с антикоррупционной или антимонопольной деятельностью (приведенные далее примеры представлены по информации, размещенной в справочной правовой системе «КонсультантПлюс»): «...при ЭхоКГ могут выявляться снижение сократительной способности миокарда, зоны гипо- и акинезии, расширение полостей сердца, утолщение стенки и снижение комплаенса левого желудочка...» [6]; «...при наличии тяжелых реакций в анамнезе и высоких уровней специфических IgE от диагностического введения продукта рекомендуется воздержаться, следует оценить комплаенс (строгость соблюдения диеты), сенсбилизацию к более широкому кругу пищевых аллергенов...» [6]; «анализ комплаенса и эффективности профилактики острых респираторных инфекций у пациентов хронической обструктивной болезнью легких с применением тилорона» [6].

Сравнительно-правовой анализ термина применительно к тематике противодействия коррупции приводится в работе «Антикоррупционный комплаенс-контроль в странах БРИКС» [7]. По утверждению автора, термин «комплаенс» или «комплаенс-контроль» возник в англосаксонской правовой системе. Буквальный перевод на русский язык слова «комплаенс» как «соответствие чему-либо» не приводит к полному пониманию сути данного термина, получившего широкое распространение в сфере борьбы с коррупцией, а также в ряде других сфер. Аналогичная ситуация существует и во многих других странах. Так, немецкие авторы отмечают, что перевод термина «комплаенс» как «действия в соответствии с определенными существующими правилами» не дает ничего нового. Возникает впечатление, что в немецкий язык вводится новый термин для описания давно известных само собой разумеющихся вещей. В различных определениях можно выделить несколько основных характеристик, отражающих сложность и комплексность понятия «комплаенс». Комплаенс означает соблюдение положений законодательства, стандартов и выполнение других важных предписаний. Кроме того, комплаенс позволяет компаниям избежать возможной ответственности путем следования всем существенным для их деятельности правовым нормам. В определенной степени под комплаенсом понимается организационная модель, включающая процессы и системы, обеспечивающие соблюдение законодательства, внутренних стандартов и основных требований владельцев и акционеров компаний. В китайском Справочнике по деловой этике указано, что в самом общем виде комплаенс понимается как состояние или действия в соответствии с установленными правилами, включая стандарты, спецификации, постановления или законы. На уровне корпораций или организаций комплаенс

представляет собой процесс управления, который позволяет определять применимые правила, оценивать состояние операций и потенциальные риски, а затем обеспечивать приложении усилий для обеспечения соответствия требованиям и при необходимости принимать корректирующие меры.

В компаниях наиболее широкое распространение получил комплаенс, направленный на исполнение требований законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, антикоррупционного законодательства, антимонопольного и налогового законодательства [7].

Краткий обзор публикаций и примеров нормотворческой деятельности, в том числе направленных или посвященных внедрению института комплаенса в российскую правовую систему, показывает следующее.

Некоторые авторы характеризуют антимонопольный комплаенс (внутренний контроль антимонопольного законодательства) как один из наиболее ожидаемых инструментов предупреждения антимонопольных правонарушений, успешно используемых в зарубежной практике [8].

При этом складывается впечатление, что внедрение института комплаенса в некоторых государствах (например, Великобритания, Франция) – это установление легального способа ухода или смягчения ответственности административной или уголовной за соответствующие правонарушения. Но поскольку данное обсуждение посвящено не анализу и характеристике института комплаенса как такового, его преимуществам, особенностям, полезности или вреду (точнее, потенциальной бесполезности), попытке внедрения в российское правовое пространство нового термина, то оставим подобную дискуссию без особых подробностей.

В других источниках указывается, что этимология понятий «комплаенс» и «комплаенс-контроль» восходит к международному банковскому праву, что в российской правовой действительности термин «комплаенс-контроль» возник сравнительно недавно. Впервые данный термин был употреблен в указании Банка России от 7 июля 1999 г. № 603-У «О порядке осуществления внутреннего контроля за соответствием деятельности на финансовых рынках законодательству о финансовых рынках в кредитных организациях» и определен как внутренний контроль за соответствием деятельности кредитной организации на финансовых рынках законодательству о финансовых рынках.

При этом «комплаенс-контроль» определялся как часть системы внутреннего контроля кредитной организации [9]. В указанной работе автор приходит к выводу о неполном соответствии данного терми-

на в российском и международно-правовом значении (последнее намного шире), что подобные расхождения создают правовую коллизию.

Обращает на себя внимание опасность появления правовых коллизий даже в такой узкой, в сравнении со всем нормативным массивом, сфере – чего же ожидать от его применения и в других значениях и наполнениях его содержания (таких примеров, увы, достаточно много)?

Вопрос определения и нормативного утверждения тех или иных терминов и понятий не является второстепенным, поскольку от точного и одинакового применения всеми участниками общественных отношений этих понятий зависит прогнозируемость результатов регулирования общественных отношений, предсказуемость и правильность разрешения спорных вопросов, а зачастую исключение спорных ситуаций.

Примером несоблюдения указанного выше требования может служить различие в применении понятия «молодая семья» как в нормативных правовых актах федерального уровня, так и в нормотворчестве субъектов РФ. Анализ применения указанного понятия показал различие в подходе к определению одного и того же термина в разных нормативных правовых актах, что, на наш взгляд, не способствует улучшению урегулирования общественных отношений применительно к данной категории лиц. Суть различий в подходах регламентации данного термина заключается в том, что в одном акте молодой семьей признается семья, в которой один из супругов моложе 30 лет, брак зарегистрирован не более пяти лет назад, в другом – оба супруга моложе 30 лет, а требований к сроку заключения брака не установлено, существуют третий и четвертый варианты, где, например, фигурирует 35-летний возраст супругов.

Объяснение возможно найти в различности идей, закладываемых при разработке каждого из нормативных актов, направленных на регулирование отношений, связанных с данной категорией граждан.

По нашему мнению, такие широко востребованные понятия необходимо определять в актах, регулирующих сходные общественные отношения, в данном случае в Семейном кодексе РФ, действующая редакция которого обходит молчанием рассмотренный выше термин.

Должна быть установлена необходимость использования во всех нормативных правовых актах на территории РФ термина в значении, установленном федеральным законодательством, т.е. во всех актах, объединенных одной общей идеей. Для целей отдельных актов, направленных на регулирование общественных отношений категории лиц, несколько отличающихся от установленных в федеральном акте, необходимо использовать другие термин или понятие.

Высказываются и иные точки зрения, например, некоторые авторы считают излишним включение определений понятий в тексты российских нормативных правовых актов, что для этого нет ни законодательных, ни правовых оснований [10, с. 28]. На нашем примере с использованием понятия «молодая семья» с данной позицией вполне можно согласиться: достаточно было в соответствующем нормативном правовом акте определить категорию граждан и их правомочия, без введения их названия (если мне и моей супруге, например, до 35 лет, наш брак не превышает пятилетний срок, мы знаем, что имеем право на то-то и то-то, неважно при этом, как нас называют в данном нормативном акте).

Сравнительное правоведение, его методы дают богатые поводы для размышлений, могут предостеречь от необдуманных, поспешных управленческих, нормотворческих решений. Например, юридическая терминология, принятая в США и Англии, в одних случаях свидетельствует о различии правовых систем, а в других, наоборот, маскирует это различие. Одна и та же концепция может быть выражена разными терминами, в то же время одни и те же термины могут иметь различные значения. Иностранному юристу должно быть это известно и не пользоваться английским правовым словарем при изучении тех или иных вопросов американского права [11, с. 263].

В приведенных выше примерах внедрения терминологии и целых правовых институтов мы имеем дело с маскировкой чего-то или поспешностью решений?

Предложения о необходимости систематизации нормотворческой деятельности, законодательном закреплении понятия «нормативный правовой акт»,

об установлении четких требований к юридической технике неоднократно высказывались в научной, научно-практической литературе как автором данной статьи, в том числе в диссертационном исследовании, посвященном законодательному процессу в субъектах РФ, так и более авторитетными специалистами, например представителями Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ – профессорами Л. В. Андриченко, Ю. А. Тихомировым, Т. Я. Хабриевой.

В качестве механизма преодоления правотворческих проблем, несогласованностей и иных дефектов неоднократно предлагалось принятие федерального закона «О нормативном правовом акте в Российской Федерации», в разработке и обсуждении проектов которого приведенные выше авторы принимали активное участие. Однако до настоящего времени этот вопрос в нашей стране не решен.

Надеемся, что поднятые в настоящей статье вопросы и приведенные примеры как неэффективных, так и недостаточно продуманных нормотворческих решений помогут в будущем нам всем вместе постепенно менять наше к ним отношение, как и результаты, воплощенные в нормативные правовые акты, т.е. в общеобязательные правила поведения. Для этого мы попытались на анализе приведенных примеров обосновать требование установления четких и ясных правовых основ нормотворчества на всех уровнях единой правовой системы федеративного государства от законодательного определения понятия «нормативный правовой акт», правового закрепления общеобязательных правил юридической техники до урегулирования более сложных вопросов.

Пристатейный библиографический список

1. Сравнительное правоведение : национальные правовые системы. Т. 1 : Правовые системы Восточной Европы / под ред. В. И. Лафитского. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ ; Юридическая фирма «Контракт», 2012.
2. *Субочев В. В.* Законные интересы / под ред. А. В. Малько. М. : НОРМА, 2008.
3. *Азми Д. А.* Тенденции развития системы права и системы законодательства в Российской Федерации // Адвокат. 2016. № 10.
4. Указ Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 21. Ст. 2930.
5. Приказы Минюста России от 20 августа 2013 г. № 144 «Об утверждении Разъяснений по применению Положения о порядке ведения федерального регистра нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации» (зарегистрировано в Минюсте России 30 августа 2013 г. № 29854), от 19 декабря 2008 г. № 298 «Об организации работы по ведению федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов» (вместе с «Методикой ведения федерального регистра муниципальных нормативных правовых актов») (зарегистрировано в Минюсте России 29 декабря 2008 г. № 13032).
6. «Клинические рекомендации «Системный склероз»» (утв. Минздравом России) // СПС «КонсультантПлюс».
7. *Иванов Э. А.* Антикоррупционный комплаенс-контроль в странах БРИКС : монография. М. : Юриспруденция, 2015.

8. Актуальные вопросы современного конкурентного права : сборник научных трудов. Вып. 2 / отв. ред. М. А. Егорова. М. : Юстицинформ, 2018.

9. *Osipov A. V.* Некоторые аспекты этимологии термина «комплаенс-контроль» в банковском праве // Банковское право. 2006. № 6.

10. *Iurtaeva E. A.* Нормативность законодательства : современные модуляции в российском правотворчестве // Журнал российского права. 2012. № 11.

11. *Saidov A. X.* Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) : учебник / под ред. В. А. Туманова. М. : Юристъ, 2003.

References

1. *Lafitskii V. I. (ed.)*. Comparative Jurisprudence: National Legal Systems. Vol. 1: Legal Systems of Eastern Europe. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; Law Firm "Contract", 2012.

2. *Subochev V. V.; Malko A. V. (ed.)*. Legitimate Interests. Moscow: NORMA, 2008.

3. *Azmi D. A.* Trends in the Development of the System of Law and the System of Legislation in the Russian Federation. *Advocate*. 2016. No. 10.

4. Decree of the President of the Russian Federation of 20 May 2011 No. 657 "On Monitoring Law Enforcement in the Russian Federation". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2011. No. 21. Art. 2930.

5. Orders of the Ministry of Justice of Russia of 20 August 2013 No. 144 "On Approval of the Clarifications on the Application of the Regulations on the Procedure for Maintaining the Federal Register of Regulatory Legal Acts of the Constituent Entities of the Russian Federation" (registered with the Ministry of Justice of Russia on 30 August 2013 No. 29854), of 19 December 2008 No. 298 "On the Organization of Work on Maintaining the Federal Register of Municipal Regulatory Legal Acts" (together with the "Methodology for Maintaining the Federal Register of Municipal Regulatory Legal Acts") (registered with the Ministry of Justice of Russia on 29 December 2008 No. 13032).

6. "Clinical Guidelines 'Systemic Sclerosis'" (approved by the Ministry of Health of Russia) (SPS "ConsultantPlus").

7. *Ivanov E. A.* Anti-Corruption Compliance Control in the BRICS Countries: Monograph. Moscow: Jurisprudence, 2015.

8. *Egorova M. A. (ed.)*. Topical Issues of Modern Competition Law: Collection of Scientific Papers. Issue 2. Moscow: Iustitsinform, 2018.

9. *Osipov A. V.* Some Aspects of the Etymology of the Term "Compliance Control" in Banking Law. *Banking Law*. 2006. No. 6.

10. *Iurtaeva E. A.* Normativeness of Legislation: Modern Modulations in Russian Lawmaking. *Journal of Russian Law*. 2012. No. 11.

11. *Saidov A. Kh.; Tumanov V. A. (ed.)*. Comparative Jurisprudence (Basic Legal Systems of Our Time): Textbook. Moscow: Iurist, 2003.

ПОЖИЛОЙ ВОЗРАСТ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК СМЯГЧАЮЩЕЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВО*

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-4-95-101>

В настоящей статье рассматривается пожилой возраст субъекта преступления и возможность его учета как обстоятельства, смягчающего наказание. Тема является достаточно актуальной, так как в настоящее время в современном обществе на фоне изменения пенсионного законодательства происходит постепенная социальная деформация лиц пожилого возраста, что не может ни отразиться на их психофизиологическом состоянии интеллекта и воли. Данный вопрос привлекает к себе пристальное внимание ученых и общественности в силу того, что изменения касаются практических всех сфер общественной жизни, таких как экономическая, политическая, социальная и т.д. В связи с этим считаем необходимым обратить внимание на рассматриваемую возрастную категорию лиц и в рамках уголовного законодательства. Предметом настоящего исследования является влияние пожилого возраста субъекта преступления на совершение общественно опасного деяния и его значение при назначении наказания. Целью настоящей статьи является исследование материалов судебной практики и мнений юристов, психологов, социологов, а также законодательства в уголовной правовой сфере для установления пожилого возраста как обстоятельства, смягчающего наказание. В исследовании применялся формально-юридический метод, позволяющий выявить соответствующие правовые понятия и выработать авторское видение на заданную проблему. Помимо этого применялись методики и техники исследований, позволившие получить достоверный и единообразный эмпирический материал и его первичную обработку, примерами таких можем назвать методики обобщения правоприменительной практики, процесс юридического описания действующего законодательства и т.д. В данной работе автор приводит точки зрения различных ученых по вопросу законодательного закрепления верхних возрастных границ привлечения к уголовной ответственности, целесообразности разработки специального уголовно-правового механизма по их реализации. Проведенное автором исследование позволяет сделать вывод о том, что для соблюдения принципов уголовного законодательства нет необходимости закрепления в уголовном законодательстве максимальных границ возраста, по достижению которых лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности. Однако следует учитывать, что достижение лицом пожилого возраста нередко сопровождается оскудением интеллекта и снижением психической выносливости, что должно выступать в качестве обстоятельства, смягчающего наказание. В связи с этим предлагается дополнить ст. 61 УК РФ пунктом, в соответствии с которым в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, будет признаваться совершение общественно опасного деяния лицами, достигшими 70 лет.

СИНЯЕВА

Мария Ивановна

старший преподаватель кафедры
уголовного права Юго-Западного
государственного университета
(г. Курск)

mari_sinyaeva@mail.ru

**Субъект преступления;
пожилой возраст;
обстоятельства, смягчающие
наказание**

* НИР в рамках государственного задания на 2020 г. (№ 0851-20200033).

Maria I. SINYAEVA

Senior Lecturer, Department of
Criminal Law, South-Western State
University (Kursk)

mari_sinyaeva@mail.ru

**Subject of a crime;
old age;
mitigating circumstances**

OLDER AGE OF THE OFFENDER AS A MITIGATING CIRCUMSTANCE*

This article examines the old age of the subject of a crime and the possibility of taking it into account as circumstances mitigating punishment. The topic is quite relevant, since at present in modern society, against the background of changes in pension legislation, there is a gradual social deformation of elderly people, which can neither affect their psychophysiological state of intelligence and will. This issue attracts close attention of scientists and the public, due to the fact that the changes concern practically all spheres of public life, such as economic, political, social, etc. In this connection, we consider it necessary to pay attention to the considered age category of persons in the framework of criminal legislation. The subject of this study is the influence of the elderly age of the subject of a crime on the commission of a socially dangerous act and its importance in the appointment of punishment. The purpose of this article is to study materials of judicial practice and opinions of lawyers, psychologists, sociologists, as well as legislation in the criminal legal sphere to establish old age as a circumstance mitigating punishment. The study uses a formal legal method to identify the relevant legal concepts and develop the author's vision of a given problem. In addition, research methods and techniques were used, which made it possible to obtain reliable and uniform empirical material and its primary processing, examples of which can be called methods of generalizing law enforcement practice, the process of legal description of current legislation, etc. In this work, the author cites the points of view of various scientists on the issue of legislative consolidation of the upper age limits for criminal prosecution, the expediency of developing a special criminal law mechanism for their implementation. The research conducted by the author allows us to conclude that, in order to comply with the principles of criminal law, there is no need to fix in the criminal legislation the maximum age limits, upon reaching which a person cannot be brought to criminal liability. However, it should be borne in mind that reaching a person of old age is often accompanied by a depletion of intelligence and a decrease in mental endurance, which should act as a mitigating circumstance for punishment. In this regard, it is proposed to supplement Art. 61 of the Criminal Code of the Russian Federation in accordance with which, as a circumstance mitigating punishment, the commission of a socially dangerous act by persons who have reached 70 years of age will be recognized.

Возраст лица в уголовном праве выступает формализованным критерием, который указывает на его способность совершать определенные осознанные действия в соответствии не только с требованиями морали и нормами социального поведения, но и уголовного законодательства. Если в силу возраста лицо не имеет такой возможности (правильно оценивать свои действия), то и уголовная ответственность наступить не может.

В уголовном законодательстве нельзя не учитывать геронтопсихические особенности пожилых лиц, ведь в большинстве своем субъектами преступлений в пожилом возрасте становятся лица с психически-

ми отклонениями, в рамках вменяемости, такими как склероз и старческое слабоумие.

Пожилым возраст виновного лица может оказывать воздействие на оценку обстоятельств, которые исключают преступность самого деяния (например, необходимая оборона), или при использовании правил о фактической ошибке. В этой связи А. И. Парог считает, что пожилым возраст в большей степени характеризует личность (а не субъекта преступления), являясь тем обстоятельством, которое определяет особенности реализации уголовной ответственности, а не ее формальное основание [1, с. 167].

* Research and development work within the framework of the state assignment for 2020 (No. 0851-20200033).

На наш взгляд, необходимо закрепить в уголовном законе предписания об уголовной ответственности пожилых лиц. При этом стоит учесть тот факт, что достижение лицом пожилого возраста нередко сопровождается оскудением интеллекта и снижением психической выносливости. Данное обстоятельство должно выступать смягчающим при назначении наказания и требует проведения комплексных психолого-психиатрических экспертиз с целью определения психофизиологического состояния интеллекта и воли лиц, совершивших преступления в пожилом возрасте.

В связи с тем, что установление верхних возрастных границ привлечения к уголовной ответственности отвечает принципу гуманизма, закрепленному ст. 7 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), считаем, что их четкое определение будет способствовать определению вида, объема и предела применения уголовной ответственности, обуславливая ее дифференциацию, индивидуализацию и реализацию наказания.

В отношении возможности применения верхних возрастных пределов существуют различные точки зрения, причем не только юристов, но и психологов. Однако для них необходимо комплексное научное обоснование со стороны специалистов как правовых и психологических направлений, так и с позиции медицины [2, с. 9].

Л. В. Боровых в своей работе выдвигает предположение, что для реализации ответственности лиц, совершивших преступное деяние в пожилом возрасте необходимо разработать определенный уголовно-правовой механизм [3, с. 15]. Важность установления верхнего возрастного порога уголовной ответственности отмечает и О. Д. Ситковская [4, с. 64].

Но, говоря о необходимости «особенного» отношения к пожилым лицам, вышеуказанные авторы не конкретизируют свою точку зрения, лишь констатируя факт наличия их особенностей по сравнению со зрелым возрастом. Считаем, что предложение О. Д. Ситковской об исключении уголовной ответственности лиц пожилого возраста не заслуживает поддержки, так как достижение преклонного возраста при наличии вменяемости не может являться основанием для полного исключения уголовной ответственности.

Другие авторы, напротив, считают, что потребность в разработке специальных правил отсутствует, так как лицо, достигшее пожилого или старческого возраста, совершившее общественно опасное деяние и находящее в состоянии вменяемости должны на общих основаниях нести за это уголовную ответственность. Так, В. Г. Павлов, в своей работе исследуя различия между возрастными границами старческого и пожилого возраста, опирается на особенности каждого человека, причем как физиологические, так и индивидуальные [5, с. 117].

Действительно, все возрастные границы являются условными и носят индивидуальный характер, однако это касается не только лиц пожилого (старческого) возраста, но и малолетних, несовершеннолетних. Именно по этим причинам проводится психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних, позволяющая оценить уровень их развития, а в зависимости от достижения определенного возраста (социального, правового, профессионального) указываются в диспозиции статей Особенной части УК РФ. На наш взгляд, пожилые лица являются определенной различимой группой с серьезными особенностями, в связи с чем не только возможна, но и важна разработка определенных нормативных правил, касающихся их ответственности. Данное обстоятельство может лишь выступать привилегированным условием по отношению к ним.

При рассмотрении вопросов установления возрастных границ, а также закрепления определенного максимального возраста в уголовно-правовом законодательстве, можно выделить два аспекта личности пожилого человека. В первом случае делается акцент на приобретение определенных социальных ролей, связанных с выходом на пенсию и, соответственно, приравнивают рассматриваемые возрастные границы к пенсионному возрасту, во втором случае обращают внимание на состояние здоровья человека, как физического, так и психического.

Стоит согласиться с мнением ученых, которые утверждают, что само закрепление в уголовном законодательстве максимальных границ возраста, по достижению которого лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности, будет противоречить ст. 4 УК РФ и явится препятствием для осуществления охраны интересов личности, общества и государства от преступлений [6, с. 69; 7, с. 12; 8, с. 22; 5, с. 117].

Аналогия пожилых лиц с несовершеннолетними (а точнее с малолетними лицами, которые до достижения определенного возраста не подлежат уголовной ответственности) невозможна, так как если в малолетнем возрасте лица не способны осознавать отдельные виды преступлений в силу недостаточного развития, то подобное в пожилом возрасте будет свидетельствовать о невменяемости такого лица.

Само по себе достижение определенного возраста не влияет на способность лица в полной мере осознавать смысл и значение совершаемых действий и руководить ими, только определенные возрастные изменения здоровья могут влиять на это.

В таких случаях нередко имеет место быть внезапное возникновение умысла на совершение преступления. Например, «23.01.2006 г. Суджанским районным судом В., 1938 г. р., был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного 4.4 ст. 111 УК РФ, и ему назначено наказание в виде лишения сво-

боды сроком на 5 лет. Как следует из материалов дела, в гости к В. приехал С., брат его жены. Во время застолья С. стал чересчур настойчиво угощать В. привезенной в подарок рыбой. Последнему это не понравилось и, устав отказываться от угощения, он набросился на родственника и стал жестоко его избивать. Получив около 50 ударов, С. умер на месте» [9, с. 94].

В рассматриваемом возрасте повышается возможность приобретения человеком различного рода психических девиаций, к которым относится параноидальная шизофрения, старческая деменция, а также иные системные расстройства психической и нервной деятельности. Иными словами, речь идет об утрате возможности лица осознать свои действия в болезненном состоянии психики, ориентироваться в конкретной обстановке в период совершения преступного деяния, когда следует рассматривать вопрос вменяемости (невменяемости) преступника путем проведения судебно-психиатрической экспертизы. В этой связи многие авторы рассматривают преступность лиц, достигших пожилого возраста в плоскости «вменяемость-невменяемость» [10, с. 209], «уменьшенная вменяемость» [11, с. 131], или с позиции достижения необходимых возрастных границ как основания для констатации признаков и глубины одряхления [12, с. 383]. О. Д. Ситковская [13, с. 116] считает, что при таких обстоятельствах установление верхних возрастных границ привлечения к уголовной ответственности уже теряет смысл, в связи с тем, что проблема переводится на уровень вопроса о вменяемости (невменяемости) лица.

Р. И. Михеев считает, что закрепление максимального возрастного порога уголовной ответственности в нормативном акте общей нормы является нецелесообразным. По его мнению, это противоречит уголовно-правовому принципу виновной ответственности [14, с. 12]. Только обстоятельства предусмотренные законом, как например, невменяемость, вызванная старческим маразмом, должны исключать вину и уголовную ответственность лиц пожилого возраста, а не исключительно достижение лицом определенного возрастного порога.

Сложно не согласиться с выводом, что одного факта достижения предельного возраста при совершении общественно опасного деяния не достаточно для однозначного исключения уголовной ответственности такого лица. Это обстоятельство лишь может послужить поводом применения специального уголовно-правового механизма. Считаем, что пожилые лица требуют большого внимания со стороны законодателя при установлении форм и объема реализации уголовной ответственности, в связи с чем их необходимо относить к определенной категории.

Далеко не всегда отсутствие у лиц пожилого возраста способности осознать общественную опас-

ность своих действий (бездействий) связано с болезненным состоянием психики, т.е. с наличием невменяемости, признаки которой указаны в ст. 21 УК РФ. Тем не менее в таких случаях трудно считать, что лицо обладает способностью «виновной ответственности», даже если отсутствует медицинский критерий невменяемости. В этой связи, рассматривая проблему интеллектуально-волевой несочраннысти лиц, совершающих общественно опасные деяния в пожилом возрасте, Л. А. Яхимов справедливо акцентирует внимание на появлении атеросклеротической деменции как причины их совершения, которую невозможно учитывать как психическое заболевание в общепринятом смысле [15, с. 44].

Пожилым возрастом выступает определенным этапом в жизни человека с присущими ему определенными особенностями и изменениями в эмоционально-волевой сфере, что и служит в большинстве случаев причинами совершения преступлений в рассматриваемой возрастной группе. Это обусловлено снижением интеллектуальных способностей, ведет к неправильной оценке характера и степени общественной опасности деяния, реальности угрозы посягательства, увеличению времени на расчет правильной реакции на сложившуюся ситуацию, т.е. пожилые лица имеют гораздо меньше возможностей для верной оценки ситуации, в которой может быть совершено преступление. Однако определить единый возраст для всех пожилых лиц, который будет характеризоваться изменениями, свойственными для вышеуказанных интеллектуальной и эмоциональной сфер, не представляется возможным в силу индивидуальных особенностей организма, определяющих возраст их наступления и проявления.

Рассматривая нарушения в волевой сфере лиц пожилого возраста, можно найти сходство данной возрастной группы с несовершеннолетними: неверная оценка сложившихся обстоятельств, и как результат, недостаточная способность осознанно руководить своими действиями в сложных ситуациях. В разные возрастные периоды возможны психофизиологические изменения, способные в конкретных случаях явиться основанием для признания лица ограниченно вменяемым, а в случаях наступления полных и необратимых изменений личности – невменяемым.

Таким образом, основываясь на выше приведенных аргументах, автор считает целесообразным закрепление в уголовном законодательстве в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, совершение общественно опасного деяния лицами, достигшими 70 лет, на момент совершения преступления и дополнить ст. 61 УК РФ соответствующим пунктом.

Содержание ч. 2 ст. 61 УК РФ допускает расширительное толкование перечисленных в законе обстоятельств, что позволяет при назначении наказания

в качестве смягчающих обстоятельств учитывать те, которые не указанные в ч. 1 настоящей статьи. Вместе с тем мы полагаем необходимым закрепить отдельным пунктом достижение пожилого возраста субъектом преступления при совершении общественно опасного деяния впервые в качестве смягчающего обстоятельства. Наличие отдельного пункта не позволит суду игнорировать пожилой возраст подсудимого, что в полной мере отразит действие принципов гуманизма, справедливости и будет соответствовать духу уголовного законодательства.

На сегодняшний день в судебной практике отсутствует единообразие по рассматриваемому вопросу. Так, в ряде случаев пожилой возраст виновного учитывается судом в качестве смягчающего обстоятельства, позволяющего назначить менее строгое наказание. Например, при вынесении приговора по делу № 1-7/2018 в отношении Назарова Г. Н. и Назаровой Н. Е., обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 238 УК РФ, суд в качестве одного из обстоятельств смягчающих наказания подсудимых учел их пожилой возраст [16].

Ярким примером неоднозначного подхода к пожилому возрасту виновного лица являются материалы апелляционного определения по делу № 22-0762 в отношении Корягиной Т. В. Рассматривая доводы жалобы защитника осужденной о несправедливости приговора и его чрезмерной суровости, а также игнорировании судом обстоятельств, подлежащих учету при назначении наказания, судебная коллегия отмечает следующее. Уголовно-правовая трактовка принципа справедливости в УК РФ изложена в ст. 6 и устанавливает, что наказание, применяемое к лицу, совершившему преступление, должно соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (ч. 1). Суд первой инстанции, применяя уголовный закон, данный принцип реализовал с учетом как совершенного преступления, так и личности Корягиной. Суд учел все характеризующие Корягину сведения и обстоятельства: отсутствие судимости, пожилой возраст, положительные характеристики. Судом мотивированно признаны в качестве смягчающих наказание обстоятельство: признательная позиция осужденной, явка с повинной, состояние здоровья, положительные характеристики, пожилой возраст и принесение извинений потерпевшему, однако, вопреки доводам защиты, это не является основанием для их учета в порядке п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ [17].

Судебная практика знает немало примеров, когда суд не принимает во внимание то обстоятельство, что преступление совершено лицом пожилого возраста. Так, суд оставил без изменения апелляционную жалобу Большакова Е. А. осужденного по ч. 5 ст. 264 УК РФ, который посчитал, что судом в недос-

точной степени были учтены смягчающие обстоятельства и данные о его личности, а именно то, что вину в содеянном он признал, раскаялся, активно способствовал раскрытию и расследованию преступления, добровольно возместил потерпевшим имущественный ущерб и моральный вред, имеет пожилой возраст, страдает тяжелыми заболеваниями, характеризуется только положительно [18].

Еще одним примером может послужить апелляционное определение по уголовному делу № 22-123/2019. Масальская В. Н. и Смирнова И. Е. признаны виновными в совершении покушения на кражу с причинением значительного ущерба гражданину группой лиц по предварительному сговору и с незаконным проникновением в жилище, а также в покушении на кражу группой лиц по предварительному сговору с незаконным проникновением в жилище. Несмотря на пожилой возраст Смирновой И. Е. и наличие у Масальской В. Н. на иждивении малолетнего внука, судебная коллегия определила приговор в отношении осужденных оставить без изменения, апелляционную жалобу – без удовлетворения [19].

Такие расхождения в судебной практике по признанию пожилого возраста в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, вызывают определенное несогласие. Это еще раз подтверждает целесообразность внесения изменения в ст. 61 УК РФ, касающиеся пожилого возраста виновного лица.

Некоторые авторы обращают внимание на недостаточную урегулированность ответственности пожилых лиц на законодательном уровне. Так, П. В. Разумов предложил правило, согласно которому лица пожилого возраста, которые не могли осознавать значение своих действий (бездействий) или руководить ими, в силу физического одряхления, не связанного с психическими расстройствами (заболеваниями) не привлекаются к уголовной ответственности [7, с. 16].

Полагаем, что личностные изменения, связанные с достижением пожилого возраста не лишают, а лишь снижают качественную характеристику способности лица осознавать значение своих действий (бездействия), иначе стоит рассматривать вопрос об ограниченной вменяемости или невменяемости. Что касается способности руководить своим поведением, необходимо отметить, что физическое одряхление как таковое не ведет к отсутствию способности руководить своими действиями. На волевою потенцию пожилого лица, может повлиять наличие психических расстройств, указанных в медицинском критерии невменяемости, которые исключают возможность привлечения лиц пожилого возраста к уголовной ответственности. Наличие возрастных особенностей пожилого возраста само по себе не может исключить руководство своими действиями применительно к совершению преступления.

Отдельные авторы (А. А. Байбарин) предлагают специальные правила привлечения к уголовной ответственности лиц пожилого (престарелого) возраста. По замыслу они будут действовать в случаях, когда у указанных лиц наступают изменения психики необратимого характера без признаков психического расстройства на фоне возрастных изменений. В силу чего эти лица не могут в полной мере осознавать опасность своих действий (бездействий) и оценивать их последствия. Автор полагает, что при назначении наказания следует учитывать характер и степень общественной опасности: при совершении лицами рассматриваемой категории преступлений небольшой или средней тяжести исключать их ответственность, а в случае совершения тяжких или особо тяжких преступлений наоборот. Предложенные правила предоставят право суду помещать таких лиц в специализированные социальные учреждения независимо от категории тяжести совершенного общественно опасного деяния [20, с. 147]. На наш взгляд, сам по себе уровень общественной опасности деяния не может предопределять возможность или необходимость ответственности в тех случаях, когда субъект преступления не способен в полной

мере осознавать суть совершаемого деяния. Такого рода подход к уголовной ответственности пожилых лиц нарушает принцип равенства граждан перед законом, закрепленный в ст. 4 УК РФ, так как основывается лишь на категориях преступлений, указанных в ст. 15 УК РФ. Кроме того формальный подход к уголовной ответственности пожилых лиц нарушает ст. 8 УК РФ об основании уголовной ответственности.

В уголовном законодательстве возможна корректировка института наказания в отношении лиц пожилого возраста в связи с тем, что достижение лицом рассматриваемых возрастных границ сопровождается определенными особенностями развития и личностными изменениями, не связанными с расстройствами психики, которые отражаются на его способности в полной мере осознавать общественную опасность действий (бездействия) и руководить ими.

Однако исключение уголовной ответственности пожилых лиц, являющихся вменяемыми, представляется невозможным в любой форме. Данные лица должны привлекаться к ответственности на общих основаниях, но с обязательным учетом их пожилого возраста в качестве обстоятельства, смягчающе-го наказание.

Пристатейный библиографический список

1. *Рарог А. И.* Уголовное право России. Общая часть. М. : Эксмо, 2009.
2. *Давыденко А. В.* Криминологическая характеристика возрастных критериев уголовной ответственности несовершеннолетних // Уголовно-исполнительная система : право, экономика, управление. 2012. № 4.
3. *Боровых Л. В.* Проблемы возраста в механизме уголовно-правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1993.
4. *Ситковская О. Д.* Проблема верхней возрастной границы уголовной ответственности // Особенности развития уголовной политики в современных условиях. М. : Юрид. лит., 1996.
5. *Павлов В. Г.* Квалификации преступлений со специальным субъектом. СПб. : Юридический центр Пресс, 2011.
6. *Спасенников Б. А.* Правовая антропология (уголовно правовой аспект) : монография. Архангельск : Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2001.
7. *Разумов П. В.* Значение пожилого возраста в механизме реализации уголовной ответственности. Ставрополь : Сервисшкола, 2005.
8. *Байбарин А. А.* Уголовно-правовая дифференциация возраста : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009.
9. *Антонян Ю. М., Волкова Т. Н.* Преступность стариков : монография. Рязань : Академия права и управления ФСИН, 2005.
10. *Сергиевский Н. Д.* Русский уголовный процесс. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1908.
11. *Дмитриев А. С.* Судебная психиатрия : учебник. М. : Юристъ, 1998.
12. *Ковалев А. Г.* Психология личности. М. : Просвещение, 1970.
13. *Ситковская О. Д.* Психология уголовной ответственности. М. : НОРМА, 1998.
14. *Михеев Р. И.* Возраст. Уголовно-правовые и криминологические проблемы // Проблемы совершенствования борьбы с преступностью. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985.
15. *Яхимов Л. А.* Судебно-психиатрическое значение атеросклеротического слабоумия (вопросы дееспособности) // Теоретические и организационные вопросы судебной психиатрии. М. : ЦНИИ судебной психиатрии им. В. П. Сербского, 1977.

16. Приговор Кувшинского районного суда Тверской области от 6 марта 2018 г. по делу № 1-7/2018 // ГАС РФ «Правосудие» : сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 20.05.2020).

17. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Ивановского областного суда от 7 июня 2018 г. по делу № 22-726/2018 // ГАС РФ «Правосудие» : сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 20.05.2020).

18. Апелляционное постановление Пензенского областного суда от 14 сентября 2016 г. по делу № 22-891/2016 // ГАС РФ «Правосудие» : сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 20.05.2020).

19. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Ивановского областного суда от 4 февраля 2019 г. по делу № 22-123/2019 // ГАС РФ «Правосудие» : сайт. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 20.05.2020).

20. Байбарин А. А. Уголовно-правовая дифференциация возраста. М. : Высшая школа, 2009.

References

1. Rarog A. I. Criminal Law of Russia. General Part. Moscow: Eksmo, 2009.

2. Davydenko A. V. Criminological Characteristics of Age Criteria of Criminal Responsibility of Minors. *Criminal-Executive System: Law, Economics, Management*. 2012. No. 4.

3. Borovykh L. V. Problems of Age in the Mechanism of Criminal Law Regulation: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Yekaterinburg, 1993.

4. Sitkovskaia O. D. The Problem of the Upper Age Limit of Criminal Responsibility. In Features of Development of Criminal Policy in Modern Conditions. Moscow: Iuridicheskaia literatura, 1996.

5. Pavlov V. G. Qualification of Crimes with a Special Subject. St. Petersburg: Iuridicheskii tsentr Press, 2011.

6. Spasennikov B. A. Legal Anthropology (Criminal Legal Aspect): Monograph. Arkhangel'sk: Pomor State University named after M. V. Lomonosov, 2001.

7. Razumov P. V. The Significance of Old Age in the Mechanism of Criminal Responsibility Implementation. Stavropol: Service School, 2005.

8. Baibarin A. A. Criminal-Legal Differentiation of Age: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Krasnodar, 2009.

9. Antonian Iu. M., Volkova T. N. Crime of Old People: Monograph. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2005.

10. Sergievskii N. D. Russian Criminal Trial. St. Petersburg: M. M. Stasiulevich's Printing House, 1908.

11. Dmitriev A. S. Forensic Psychiatry: Textbook. Moscow: Iurist, 1998.

12. Kovalev A. G. Psychology of Personality. Moscow: Prosveshchenie, 1970.

13. Sitkovskaia O. D. Psychology of Criminal Responsibility. Moscow: NORMA, 1998.

14. Mikheev R. I. Age. Criminal Law and Criminological Problems. In Problems of Improving the Fight Against Crime. Irkutsk: Irkutsk University Publishing House, 1985.

15. Iakhimov L. A. Forensic-Psychiatric Significance of Atherosclerotic Dementia (Questions of Capacity). In Theoretical and Organizational Issues of Forensic Psychiatry. Moscow: Central Research Institute of Forensic Psychiatry named after V. P. Serbskii, 1977.

16. Verdict of the Kuvshinsky District Court of the Tver Region of 6 March 2018 in case No. 1-7/2018. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (date of the application: 20.05.2020).

17. Appellate Ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Ivanovo Regional Court of 7 June 2018 in case No. 22-726/2018. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (date of the application: 20.05.2020).

18. Appeal Decision of the Penza Regional Court of 14 September 2016 in case No. 22-891/2016. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (date of the application: 20.05.2020).

19. Appellate Ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Ivanovo Regional Court of 4 February 2019 in case No. 22-123/2019. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html> (date of the application: 20.05.2020).

20. Baibarin A. A. Criminal-Legal Differentiation of Age. M.: Higher School, 2009.

СУЩНОСТЬ И ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СООТВЕТСТВИИ С РОССИЙСКИМ УГОЛОВНЫМ ЗАКОНОМ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-4-102-109>

Современный уголовный закон дает возможность неоднозначного толкования ряда фундаментальных категорий, к которым относится и уголовная ответственность. Содержание норм-новелл свидетельствует об отступлении законодателя от выработанных в науке советского уголовного права постулатов о сущности уголовной ответственности и иных мер уголовно-правового характера. Это указывает на необходимость глубокого доктринального исследования указанных категорий, а также современных средств их практической реализации. Цель работы заключается в определении сущности уголовной ответственности и выделении обособленных форм ее выражения посредством использования как общенаучных, так и частных методов научного познания. В соответствии с нормами уголовного закона формами реализации уголовной ответственности, с определенной долей условности, являются наказание и иные меры уголовно-правового характера (ч. 2 ст. 2, ст. 6, ч. 2 ст. 7 УК РФ). Новизна работы обусловлена рассмотрением ранее не исследованных в теории уголовного права «субсидиарных мер уголовно-правового характера», сущностные признаки которых свидетельствуют о возможности их отнесения к обособленной форме реализации уголовной ответственности. С учетом формальных и материальных признаков, которые присущи каждой из перечисленных в работе категорий, формулируется вывод о том, что уголовная ответственность представляет собой межотраслевой институт, самостоятельными формами реализации которого являются процессуальные меры пресечения с условием вступления в перспективе обвинительного приговора суда в законную силу, наказание, субсидиарные меры уголовно-правового характера и судимость.

КОРНЕЕВ

Сергей Александрович

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань)

kornei_lam@mail.ru

**Уголовная ответственность;
формы реализации
уголовной ответственности;
уголовно-процессуальные
меры пресечения;
наказание;
субсидиарные меры
уголовно-правового характера;
судимость**

Sergey A. KORNEEV

Adjunct, Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan)

kornei_lam@mail.ru

**Criminal responsibility;
forms of implementation
of criminal responsibility;
criminal procedural preventive
measures;
punishment;
subsidiary measures of a criminal**

THE ESSENCE AND FORMS OF IMPLEMENTATION OF CRIMINAL LIABILITY IN ACCORDANCE WITH RUSSIAN CRIMINAL LAW

Modern criminal law allows for ambiguous interpretation of a number of fundamental categories, which include criminal liability. The content of the norms-novelties indicates a deviation of the legislator from the postulates developed in the science of Soviet criminal law about the essence of criminal responsibility and other measures of a criminal legal nature. This indicates the need for a deep doctrinal study of these categories, as well as modern means of their practical implementation. The purpose of the work is to determine the essence of criminal responsibility and to identify separate forms of its expression through the use of both General scientific and private methods of scientific knowledge. In accordance with the norms of the criminal law, forms of implementation of criminal responsibility, with a certain degree of conditionality, are punishment and other measures of a criminal nature (part 2 of Article 2, Article 6, part 2 of Article 7 of

**legal nature;
criminal record**

the Criminal Code). The novelty of the work is due to the consideration of previously unexplored in the theory of criminal law "subsidiary measures of a criminal nature", the essential features of which indicate the possibility of their attribution to a separate form of implementation of criminal responsibility. Taking into account the formal and material characteristics that are inherent in each of the categories, we conclude that criminal liability is an interdisciplinary Institute, independent forms which are procedural measures of restraint with the condition of membership in the future a court's judgement into legal force, punishment, vicarious measures of criminal-legal character and conviction.

Закрепление в источниках уголовного законодательства норм, определяющих отличные от наказания меры ответственности, применяемые в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления, предопределили появление в нормативно-правовых актах более емкой категории – уголовная ответственность, первое упоминание о которой относится к 1885 г. (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных редакций 1885, разд. II) [1, с. 37]. Позднее рассматриваемый феномен нашел свое отражение в нормах Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 г. (ст. 5, примечание «1», «2» к ст. 14) [2, с. 26, 51]. Однако рассматриваемые источники уголовного законодательства не раскрывали сущностных признаков уголовной ответственности, не указывали оснований ее наступления и т.д.

Нормами Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. было определено основание уголовной ответственности: вина в совершении преступления (ст. 3) [3]. Указанный правовой феномен рассматривался как более емкая по содержанию категория уголовно-правового воздействия, включающая как наказание, так и другие меры уголовно-правового характера [4, с. 38–39].

В настоящее время ввиду отсутствия дефиниции уголовной ответственности, в доктрине уголовного права ведется дискуссия относительно вопросов определения понятия, сущности, целей и форм реализации рассматриваемого явления. Так, отдельные исследователи склонны полагать, что ее сущность сводится к уголовному наказанию [5, с. 112, 124]; уголовному правоотношению между государством и лицом, совершившим преступление [6, с. 12]; к обязанности лица, совершившего преступление, дать отчет в содеянном перед государством и подвергнуться неблагоприятным уголовно-правовым последствиям [7, с. 190]; к сложному межотраслевому институту, состоящему из четырех компонентов: материальный уголовно-правовой компонент: обязанность лица дать отчет в содеянном перед государством в лице уполномоченных органов; уголовно-процессуальный компонент: отрицательная оценка совершенного деяния и порицание лица, его совершивше-

го – выраженные в обвинительном приговоре суда; материальный уголовно-правовой и уголовно-исполнительный компонент: назначенная виновному мера уголовно-правового воздействия; материальный уголовно-правовой и уголовно-исполнительный компонент: судимость как специфическое правовое последствие осуждения с отбыванием наказания [8, с. 54]; к мере государственного принуждения, применяемой в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления [9, с. 57–60].

В приведенных концепциях, определяющих сущность уголовной ответственности, есть свое обоснованное и аргументированное видение, однако, не вдаваясь в широкую дискуссию о критическом анализе того или иного доктринального подхода, отметим, что мы склонны разделить мнение об уголовной ответственности как мере государственного принуждения, применяемой в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления. Как представляется, это в наибольшей степени соответствует развитию уголовного законодательства о мерах государственного принуждения, которые применяются к лицу, совершившему преступление. В то же время необходимо исключить отождествление категорий «наказание», как меры государственного принуждения, назначаемой по приговору суда (ст. 43 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ)) и «уголовная ответственность»: во-первых, последняя является более емким институтом, так как в соответствии с уголовным законом освобождение лица от наказания не подразумевает освобождение от уголовной ответственности (гл. 11, гл. 12 УК РФ); во-вторых, уголовная ответственность возникает раньше реализации наказания – в момент установления правового статуса лица, совершившего преступление (подозреваемый, обвиняемый) и прекращается позже – после погашения либо снятия судимости; в-третьих, в уголовном законе имеют место быть иные меры уголовно-правового воздействия, применяемые исключительно в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления и реализуемые за пределами уголовного наказания. Таким образом, наказание и уголовная ответственность соотносятся друг с другом как часть и целое.

Итак, уголовная ответственность – это мера государственного принуждения, применяемая в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления. В теории уголовного права неоднозначно решается вопрос относительно определения мер, представляющих собой материальное выражение уголовной ответственности, в рамках применения которых указанное лицо испытывает лишения и ограничения.

Для осуществления задач, возложенных на уголовный закон, последний за совершение преступлений устанавливает меры ответственности в виде наказания и иных мер уголовно-правового характера (ч. 2 ст. 2, ст. 6, ч. 2 ст. 7 УК РФ). Из этого следует, что указанные институты являются обособленными формами реализации уголовной ответственности, однако в доктрине уголовного права представлены иные подходы к решению заявленного вопроса.

Так, по мнению отдельных исследователей, к самостоятельным формам реализации уголовной ответственности, кроме наказания и иных мер уголовно-правового характера, необходимо относить судимость [10, с. 34], условное осуждение и отсрочку отбывания наказания [4, с. 62], условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и принудительные меры воспитательного воздействия [11, с. 31, 45], принудительные меры медицинского характера, применяемые к ограниченно-вменяемым лицам [12, с. 6], замену неотбытой части уголовного наказания (более мягким или более строгим) [13, с. 120], меры уголовно-процессуального [14, с. 14; 15, с. 247], уголовного и уголовно-исполнительного принуждения [16, с. 104].

Действительно, справедливо утверждение, что наказание является самостоятельной, превалирующей формой реализации уголовной ответственности. Однако по ряду причин сложно согласиться с отнесением иных мер уголовно-правового характера к материальному выражению уголовной ответственности. Законодательно определенными иными мерами уголовно-правового характера являются принудительные меры медицинского характера, конфискация имущества и судебный штраф, т.е. меры, отличные друг от друга, исходя из основания для их применения, целевого предназначения, социально-правовой природы и т.д.

Права исследователи, которые относят к институту иных мер уголовно-правового характера только принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия [17, с. 17; 18, с. 13]. Лицо, страдающее психическим расстройством, ввиду душевной болезни, равно как несовершеннолетний, в силу своей социальной незрелости, не в состоянии подвергнуться мерам уголовной ответственности за свои объективно опасные для общества поступки, осознать общественную опас-

ность совершаемого деяния, отдавать отчет своим действиям, понимать сути происходящего и применяемого к нему наказания, в связи с чем не является субъектом преступления. Указанные институты находятся в иной плоскости, имеют отличные от уголовной ответственности основания применения, цели и социально-правовую сущность, но в то же время, как и уголовная ответственность, они устанавливаются за совершение деяний, запрещенных уголовным законом; предусмотрены уголовным законом (в исключительных случаях – в УК РФ и в сопутствующих нормах иных отраслей российской системы права).

В теории уголовного права «иные» меры уголовно-правового характера в виде конфискации имущества и судебного штрафа подвергаются критике, связанной с недопустимостью их нахождения в разд. VI УК РФ. Отметим, что действующая конфискация имущества:

- по своей сущности представляет собой уголовное наказание, однако таковым формально не является (ст. 44 УК РФ);

- представляет собой карательную форму реализации уголовной ответственности, так как принудительному изъятию и обращению в собственность государства подлежит имущество и (или) доходы от этого имущества, полученные в результате совершения определенного нормой уголовного закона преступления, на которые возникло право собственности (ст. 104.1 УК РФ);

- не является иной мерой уголовно-правового характера, так как: основанием ее применения является совершение преступления; применяется в отношении лица, которое способно нести уголовную ответственность; применяется с целью восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, а не в целях лечения, либо улучшения психического состояния лица, совершившего общественно опасное деяние.

Идентичной является «иная» мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, который:

- по своей сущности представляет уголовное наказание, однако таковым формально не является (ст. 44 УК РФ);

- представляет собой карательную форму реализации уголовной ответственности, так как, во-первых, не предусматривает рассрочку уплаты суммы по решению суда, например, как штраф-наказание [19, с. 93]; во-вторых, в случае его неуплаты лицо привлекается к уголовной ответственности, причем уплаченная сумма не является основанием какого-либо зачета при применении другой меры уголовно-правового воздействия;

- не является иной мерой уголовно-правового характера, так как: основанием его применения является совершение преступления; применяется в отношении

лица, которое способно нести уголовную ответственность; применяется с целью восстановления социальной справедливости, исправления осужденного, предупреждения совершения новых преступлений.

Таким образом, мы не склонны относить к форме реализации уголовной ответственности иные меры уголовно-правового характера, в объем которых включаются принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия.

Нормами уголовно-процессуального закона определены меры пресечения, принимаемые в отношении лица, предположительно совершившего преступление (гл. 13 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ)). Вопрос определения сущности лишений и правоограничений, испытываемых подозреваемым либо обвиняемым, в теории уголовного права решается неоднозначно. С одной стороны, указанные меры процессуального принуждения необходимо рассматривать через призму уголовной ответственности [15, с. 247], с другой – они не являются материальным выражением рассматриваемого феномена [20, с. 77].

Действительно, сама процедура уголовного преследования направлена на установление истины по конкретному уголовному делу и сопровождается возложением определенных лишений и правоограничений, тем самым не имеет целевого предназначения, связанного с восстановлением социальной справедливости, исправлением осужденного и превенции совершения новых преступлений; не определяет соразмерность, например, меры пресечения и тяжести преступления, в котором подозревается или обвиняется лицо. Однако меры пресечения могут признаваться уголовной ответственностью, так как обладают всеми признаками ее реализации.

Лицо, предположительно совершившее преступление, испытывает лишения и ограничения, в том числе конституционных прав и свобод, при применении мер пресечения. Более того, срок исполнения некоторых из них – заключение под стражу (ст. 108 УПК РФ), домашний арест (ст. 107 УПК РФ) – засчитывается в срок наказания, которое определяется приговором суда (ч. 3 ст. 72 УК РФ). Применение же других мер уголовно-процессуального принуждения, срок исчисления которых не влияет на срок назначенного наказания (ст. 102-106 УПК РФ), подобным образом, порождает возникновение определенных запретов и ограничений: не покидать постоянное или временное место жительства; являться по вызовам дознавателя, следователя и в суд и т.д. (ст. 22, 25, 27 Конституции РФ).

Таким образом, при условии вступления в силу обвинительного приговора суда, процессуальные меры пресечения являются формой реализации уголовной ответственности. В случае же вынесения оправда-

тельного приговора имеет место быть ошибка – незаконное применение указанных мер, в связи с чем у гражданина возникает право на реабилитацию (гл. 18 УПК РФ). Уголовная ответственность в этом случае отсутствует в принципе, а лишения и ограничения, испытываемые лицом на стадии предварительного расследования, рассматриваются как нарушение со стороны органов государственной власти.

В связи с этим процессуальные меры пресечения являются самостоятельной формой реализации уголовной ответственности с условием, что в перспективе юридический факт совершения преступления будет установлен.

Условное осуждение, исходя из свойственных ему сущностных признаков, не может быть представлено в качестве отдельного вида наказания и освобождения от него или новой, самостоятельной формы реализации уголовной ответственности. По сути, назначенное судом наказание не меняется, меняется лишь форма его исполнения. Следовательно, условное осуждение – это специфическая форма исполнения (реализации) определенных нормой уголовного закона наказаний, перечисленных в ст. 73 УК РФ: исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы на срок до восьми лет [21, с. 48–49].

Таким образом, условное осуждение не может быть представлено в качестве обособленной формы реализации уголовной ответственности, так как имеет сугубо процедурное значение, заключающееся в специфической форме исполнения назначенного судом наказания.

Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ), замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ), отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) – это виды освобождения от назначенного судом наказания, обстоятельство, юридический факт, с которым нормы уголовного закона связывают прекращение назначенного судом наказания, которое фактически сводится к существенному снижению интенсивности реализации правоограничительных мер уголовно-правового воздействия.

Бесспорно, освобождение от отбывания наказания не отождествляется с освобождением от уголовной ответственности, а применение его видов связано с возникновением правоограничений в отношении осужденного лица, являющихся материальным выражением уголовной ответственности. Однако считаем, что данные лишения и ограничения необходимо рассматривать в рамках отдельной уголовно-правовой меры, которая является самостоятельной формой реализации уголовной ответственности.

Таким образом, мы не склонны рассматривать юридический факт, с которым нормы уголовного за-

кона связывают освобождение лица от отбывания наказания, в качестве обособленной формы реализации рассматриваемого феномена.

Судимость относится к самостоятельной форме реализации уголовной ответственности. Лицо, признанное виновным в совершении преступления и отбывшее назначенный судом срок той или иной меры уголовно-правового воздействия, испытывает лишения и ограничения, но уже в рамках института судимости. Как точно отмечают отдельные исследователи, судимость представляет собой факт осуждения лица, его правовое состояние, а ее содержание составляют предусмотренные федеральным законодательством ограничения общеправового, уголовно-правового и уголовно-исполнительного характера [22, с. 11].

Итак, наказание и судимость – это самостоятельные формы реализации уголовной ответственности [23, с. 73]. Кроме указанных институтов в уголовном законе предусмотрены иные лишения и ограничения, не входящие в объем рассматриваемых категорий, но применяемые в отношении лица, признанного виновным в совершении преступления и реализуемые в процессе освобождения последнего от отбывания наказания.

Так, в соответствии с уголовным законом на лиц, условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания, суд возлагает исполнение определенных обязанностей, перечень которых является неисчерпывающим и может быть дополнен на основании предложения контролирующего органа при учете, например, характеристики осужденного, обстоятельств совершения преступления, общественной опасности содеянного и т.д.: не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, не посещать определенные места, пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, трудиться (трудоустроиться) либо продолжить обучение в общеобразовательной организации (ст. 79 УК РФ) и др.

Осуществление контроля (надзора) за соблюдением лицами, освобожденными из мест лишения свободы, установленных судом запретов и ограничений, является обязанностью полиции (п. 26 ст. 12 Закона «О полиции») [24]. В процессе реализации своих полномочий сотрудники органов внутренних дел систематически реализуют мероприятия за выполнением поднадзорным лицом установленных судом обязанностей; беспрепятственно проникают в его жилое помещение; запрашивают необходимую информацию и материалы о данном лице; осуществляют проверку законности пребывания (следования) на железнодорожном, водном и воздушном транспорте и др. [25; 26].

Необходимо отметить, что при условно-досрочном освобождении от отбывания наказания срок погашения судимости исчисляется исходя из фактически отбытого срока наказания с момента освобождения от отбывания основного и дополнительного видов наказаний (ч. 4 ст. 86 УК РФ). Лишения и ограничения, испытываемые лицом в результате применения условно-досрочного освобождения, не относятся ни к наказанию, ни к судимости, а поэтому представляют собой часть некоей уголовно-правовой меры, которая является самостоятельной формой реализации уголовной ответственности.

При отсрочке отбывания наказания беременной женщине, женщине, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет, мужчине, имеющему ребенка в возрасте до четырнадцати лет и являющемуся единственным родителем, суд применяет в отношении указанных категорий лиц обязанность по воспитанию ребенка до достижения им четырнадцатилетнего возраста (ст. 82 УК РФ), которая существенным образом отличается от ответственности родителей за воспитание и развитие своих детей, регламентированной нормами семейного законодательства (ч. 1 ст. 63 Семейного кодекса РФ). В целях контроля и надзора за соблюдением указанными лицами условий отсрочки отбывания наказания сотрудники уголовно-исполнительной инспекции Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России):

- систематически посещают осужденное лицо по месту жительства с целью проверки материально-бытовых условий проживания и выявления фактов уклонения от воспитания ребенка и ухода за ним;

- информируют о результатах органы опеки и попечительства, социальной защиты населения, организацию по месту его работы;

- проводят иные мероприятия, связанные с осуществлением контроля за поведением осужденного лица, его образа жизни и отношением к воспитанию ребенка и уходом за ним, и др. [27].

При отсрочке отбывания наказания лица, признанного больным наркоманией, суд возлагает на него обязанность в виде прохождения курса лечения от наркомании, а также медицинскую и социальную реабилитацию (ст. 82¹ УК РФ). В целях контроля и надзора за соблюдением указанной категорией лиц условий отсрочки отбывания наказания сотрудники уголовно-исполнительной инспекции ФСИН России:

- посещают осужденного по месту жительства, работы и (или) учебы с целью контроля за его поведением, а также выявления фактов уклонения от прохождения курса лечения от наркомании, а также медицинской реабилитации либо социальной реабилитации;

- запрашивают необходимую информацию в органах МВД России, в медицинской организации, в организации, осуществляющей социальную реабилитацию больных наркоманией;

– вызывают для проведения бесед различного характера и др. [28].

Необходимо отметить, что по общему правилу лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым (ч. 2 ст. 86 УК РФ). Таким образом, применение отсрочки отбывания наказания не порождает судимости, а лишения и ограничения, испытываемые лицом, подобным образом, обособлены как от наказания, так и от судимости.

Итак, рассмотренные случаи свидетельствуют о том, что в рамках освобождения от отбывания наказания осужденное лицо претерпевает лишения и ограничения, в том числе некоторых конституционных прав и свобод человека и гражданина, которые:

– предусмотрены уголовным законом – являются уголовно-правовыми мерами государственного принуждения;

– применяются к лицу, признанному виновным в совершении преступления, т.е. реализуются в процессе уголовной ответственности;

– направлены на восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и превенцию совершения новых преступлений;

– обособлены от института наказания, так как применяются к лицу в рамках освобождения от отбывания наказания;

– обособлены от института судимости, так как их применение либо не порождает судимости, либо предшествует лишениям и ограничениям в рамках нее;

– носят дополнительный характер к тем лишениям и правоограничениям, которые лицо испытывает при реализации уголовного наказания и судимости.

Таким образом, рассматриваемые меры государственного принуждения, применяемые в процессе освобождения от отбывания наказания, носят самостоятельный, обособленный от наказания и судимости характер, но в то же время реализуются в рамках уголовной ответственности. Считаем, что данный объем лишений и ограничений необходимо объединить в единую уголовно-правовую категорию, представляющую собой самостоятельную форму реализации уголовной ответственности.

В юридической литературе, в частности уголовно-правовой, широко используется понятие, определяющее дополнительный, вспомогательный характер ответственности, – «субсидиарный» [29, с. 77; 30, с. 7; 31, с. 133]. Исходя из этого мы склонны утверждать, что лишения и ограничения, испытываемые лицом в рамках освобождения от наказания, – это субсидиарные меры уголовно-правового характера, которые являются самостоятельной формой реализации уголовной ответственности.

Пристатейный библиографический список

1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. 5-е изд., доп. СПб. : Тип. М. М. Стасюлеви-ча, 1886.
2. Уголовный кодекс редакции 1926 г. : комментарии / под общ. ред. Е. Г. Ширвиндта. М. : Изд-во НКВД, 1927.
3. Закон СССР «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Похмелкин В. В. Социальная справедливость и уголовная ответственность. Красноярск : Изд-во Красноярск. ун-та, 1990.
5. Эстрин А. Я. О вине и уголовной ответственности в советском праве // Советское государство. 1935. № 1–2.
6. Огурцов Н. А. Теоретические и методологические проблемы уголовно-правовых отношений : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 1979.
7. Галкин М. В. Осуждение и уголовно-правовые последствия преступления // Проблемы совершенствования советского законодательства : труды. Вып. 27. М. : Изд-во ВНИИСЗ, 1983.
8. Уголовное право. Общая часть : учебник / под ред. А. И. Рарога. М. : Институт международного права и экономики ; Триада Лтд, 1997.
9. Наумов А. В. Применение уголовно-правовых норм. По материалам следственной и прокурорско-судебной практики : учебное пособие. Волгоград : Изд-во ВСШ МВД СССР, 1973.
10. Фильченко А. П. Реализация уголовной ответственности : проблемы отраслевого и межотраслевого согласования/рассогласования : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Рязань, 2014.
11. Якушин В. А. Наказание и иные меры уголовно-правового воздействия : монография. Тольятти : Изд-во ВУиТ, 2018.
12. Ведмидь С. Э. Проблемы реализации уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004.
13. Шеслер А. В. Уголовная ответственность: понятие и формы реализации // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 3.

14. *Чистяков А. А.* Теоретические и методологические проблемы учения об уголовной ответственности и механизме, формирующем ее основание : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Рязань, 2003.
15. *Наумов А. В.* Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. М. : БЕК, 1996.
16. *Багрий-Шахматов Л. В.* Уголовная ответственность и наказание. Минск : Высшая школа, 1976.
17. *Скрипченко Н. Ю.* Понятие и виды иных мер уголовно-правового характера // Вестник института : преступление, наказание, исправление. 2011. № 2.
18. *Павлова А. А.* Иные меры уголовно-правового характера как институт уголовного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
19. *Соктоев З. Б.* Проблемы применения норм о судебном штрафе // Уголовное право. 2017. № 1.
20. *Бавсун М. В.* Уголовная ответственность как юридическая фикция // Российское правосудие. 2017. № 5.
21. *Лапшин В. Ф.* Отдельные формы реализации уголовной ответственности в контексте принципа справедливости // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2020. № 9.
22. *Зинин Г. Ю.* Судимость как последствие уголовно-правового осуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2014.
23. *Лапшин В. Ф., Корнеев С. А.* Формы реализации уголовной ответственности // Вестник Кузбасского института. 2019. № 4.
24. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СПС «Гарант».
25. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // СПС «Гарант».
26. Приказ МВД России от 8 июля 2011 г. № 818 «О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» // СПС «Гарант».
27. Приказ Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» // СПС «Гарант».
28. Приказ Министерства юстиции РФ и Министерства здравоохранения РФ от 7 июля 2015 г. № 169/425н «Об утверждении порядка осуществления контроля за соблюдением условий отсрочки отбывания наказания осужденными, признанными в установленном порядке больными наркоманией» // СПС «Гарант».
29. *Кругликов Л. Л.* О видах дифференциации наказуемости «по вертикали» и некоторых вопросах ответственности за противоправные деяния // Евразийский юридический журнал. 2009. № 9.
30. *Кругликов Л. Л.* Становление учения об уголовно-правовой охране прав и свобод пациента // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2015. № 4.
31. *Шеслер А. В.* Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации об уголовных наказаниях // Вестник Кузбасского института. 2015. № 3.

References

1. Code of Penalties of 1885. 5th ed. St. Petersburg: M. M. Stasiulevich's Printing House, 1886.
2. *Shirvindt E. G. (ed.)*. Criminal Code of 1926: Comments. Moscow: Publishing house of the People's Commissariat of Internal Affairs, 1927.
3. Law of the USSR "On Approval of the Fundamentals of Criminal Legislation of the USSR and Union Republics" (SPS "ConsultantPlus").
4. *Pokhmelkin V. V.* Social Justice and Criminal Responsibility. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University Publishing House, 1990.
5. *Estrin A. Ia.* On Guilt and Criminal Responsibility in Soviet Law. *Soviet State*. 1935. No. 1-2.
6. *Ogurtsov N. A.* Theoretical and Methodological Problems of Criminal-Legal Relations: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 1979.
7. *Galkin M. V.* Conviction and Criminal Law Consequences of a Crime. In Problems of Improving Soviet Legislation: Works. Issue 27. Moscow: Publishing house of the All-Union Scientific Research Institute of Soviet Legislation, 1983.
8. *Rarog A. I. (ed.)*. Criminal Law. General Part: Textbook. Moscow: Institute of International Law and Economics; Triada Ltd, 1997.
9. *Naumov A. V.* Application of Criminal Law Norms. Based on Materials of Investigative and Prosecutorial and Judicial Practice: Tutorial. Volgograd: Publishing House of the Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1973.

10. *Filchenko A. P.* Implementation of Criminal Liability: Problems of Sectoral and Inter-Sectoral Coordination/ Mismatch: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Ryazan, 2014.
11. *Iakushin V. A.* Punishment and Other Measures of Criminal Law Impact: Monograph. Togliatti: Volga University named after V. N. Tatishchev Publishing House, 2018.
12. *Vedmid S. E.* Problems of Implementation of Criminal Responsibility: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Krasnoyarsk, 2004.
13. *Shesler A. V.* Criminal Liability: Concept and Forms of Implementation. *Bulletin of the Vladimir Institute of Law.* 2018. No. 3.
14. *Chistiakov A. A.* Theoretical and Methodological Problems of the Doctrine of Criminal Responsibility and the Mechanism That Forms its Basis: Synopsis of a Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Ryazan, 2003.
15. *Naumov A. V.* Russian Criminal Law. General Part: Course of Lectures. Moscow: BEK, 1996.
16. *Bagrii-Shakhmatov L. V.* Criminal Liability and Punishment. Minsk: Higher School, 1976.
17. *Skripchenko N. Iu.* Concept and Types of Other Measures of a Criminal-Legal Nature. *Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction.* 2011. No. 2.
18. *Pavlova A. A.* Other Measures of a Criminal-Legal Nature as an Institution of Criminal Law: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2011.
19. *Soktoev Z. B.* Problems of the Application of Norms on a Court Fine. *Criminal Law.* 2017. No. 1.
20. *Bavsun M. V.* Criminal Liability as a Legal Fiction. *Russian Justice.* 2017. No. 5.
21. *Lapshin V. F.* Separate Forms of Implementation of Criminal Responsibility in the Context of the Principle of Justice. *Actual Problems of Criminal Law at the Present Stage (Issues of Differentiation of Responsibility and Legislative Technique).* 2020. No. 9.
22. *Zinin G. Iu.* Conviction as a Consequence of Criminal Conviction: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Ryazan, 2014.
23. *Lapshin V. F., Korneev S. A.* Forms of Implementation of Criminal Liability. *Bulletin of the Kuzbass Institute.* 2019. No. 4.
24. Federal Law of 7 February 2011 No. 3-FZ "On the Police" (SPS "Garant").
25. Federal Law of 6 April 2011 No. 64-FZ "On Administrative Supervision of Persons Released from Places of Deprivation of Liberty" (SPS "Garant").
26. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia of 8 July 2011 No. 818 "On the Procedure for the Implementation of Administrative Supervision over Persons Released from Prison" (SPS "Garant").
27. Order of the Ministry of Justice of Russia of 20 May 2009 No. 142 "On Approval of Instructions for Organizing the Execution of Punishments and Measures of a Criminal Law Nature Without Isolation From Society" (SPS "Garant").
28. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation and the Ministry of Health of the Russian Federation of 7 July 2015 No. 169/425n "On the Approval of the Procedure for Monitoring Compliance with the Terms of the Deferral of Serving Sentences by Convicts Recognized in the Prescribed Manner as Drug Addicts" (SPS "Garant").
29. *Kruglikov L. L.* On the Types of Differentiation of Punishability "Along the Vertical" and Some Issues of Responsibility for Illegal Acts. *Eurasian Legal Journal.* 2009. No. 9.
30. *Kruglikov L. L.* Formation of the Doctrine of Criminal Law Protection of the Rights and Freedoms of the Patient. *Actual Problems of Criminal Law at the Present Stage (Issues of Differentiation of Responsibility and Legislative Technique).* 2015. No. 4.
31. *Shesler A. V.* Concept of the Criminal Law Policy of the Russian Federation on Criminal Punishments. *Bulletin of the Kuzbass Institute.* 2015. No. 3.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-4-110-117>

Внедрение современных цифровых технологий в различные сферы нашего общества предоставляет большое количество новых возможностей в повседневной жизни. Электронный документооборот в нашей стране набирает все больший объем, день за днем заменяя собой традиционные бумажные формы документооборота. Электронное «цunami» не оставило без внимания и сферу правосудия. Информационные технологии, вошедшие в деятельность современного судебного производства, сделали его более доступным, открытым и по многим показателям облегчающим защитное бремя тяжущихся. Оснащение компьютерной техникой материально-технической базы судов, обеспечение современными системами электронной связи приводят к применению в российском цивилистическом процессе таких нововведений информационно-коммуникационных технологий, как личный кабинет на сайте суда, электронный документооборот, видеоконференц-связь, фиксирование хода судебного заседания с помощью аудио протокола и иных технических средств; также необходимо отметить уведомление участников процесса при помощи SMS-сообщений и электронной почты. Информатизация гражданского процесса в нашей стране заслуживает все большего внимания с каждым днем. Остаются открытыми вопросы нормативно-правового регулирования порядка применения и использования информационных технологий в правосудии, развивающих так называемое электронное правосудие, направленное на повышение эффективности отправления правосудия в цивилистическом процессе. Некоторые авторы в юридической литературе желали бы видеть электронные доказательства в качестве самостоятельного средства доказывания, в связи с чем и в настоящее время детально изучается правовая природа электронных документов, отличных от традиционных, письменных, документов, особый статус электронных доказательств и особенности их применения в гражданском процессе. В настоящее время в современной российской судебной практике имеются существенные трудности с применением электронных доказательств, в том числе электронных документов, содержащихся во Всемирной сети, деловой переписки по электронной почте и т.д., в качестве доказательственной базы. Специальные законодательные нормы, регламентирующие данную сферу, отсутствуют, что напрямую указывает на то, что национальное законодательство требует модернизации и дальнейшего развития, в связи с чем и судебная практика, регулирующая схожие правоотношения, приобрела бы правильные и единообразные формы. В настоящее время суды не уделяют должного внимания электронным документам, хотя они могут быть важными источниками обстоятельств по делу, необходимых для правильного и законного разрешения гражданского спора.

КУХТУРСКАЯ

Екатерина Александровна

аспирант кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

katrin1454@mail.ru

**Цивилистический процесс;
доказательства;
электронные доказательства;
электронные документы;
цифровизация;
информационные технологии;
Интернет**

Catherine A. KUKHTURSKAYA

Post-Graduate Student, Department
of Civil Procedure and Organization
of the Bailiff Service, All-Russian State
University of Justice (Moscow)

katrin1454@mail.ru

**Civil procedure;
evidence;
electronic evidence;
electronic document;
digitalization;
information technology;
Internet**

**THE USE OF ELECTRONIC EVIDENCE
IN CIVIL PROCEDURE:
PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE**

The introduction of modern digital technologies in various spheres of our society provides a large number of new opportunities in everyday life. Electronic document management in our country is gaining more and more volume, day by day replacing the traditional paper forms of document management. The electronic tsunami did not leave the sphere of justice without attention. Information technology, which has entered into the activities of modern judicial proceedings, has made it more accessible, open and in many ways, easing the protective burden of litigants. Computer equipment of the material and technical base of courts, provision of modern electronic communication systems, lead to the use in Russian civil procedure of such innovations in information and communication technologies as a personal account on the court's website, electronic document management, video conferencing, recording the course of the court session using audio Protocol and other technical means, it is also necessary to note the notification of participants in the process using SMS messages and e-mail. Informatization of civil procedure in our country deserves more and more attention every day. There are still open questions of legal regulation of the application and use of information technologies in justice, developing the so-called "electronic justice", aimed at improving the efficiency of the administration of justice in civil procedure. Some authors in the legal literature would like to see electronic evidence as an independent means of proof, and therefore, the legal nature of electronic documents other than traditional written documents, the special status of electronic evidence and their application in civil proceedings are being studied in detail. Currently, in modern Russian judicial practice, there are significant difficulties in using electronic evidence, including electronic documents contained in the World Wide Web, business correspondence by e-mail, etc., as evidence. There are no special legislative norms regulating this sphere, which directly indicates that national legislation requires modernization and further development, and therefore judicial practice regulating similar legal relations would acquire correct and uniform forms. Currently, the courts do not pay due attention to electronic documents, although they can be important sources of circumstances in the case necessary for the correct and legal resolution of a civil dispute.

В современном обществе информационные технологии играют значительную роль. Внедрение новых технологий является неотъемлемой частью взаимодействия в большинстве сфер нашей жизни. Развитие информационно-правового пространства в нашей стране сегодня сложно представить без использования электронного документооборота в социальной, экономической, политической и иных сферах. Основой формирования информационного общества является существенное развитие передачи и хранения информации с помощью электронно-вычислительной техники и Сети, что закономерно требует регулирования и правового оформления в данной отрасли.

Важными задачами становятся пересмотр положений гражданского процессуального законодатель-

ства, его приспособленность к новейшим информационным технологиям.

В связи с законодательными пробелами регламентации прав и обязанностей пользователей Сети злоумышленники порождают нарушение прав и интересов других участников информационного общества (компьютерные вирусы, хакерские атаки и т.д.) [1, с. 25–30].

Порядок реализации информационной функции в РФ содержит множество проблем, которые требуют современного решения. Если обратиться к гражданскому процессуальному законодательству РФ, то можно увидеть, что оно закрепляет состязательный характер гражданского судопроизводства, однако проблема сбора, подтверждения доказательств, содержащихся в сети Интернет, является одной из многих.

Нерешенность этой проблемы надлежащим образом создает определенные трудности и ограничения в реализации информационной функции в сфере современного гражданского судопроизводства.

Электронные документы в качестве доказательств по делу использовались еще в период советского судопроизводства.

Например, согласно Указаниям (инструктивным) Госарбитража СССР от 29 июня 1979 г. № И-1-4 «Об использовании в качестве доказательств документов, представленных с помощью электронно-вычислительной техники» стороны по арбитражным делам в обоснование своих требований и возражений вправе представлять арбитражам документы, подготовленные с помощью электронно-вычислительной техники. Эти документы, поскольку они содержат данные об обстоятельствах, имеющих значение для дела, должны приниматься органами арбитража на общих основаниях в качестве письменных доказательств [2].

На сегодняшний день такое средство доказывания по гражданскому процессу, как электронный документ, не закреплено на законодательном уровне. Это связано с его новизной в практике применения, а также неоднозначностью его правовой природы. В первую очередь необходимо обратиться к детальному понятию «документ», прежде чем приступить к определению правового статуса электронного документа.

В переводе с латинского языка слово «*documentum*» означает «свидетельство», «способ доказательства».

С. И. Семилетов определяет «документ»: это объект, в котором в результате волевых действий человека материально зафиксирована выделенная по цели и назначению информация (о событиях, состояниях, фактах, действиях и обстоятельствах, с которой связаны определенные правоотношения и/или юридические последствия) с реквизитами в определенной форме и формате, позволяющий человеку передавать его во времени и пространстве, однозначно воспринимать и идентифицировать непосредственно или с помощью инструментально-технических (или программно-аппаратных) средств [3, с. 8].

В отличие от традиционного, письменного, документа электронный документ является более сложным объектом. Трактую понятие электронного документа, профессор А. П. Вершинин указывал: «существенными признаками электронного документа являются его содержание (информация) и форма (технический электронный носитель информации). Электронным документом является информация, зафиксированная на электронных носителях и содержащая реквизиты, позволяющие ее идентифицировать» [4].

Исследуя понятие электронного документа, С. П. Ворожбит отмечает: «электронный документ – это инфор-

мация, зафиксированная на электронном носителе, имеющая необходимые реквизиты, позволяющие его идентифицировать, и подтверждающая обстоятельство, имеющие правовое значение» [5, с. 8].

С. И. Семилетов трактует электронный документ как «созданный при помощи аналоговых электронно-механических или электронных цифровых программных и аппаратно-технических (ЭВМ) средств документ, в котором выделенная информация с реквизитами представлена и материально зафиксирована в форме аналоговой записи или в форме цифровой записи идентифицируемого файла, идентифицируемой записи в файле (файлах базы данных) или иной выделяемой записи в цифровом коде на каких-либо электронных носителях, доступной для использования, копирования, передачи и получения по телекоммуникационным каналам связи и последующей обработки в информационных системах, а также для однозначного отображения или воспроизведения при визуальном или ином восприятии человеком с помощью этих средств» [3, с. 8].

По мнению П. Зайцева, электронный документ как судебное доказательство определяется как «сведения об обстоятельствах, подлежащих установлению по делу, записанные на перфокарту, перфоленту, магнитный, оптический, магнитооптический накопитель, карту флеш-памяти или иной подобный носитель, полученные с соблюдением процессуального порядка их собирания» [6, с. 44].

Законодательное определение электронного документа отражено в п. 11 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который гласит, что это «документация, представленная в электронном виде, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком, с использованием электронно-вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах» [7].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» (абз. 5 п. 1) дает определение электронному документу как «созданному в электронном виде, без предварительного фиксирования на бумажном носителе, подписанного электронной подписью в порядке, предусмотренном действующим законодательством» [8].

Отличительной чертой электронного документа от традиционного письменного документа является содержащаяся в нем информация, воспроизведенная в цифровом виде. У электронного документа отсутствует привязка к определенному материальному носителю (*USB-флеш-накопитель, флеш-карта и т.д.*),

т.е. несколько идентичных в электронном виде документов могут оказаться на разных носителях.

В настоящее время электронные документы имеют кардинально новые социальные и технологические значения. В связи с глобальным распространением электронного документооборота в сети Интернет, а также отсутствием законодательного закрепления в нормативно-правовых актах, которые могли бы регулировать рассмотрение этой информации в качестве допустимых доказательств по делу, многие судьи отказываются рассматривать и принимать подобные документы или принимают их в индивидуальном порядке, выдвигая к ним собственные, ничем не урегулированные требования. Единого порядка рассмотрения в гражданском судопроизводстве этих документов в качестве доказательств по делу пока не предусмотрено.

Правовая судьба деловой переписки с помощью электронной почты находится на одной ступени с электронными документами. Игнорирование судьями электронных писем и других интернет-ресурсов в качестве полноценных доказательств по гражданскому делу создает для сторон тупиковые ситуации, нарушает баланс сил и процессуальных возможностей участников судопроизводства. Участники процесса с целью добиться принятия во внимание судом данной информации в качестве надлежащих доказательств по делу пытаются использовать различные способы.

С моей точки зрения, сегодня электронные доказательства все чаще используются в судебной практике в различной модификации.

Как следствие, возникает задача углубленного изучения правовой природы электронных доказательств как современных источников доказывания и порядка их применения в цивилистическом процессе.

Анализ судебной практики судов общей юрисдикции показывает, что сегодня судебная система не готова в полной мере воспринимать новые веяния цифрового общества.

В качестве одного из негативных примеров, связанных с использованием электронных доказательств, можно привести следующее дело из архива Арбитражного суда г. Москвы [9].

Общество с ограниченной ответственностью «Истец» обратилось в А суд г. Москвы с иском к Обществу с ограниченной ответственностью «Ответчик» о взыскании денежных средств по договору поставки № 00 от 00.02.2016 г., процентов за пользование чужими денежными средствами, стоимости товара, а также денежных средств по договору поставки № 01 от 00.05.2016 г., процентов за пользование чужими денежными средствами, стоимости товара.

Также определением суда в порядке, предусмотренном АПК РФ, принято к производству встречное

исковое заявление ООО «Ответчик» к ООО «Истец» о взыскании суммы предварительной оплаты по договору поставки № 00 от 00.02.2016 г., процентов за пользование чужими денежными средствами и процентов за пользование чужими денежными средствами, начисленных на сумму предоплаты по фактической оплате.

Суд, рассмотрев первоначальные и встречные иски, заслушав представителя ООО «Истец», исследовав и оценив имеющиеся в материалах дела доказательства, по правилам, предусмотренным процессуальным законодательством, считает, что заявленные первоначальные иски удовлетворению не подлежат, встречные требования подлежат удовлетворению частично.

Как усматривается из материалов дела, 00.02.2016 г. ООО «Истец» (поставщик) и ООО «Ответчик» (покупатель) заключили договор поставки оборудования № 00. В соответствии с условиями договора поставщик обязуется поставить покупателю товар, а покупатель обязуется принять товар и оплатить его в порядке, предусмотренном договором.

В соответствии с условиями договора поставщик обязуется передать покупателю оборудование в течение девяти рабочих дней с момента поступления платежа на расчетный счет поставщика. Моментом исполнения обязанности поставщика по передаче оборудования является подписание ТОРГ-12.

По условиям договора стороны предусмотрели стоимость товара, в спецификации к договору определили порядок оплаты товара.

00.05.2016 г. между ООО «Истец» (поставщик) и ООО «Ответчик» (покупатель) заключен договор поставки оборудования № 01, согласно условиям которого поставщик обязуется поставить покупателю товар, а покупатель обязуется принять товар и оплатить его в порядке, предусмотренном договором.

В соответствии с условиями договора поставщик обязуется передать покупателю оборудование в течение восьми рабочих дней с момента поступления платежа на расчетный счет поставщика. Моментом исполнения обязанности поставщика по передаче оборудования является подписание ТОРГ-12.

Цена договора и порядок оплаты товара согласованы сторонами в договоре и приложениях к договору.

Как указывает представитель ООО «Истец», обязательства по поставке товара по договорам № 00, 01 им были исполнены в полном объеме, в доказательство чего в материалы дела представил подписанные только со стороны ООО «Истец» следующие документы: акты приема передачи товара, товарные накладные, гарантийный талон, фототаблицы, переписку по электронной почте, а также нотариальные осмотры письменных доказательств, согласно которым произведен осмотр программы *WhatsApp* и *SMS*-сообщений.

ООО «Ответчик» факт поставки товара по договорам отрицает, ссылаясь на недоказанность ООО «Истец» поставки товара в адрес ООО «Ответчик».

Суд, исследовав представленные ООО «Истец» доказательства, установил, что поскольку в представленных актах приема передачи товара, товарных накладных, гарантийном талоне отсутствуют подписи должностных лиц ООО «Ответчик», а также печать ООО «Ответчик», данные документы не могут быть приняты судом в качестве надлежащих доказательств в обоснование факта поставки.

Из представленных фотографий, на которых изображен спорный товар, факт поставки товара в пользу ООО «Ответчик» также не представляется суду возможным установить.

В своем решении судом было отражено, что ввиду отсутствия в договоре условий о возможности обмена документами посредством электронной почты, информации о конкретных данных полномочных представителей ответчика для возможности обмена SMS-сообщениями, сообщениями в программе *WhatsApp* оснований для признания представленной ООО «Истец» переписки сообщений в качестве доказательства поставки товара не имеется. Кроме того, из содержания данной переписки невозможно с достоверностью установить лицо, с которым велась такая переписка, а также ее относимость к спорному товару. ООО «Ответчик» факт ведения представленной переписки с ООО «Истец» оспаривал. На основании исследованных доказательств суд не нашел оснований для удовлетворения искового заявления ООО «Истец» к ООО «Ответчик» по факту поставки товара и взыскания суммы задолженности по договорам поставки № 00, 01.

Апелляционная инстанция поддержала доводы суда первой инстанции, не найдя оснований для удовлетворения апелляционной жалобы ООО «Истец».

Кассационные жалобы ООО «Истец» были отклонены по аналогичным основаниям.

Суд, рассматривая дело, не исследовал обстоятельства, связанные с возникновением переписки по электронной почте, а также переписки посредством SMS-сообщений в программе *WhatsApp*; все доводы на относимость указанных доказательств к делу были судом проигнорированы.

Вышеуказанный пример наглядно показывает, что судебная система в полной мере не готова к установлению обстоятельств, возникших в виртуальных сетях, а равно должным образом исследовать доказательства, подтверждающие данные обстоятельства, при отсутствии нормативно-правовой регламентации процедуры оценки подобных доказательств.

По моему мнению, исследование и правильная правовая оценка судом электронных доказательств является не маловажным фактором, так как порой

электронные документы могут быть не только главным, но и единственным доказательством по делу.

Применительно к вышеприведенному примеру из судебной практики следует обратить внимание на высказывание С. П. Ворожбит: трудности аутентификации и идентификации электронных почтовых сообщений не должны полностью исключать возможность использования электронных почтовых сообщений в качестве доказательств в суде. У сторон должна быть возможность показать суду, что представленные ими электронные сообщения действительно заслуживают доверия. Противная сторона в свою очередь может оспаривать их содержание и сам факт отправления [5].

Нельзя не согласиться с мнением В. И. Чамурова: так как единого порядка рассмотрения этих (электронных) документов в качестве доказательств не существует [10, с. 32–34], многие судьи в качестве доказательств скептически относятся к таким документам, предъявляя к ним личные требования, что нашло свое отражение в гражданском деле, приведенном в качестве примера.

Но справедливости ради стоит отметить, что если бы стороны в вышеуказанном примере из архива Арбитражного суда г. Москвы в договоре поставки товара предусмотрели электронный документооборот, например, заявка на приобретение товара, деловая переписка происходят по электронной почте, а правоустанавливающие документы остаются на бумажном носителе, то, возможно, это привело бы к удовлетворению искового заявления.

В качестве положительного примера применения электронных доказательств на практике хотелось бы привести гражданское дело из архива Кунцевского районного суда г. Москвы [11].

В Кунцевском районном суде г. Москвы рассматривалось дело о разделе совместно нажитого имущества супругов. Спор состоял в разделе по $\frac{1}{2}$ расчетных счетов, находящихся в банке Германии. После вынесения решения судами первой и апелляционной инстанций был получен исполнительный лист, в соответствии с которым с одного супруга в пользу другого супруга были взысканы денежные средства, равнозначные сумме $\frac{1}{2}$ денежных средств, находящихся на расчетном счете в иностранном банке. На стадии исполнения решения суда, должником в суд первой инстанции было подано заявление об отсрочке исполнения решения суда. В обосновании своего заявления, должник указал «о слиянии в Германии двух банков *Commerzbank* и *Deutsche Bank*», в связи с чем исполнение решения суда на данной стадии не представляется возможным. При рассмотрении указанного заявления в судебном заседании взыскателем были представлены распечатки с официального сайта газет «Интерфакс», «Ведомости», «РБК газета» с оп-

ровержением информации «о слиянии двух банков Commerzbank и Deutsche Bank». Распечатки с официального сайта газет были признаны допустимыми доказательствами, приняты в качестве письменных доказательств и легли в основу определения об отказе в отсрочке исполнения решения суда.

Приведенные в качестве примеров дела из судебной практики говорят о том, что на сегодняшний день судебная практика судов общей юрисдикции в отношении признания электронных доказательств допустимыми доказательствами по делу двойственна и неоднозначна.

С моей точки зрения, одной из многих причин, почему суды не принимают электронные доказательства в качестве допустимых, является сложность установления юридических сведений о фактах, таких как природа возникновения электронного документа, идентификация лица, составившего этот документ, отсутствие редактирования или видоизменения этого документа. Некоторые представители юридической науки считают, что при исследовании института гражданского процессуального права одной из приоритетных проблем является установление подлинности электронных доказательств. А. Т. Боннер при исследовании проблемы достоверности электронных доказательств подчеркнул, что любое лицо может создать электронный почтовый ящик, воспользовавшись чужим именем, взамен своего [12]. В Концепции единого Гражданского процессуального кодекса РФ отмечается, что в связи с тем, что в гражданском и арбитражном процессах большое применение набирают электронные доказательства, особое внимание необходимо уделить оценке их достоверности [13].

На сегодняшний день одним из самых надежных способов подтверждения подлинности электронных документов и придания им юридической силы, является подписание электронных документов посредством электронной подписи.

Как установлено Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (ч. 1 ст. 6), «информация в электронной форме, подписанная электронной подписью, признается электронным документом, равнозначным собственноручно подписанному письменному документу на бумажном носителе». Подписанный электронной квалифицированной подписью документ может быть применен в любых правоотношениях, однако закон делает исключение применения электронного документа: «кроме случаев, когда федеральным законом или иным нормативно-правовым актом, установлено требование о необходимости составления документа только на бумажном носителе» [14].

Но зачастую при отсутствии возможности подтверждения подлинности электронных документов электронной подписью участники судопроизводст-

ва представляют эти документы в качестве доказательств в виде распечаток, удостоверенных подписью авторами электронной переписки.

При системном анализе существующей судебной практики можно встретить случаи, когда достоверность электронных документов (переписки в сети Интернет) подтверждается свидетельскими показаниями.

В настоящее время в судебной практике получил широкое распространение способ обеспечения сведений нотариусами, содержащихся в сети Интернет, на цифровых носителях. Даже несмотря на отсутствие правовых норм, регламентирующих данный институт обеспечения электронных доказательств нотариусами в действующих Гражданском процессуальном кодексе РФ (далее – ГПК РФ) и Арбитражном процессуальном кодексе РФ (далее – АПК РФ), этот способ на сегодняшний день востребован и соответствует требованиям современного судопроизводства.

Идентичная практика имеет место и в отношении сообщений, полученных при помощи современных мобильных приложений (*WhatsApp, Telegram, Zangi* и т.д.). Судом не будет признана надлежащим доказательством переписка в мессенджере, если она распечатана или представлена в качестве скриншота и не заверена нотариусом, так как невозможно подлинно установить время и дату отправки, отправителя и получателя электронного сообщения.

Детальный анализ процессуального законодательства (ГПК РФ и АПК РФ) не позволяет отнести электронные документы ни к одному из средств доказывания.

Профессор А. П. Вершинин говорит о возможности отнесения электронного документа к письменным доказательствам [4, с. 106]. В своем исследовании С. П. Ворожбит полагает, что от того, какие из данных, сохраненных в электронной форме, имеют доказательственное значение, т.е. содержат сведения, необходимые для установления обстоятельств дела, будет зависеть отнесение электронных средств к письменным, вещественным доказательствам, аудио- и видеозаписи [5].

Некоторые процессуалисты считают, что поскольку у электронного документа отсутствует письменная форма, то его нельзя ставить в один ряд с письменными доказательствами [15, с. 145]. Также в науке высказывается мнение, что электронные доказательства обладают всеми известными на сегодняшний день видами доказательств, но нуждаются в законодательном закреплении [16, с. 378]. Профессор А. Т. Боннер в своей монографии называет электронные доказательства «средствами установления обстоятельств с не вполне определенным или неопределенным статусом» [12].

На сегодняшний день более подробно проработан вопрос применения электронных документов в качестве средств доказывания в арбитражном процессе.

Как установлено положениями АПК РФ, «документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также документы, подписанные электронной подписью в законодательном порядке» допускаются в качестве письменных доказательств в предусмотренном действующим законодательством или договором порядке [17].

Но даже несмотря на это, самостоятельное понятие электронного документа именно как средства доказывания в АПК РФ не определено, используется отсылка к иным правовым актам, и, как следствие, возникают трудности с определением относимости, допустимости и достоверности электронных доказательств. Отсутствие на сегодняшний день в нашем процессуальном законо-

дательстве нормативно-правовых актов, разрешающих эту проблему, еще больше усугубляет ситуацию.

Таким образом, совершенно очевидно наличие пробелов в законодательстве о порядке получения, истребования и представления электронных доказательств в цивилистическом процессе. Вопрос признания электронных доказательств самостоятельными средствами доказывания и установления видов и критериев отнесения их к таковым уже давно требует нормативного разрешения, поскольку в современном обществе российское процессуальное законодательство должно быть адаптировано к новым формам информационных технологий и совершенствоваться с учетом последних технологических тенденций, что будет способствовать формированию единообразной базы судебной практики судов РФ.

Пристатейный библиографический список

1. *Бегичев А. В.* Вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации, а также авторских и иных прав в сети «Интернет» // *Нотариальный вестник.* 2013. № 10.
2. Инструктивные указания Госарбитража СССР от 29 июня 1979 г. № И-1-4 «Об использовании в качестве доказательств документов, представленных с помощью электронно-вычислительной техники» // *Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража СССР.* М. : Юрид. лит., 1983.
3. *Семилетов С. И.* Документы и документооборот как объекты правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.
4. *Вершинин А. П.* Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде. М. : Городец, 2000.
5. *Ворожбит С. П.* Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе : автореф. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011.
6. *Зайцев П.* Электронный документ как источник доказательств // *Законность.* 2002. № 4. С. 44.
7. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // СПС «КонсультантПлюс».
9. Гражданское дело № А40-237093/16-87-1691 о взыскании задолженности по договору поставки // Архив Арбитражного суда г. Москвы. 2017 г.
10. *Чамуров В. И.* Электронные документы в сети Интернет как доказательства в российском судопроизводстве // *Информационное право.* 2013. № 4.
11. Гражданское дело № 02-2198/2018 о разделе совместно нажитого имущества между супругами // Архив Кунцевского районного суда г. Москвы. 2018 г.
12. *Боннер А. Т.* Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе. М. : Проспект, 2013.
13. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ от 8 декабря 2014 г. № 124(1)) // СПС «КонсультантПлюс».
14. Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // СЗ РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.
15. *Медведев И. Г.* Письменные доказательства в частном праве России и Франции. СПб. : Юридический центр Пресс, 2004.
16. *Востриков И. Ю.* Электронный документ как доказательство в гражданском процессе // *Гражданское судопроизводство в изменяющейся России: международная научно-практическая конференция (14–15 сентября 2007 г.).* Саратов : Научная книга, 2007.
17. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. *Begichev A. V.* Issues of Protection of Honor, Dignity and Business Reputation, as Well as Copyright and Other Rights on the Internet. *Notarial Bulletin*. 2013. No. 10.
2. Instructional Instructions of the State Arbitration of the USSR of 29 June 1979 No. I-1-4 "On the Use of Documents Presented with the Help of Electronic Computers as Evidence". In Collection of instructions of the State Arbitration of the USSR. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1983.
3. *Semiletov S. I.* Documents and Document Flow as Objects of Legal Regulation: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2003.
4. *Vershinin A. P.* Electronic Document: Legal Form and Evidence in Court. Moscow: Gorodets, 2000.
5. *Vorozhbit S. P.* Electronic Means of Proof in Civil and Arbitration Procedure: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. St. Petersburg, 2011.
6. *Zaitsev P.* Electronic Document as a Source of Evidence. *Legality*. 2002. No. 4.
7. Federal Law of 27 July 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection" (SPS "ConsultantPlus").
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 26 December 2017 No. 57 "On Some Issues of the Application of Legislation Regulating the Use of Documents in Electronic Form in the Activities of Courts of General Jurisdiction and Arbitration Courts" (SPS "ConsultantPlus").
9. Civil case No. A40-237093/16-87-1691 on debt collection under a supply agreement (Archive of the Moscow Arbitration Court. 2017).
10. *Chamurov V. I.* Electronic Documents on the Internet as Evidence in Russian Legal Proceedings. *Information Law*. 2013. No. 4.
11. Civil case No. 02-2198/2018 on the division of jointly acquired property between spouses (Archive of the Kuntsevsky District Court of Moscow. 2018).
12. *Bonner A. T.* Traditional and Non-Traditional Means of Proof in Civil and Arbitration Proceedings. Moscow: Prospekt, 2013.
13. Concept of the Unified Civil Procedure Code of the Russian Federation (approved by the decision of the Committee on Civil, Criminal, Arbitration and Procedural Legislation of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of 8 December 2014 No. 124 (1)) (SPS "ConsultantPlus").
14. Federal Law of 6 April 2011 No. 63-FZ "On Electronic Signature". *Collection of the Legislation of the Russian Federation*. 2011. No. 15. Art. 2036.
15. *Medvedev I. G.* Written Evidence in Private Law in Russia and France. St. Petersburg: Iuridicheskii tsentr Press, 2004.
16. *Vostrikov I. Iu.* Electronic Document as Evidence in Civil Procedure. In Civil Proceedings in a Changing Russia: International Scientific and Practical Conference (14–15 September 2007). Saratov: Scientific Book, 2007.
17. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24 July 2002 No. 95-FZ (SPS "ConsultantPlus").

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ ПРОФЕССОРА А. В. НАУМОВА КАК ЯВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-4-118-121>

В статье в самом сжатом виде представлены основные идеи и взгляды профессора А. В. Наумова относительно истории становления и развития российского уголовного права (законодательства, доктрины и практики применения) с момента образования Древнерусского государства до наших дней, сформулированные им в двухтомной монографии «Преступление и наказание в истории России».

ЯЦЕЛЕНКО

Борис Викторович

доктор юридических наук,
профессор, и.о. заведующего
кафедрой уголовного права
и криминологии Всероссийского
государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
(г. Москва)

ya.borisvik@mail.ru

**История уголовного права
России;
преступление;
наказание;
профессор А. В. Наумов**

Boris V. YATSELENKO

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Acting Head of the Department
of Criminal Law and Criminology,
All-Russian State University of Justice
(Moscow)

ya.borisvik@mail.ru

**History of criminal law in Russia;
crime;
punishment;
Professor A. V. Naumov**

HISTORICAL WORK OF PROFESSOR A. V. NAUMOV AS A PHENOMENON OF RUSSIAN LEGAL CULTURE

In the article in the compressed form presents the main ideas of a Professor A. V. Naumov on the history of formation and development of Russian criminal law (legislation, doctrine and practice), since the formation of the old Russian state to the present day, formulated in a two-volume monograph "Crime and Punishment in Russian History".

Благодаря творческим усилиям профессора А. В. Наумова отечественное и зарубежное научное сообщество имеет возможность осмыслить историю преступления и наказания в России, представленную автором в виде двухтомной фундаментальной монографии, первое издание которой было опубликовано в 2014 г. [1], а второе – в 2020 г. [2].

В предисловии к первому изданию монографии Анатолий Валентинович специально выделил курсивом слово «своя» [1, с. 8] применительно к осмысленной и изложенной им на богатейшем источниковедческом и фактологическом материале истории преступления и наказания в России, по сути – истории отечественного уголовного права. Учитывая поставленную и, на наш взгляд, с блеском решенную автором исследовательскую задачу, имеются основания утверждать, что термин «своя» охватывает как концепцию произведения, так и талантливое ее во-

площение в присущей профессору А. В. Наумову мастерской научной и стилистической форме.

В концептуальном плане «своя» история преступления и наказания в России, вынесенная Анатолием Валентиновичем на суд научной общественности в двух изданиях монографии, предстает перед нами, с одной стороны, как результат ее научного изучения в тесной увязке с такими судьбоносными для народной жизни событиями, как формирование и распад древнерусского государства; преодоление феодальной раздробленности и образование Московского государства; период Смутного времени и его преодоление; образование абсолютной монархии при Петре I; правление Екатерины II; реформы и контрреформы XIX в.; революции начала XX в. и распад Российской империи, означающий, по сути, перерыв в развитии государства, его политических, экономических, политических, идеологических и правовых институтов;

возникновение, формирование и распад советской государственности; постсоветский период развития России. С другой стороны, «своя» история преступления и наказания в России изложена профессором А. В. Наумовым отнюдь не сухо и отстраненно от судеб и творчества людей, вовлеченных на протяжении многовековой отечественной истории в орбиту происходивших событий и процессов, непосредственными участниками, свидетелями и, к сожалению, жертвами которых они порой являлись. Исторический материал в монографии дополняют тщательно подобранные автором сведения из важнейших нормативных правовых актов и других документов, материалов судебных процессов, фрагментов произведений классиков отечественной философской и художественной мысли, биографических справок и других документальных свидетельств исторического прошлого российской государственной и общественной жизни. В них представлены как результаты политической, государственной, научной и просветительской деятельности крупнейших исторических фигур ушедшего от нас времени (российских князей, царей и императоров, политиков, революционеров, общественных деятелей, философов, писателей), виднейших ученых-юристов, так и их взгляды на проблему преступления и наказания в России. В этом смысле нарисованная профессором А. В. Наумовым картина истории российского уголовного права предстает перед нами живой и во многом личностной. Это не только история политических, социально-экономических и правовых процессов и событий в жизни страны, но также история людей, внесших заметный вклад в формирование отечественной культурной традиции в области идеологии, политики, экономики, философии, права в целом и уголовного права в особенности. Отнюдь не случайно исследовательское поле в монографии не ограничилось осмыслением тенденций развития уголовного законодательства и науки уголовного права. Оно было существенным образом расширено. В результате в монографии уголовное право предстает перед нами в комплексе взаимосвязанных с ним и влияющих на него политических, экономических, идеологических, правовых, нравственно-этических идей, процессов и тенденций.

В монографии социально-правовая природа преступления и наказания подвергнута изучению с опорой на криминологическую составляющую как основополагающее социальное основание в процессе признания общественно опасных деяний преступными и наказуемыми. Становление и развитие этих уголовно-правовых институтов в историческом контексте рассматриваются с учетом тенденций общеуголовной и политической преступности, характерной для конкретного исторического этапа развития российского общества и государства. Проблема пре-

ступления и наказания увязана с авторской трактовкой этапов возникновения, становления и дальнейшего развития российской науки уголовного права, скрупулезным анализом богатейшего творческого наследия виднейших отечественных ученых – криминалистов. Особо следует отметить высокую оценку, данную профессором А. В. Наумовым научным трудам ученых, стоявших у истоков российского уголовного права. Например, характеризуя развитие российской науки уголовного права в связи с созданием в России юридических учебных заведений, Анатолий Валентинович с восхищением отзывается об уголовно-правовых взглядах представителя казанской школы криминалистов, профессора Гавриила Ильича Солнцева. Профессор Г. Р. Солнцев еще в начале XIX в. сформулировал материальное определение понятия преступления, поставил на повестку дня актуальный и в наши дни и пока еще не решенный вопрос об уголовной ответственности юридических лиц, обосновал начала теории международного уголовного права применительно к военным преступлениям [1, с. 160–162]. В предисловии к первому изданию монографии А. В. Наумов подчеркнул, что для полной исторической картины ему потребовалось рассмотреть философские основы криминализации и пенализации, отраженные в трудах отечественных философов. В работе представлена широкая палитра мнений российских философов-мыслителей (от Герцена и Чернышевского до Бердяева и Зиновьева) на преступление и наказание, включая исторически не решенный и до настоящего времени интеллектуальный спор западников и славянофилов относительно путей развития России, а, следовательно, и российского уголовного права. Наконец, в монографии воспроизведены и творчески проанализированы наиболее значимые для понимания социально-правовой природы преступления и наказания, в целом уголовного права произведения писателей-классиков, а также их государственно-правовые воззрения, в которых с особой остротой выражена присущая нашей национальной литературе идея сострадания к «маленькому» человеку.

Даже беглое перечисление основных составляющих исторической монографии позволяет утверждать, что профессором А. В. Наумовым написана книга, которая, характеризуя уголовное право, преступление и наказание в контексте отечественной культурной традиции, уже по этой причине представляет собой явление правовой культуры. Для подтверждения этого вывода процитируем выдающегося отечественного ученого-юриста С. С. Алексеева. Оценивая право как культурную ценность, Сергей Сергеевич, имея в виду законы прошлых эпох, отмечал, что «они являются своего рода окошками в прошедшие времена, позволяют «увидеть» существовавшие

тогда отношения, нравы, конфликты, словом наглядно и зримо ощутить прошлое...», а поэтому «именно через право воплощается главное, в чем выражается предназначение культуры – потенциал разума, накопленных богатств творчества, призванных и способных оградить и защитить человека от непреклонных демонических сил природы и общества от тенденций к энтропии, распаду» [3, с. 224–225]. Представляется, что и книга А. В. Наумова является тем окошком в прошлое, с помощью которого автор не только обогатил нашу правовую культуру системой научных знаний об истории становления государственно-правовых институтов, тенденциях развития уголовного законодательства и практики его применения, достижениях социально-политической, философской и правовой мысли, но и убедительно продемонстрировал идейную направленность произведения как необходимый компонент дальнейшего укрепления основных начал отечественной правовой культурной традиции. Речь идет об основополагающей идее книги, какой она видится после прочтения ее страниц, насыщенных как богатым историко-правовым и литературно-художественным материалом, так и размышлениями профессора А. В. Наумова относительно описанных им исторических событий и действий их участников.

Но чтобы ответить на вопрос о главной идее книги, следует учитывать, что тема любого исторического произведения неизбежно включает в себя и так называемые «трудные вопросы истории», о которых часто говорят сами историки. Термин «трудные вопросы истории» все же не совсем точно обозначает суть проблемы, поскольку у истории как некоего событийного и развернутого во времени и в пространстве процесса нет трудных вопросов. Трудные вопросы всегда возникают у исследователя исторического прошлого. Такие вопросы, несомненно, стояли и перед профессором А. В. Наумовым. Ответ на них потребовал от автора строгого соблюдения основополагающего для исторического исследования принципа примата источников, умения логически безупречно объяснять сложные, порой неоднозначно оцениваемые в исторической и юридической литературе, а также в творчестве выдающихся отечественных философов, писателей, экономистов и юристов политические, экономические и государственно-правовые события. По нашему мнению, профессор А. В. Наумов блестяще справился с этой задачей. Приведем один из содержащихся в книге примеров на эту тему, который связан с существующей в обыденном и профессиональном сознании неоднозначной оценкой сталинских репрессий и роли в этом уголовного права. В частности, А. А. Зиновьев, известнейший социолог, философ и писатель, в книге «Русская трагедия», изданной в 2018 г., отмечал, что «сталинская система массовых репрессий вырастала как самозащитная мера нового общества

от рожденной совокупностью обстоятельств эпидемии преступности. Она становилась постоянно действующим фактором нового общества, необходимым элементом его сохранения» [4, с. 75]. Читатель, не знакомый с работой Анатолия Валентиновича Наумова, находясь под влиянием магии имени и творчества Александра Александровича Зиновьева, может действительно поверить в то, что именно эпидемия преступности послужила толчком для формирования на законодательном уровне и осуществляемой в судебном и внесудебном порядке системы массовых репрессий. Но так ли это на самом деле? Профессор А. В. Наумов в монографии, опубликованной за три года до выхода в свет книги А. А. Зиновьева, также анализирует пока еще остающийся трудным для нашего общественно- и правового сознания вопрос о массовых репрессиях 30-х гг. XX в., включая уголовно-правовую оценку действий их непосредственных организаторов. Эта оценка опирается на строгое соблюдение ее автором требований методологии исторического исследования. Используя опубликованные официальные документы, проведя анализ уголовного законодательства этого периода развития советской государственности, материалы срежиссированных Сталиным судебных процессов над лидерами и участниками оппозиции, официальные данные о судимости, статистические показатели общеуголовной и политической (реальной и мнимой) преступности, наконец, воспроизведя наиболее показательные фрагменты из художественных произведений О. Мандельштама, А. Платонова и других писателей, отражающих практику организованного властью террора в отношении разных слоев населения страны, профессор А. В. Наумов формулирует ряд выводов, логически вытекающих из методологии проведенного им исторического научного исследования. По его мнению, массовый террор, осуществлявшийся посредством выстроенного под это уголовного права, явился, во-первых, необходимым средством удержания в повиновении и в страхе населения страны, попавшей в результате некомпетентной политики властей в тяжелейшие материальные условия (жилищные, бытовые, продовольственные). Во-вторых, средством борьбы с любыми инакомыслящими, с любым отступлением от политических директив или их критикой. Традиция борьбы российской власти с инакомыслящими с помощью уголовно-правовых запретов в монографии Анатолия Валентиновича убедительно продемонстрирована на примере творчества Александра Радищева, которого он называет отцом российской судебной (юридической), в том числе и уголовной, статистики, Н. Г. Чернышевского, Ф. М. Достоевского, А. И. Солженицына и других мыслителей. В-третьих, массовый террор явился оправданием грубейших ошибок руководства, допущенных им при форсированной модернизации путем ускорен-

ной индустриализации и коллективизации. Наконец, в-четвертых, по мнению А. В. Наумова, принудительный труд жертв массового террора явился необходимым средством осуществления руководством страны намеченного им курса модернизации [1, с. 592].

Акцентируя внимание на этих выводах, можно назвать основополагающую идею двухтомной монографии профессора А. В. Наумова, обращенную к ее читателю. Суть ее, как представляется, состоит в стремлении автора вразумить граждан, общество, а также власть в их отношении к уголовному праву как к такому инструменту государственной правовой политики, который должен использоваться как крайнее средство разрешения возникающих идеологических, социально-политических, экономических и правовых коллизий и конфликтов. На примере трагических судеб выдающихся отечественных мыслителей, различных слоев наших соотечественников в книге на высоком научном и художественном уровне постулируется убеждение ее автора в том, что с помощью преступления и наказания недопустимо бороться с идеями, так же как и недопустимо превращать уголовное право в «рабочий» инструмент для решения политических и социально-экономических задач. Эта авторская позиция, отвечающая высоким мировоззренческим цивилизационным стандартам, общеправовым и уголовно-правовым принципам нашла свое отражение и во втором издании монографии. В предисловии к нему А. В. Наумов подчеркнул, что на новое издание своей книги его сподвигло «желание оценить деятельность законодателя в уголовно-правовой сфере за пять прошедших лет» [2, с. 3], которая негативно сказалась на деятельности суда и правоохранительных органов, особенно это касается практики борьбы с преступлениями в сфере экономической деятельно-

сти. Убедительные примеры такой негативной практики правотворчества и правоприменения исследованы автором на примере ряда громких уголовных дел возбужденных в отношении предпринимателей, анализируя которые, А. В. Наумов акцентирует внимание на правотворческих и правоприменительных ошибках, лежащих в основе подобного рода практики [2, с. 446–515]. Разумеется, исключение таких ошибочных решений возможно при наличии прежде всего определенных законодательных усилий в направлении усовершенствования уголовного законодательства, отвечающего реалиям современной, в том числе и экономической жизни. Поэтому, обращаясь к законодателю, А. В. Наумов рекомендует твердо усвоить два обстоятельства: 1) существуют известные пределы возможностей уголовного закона как инструмента для достижения политических и социально-экономических целей и 2) самым главным поводом для внесения соответствующих изменений в уголовное законодательство является (должно являться) обнаружение в нем подлинных пробелов (в уголовно-правовом регулировании) [2, с. 632]. И все же главная проблема правоприменения и законности, по мнению, А. В. Наумова, «заключается не в уголовном праве, а в нашей сложившейся уже в постсоветское время судебной системе. Сами по себе уголовно-правовая политика и уголовное законодательство ничто без судебной системы. И настоящее реформирование судебной системы, процессуального законодательства во сто раз важнее изменения законодательства уголовного» [2, с. 632]. Сеем надеяться, что внимательный и вдумчивый читатель, осмыслив историю преступления и наказания в России в ее фундаментальном изложении, осуществленном профессором А. В. Наумовым, не может не согласиться с вышеприведенными выводами.

Пристатейный библиографический список

1. Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России : в 2 ч. Ч. 1. М. : Юрлитинформ, 2014.
2. Наумов А. В. Преступление и наказание в истории России : монография : в 2 ч. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2021.
3. Алексеев С. С. Право : азбука, теория, философия : опыт комплексного исследования. М. : Статут, 1999.
4. Зиновьев А. А. Русская трагедия. М. : Родина, 2018.

References

1. Naumov A. V. Crime and Punishment in the History of Russia. In 2 parts. Part 1. Moscow: Yurлитinform, 2014.
2. Naumov A. V. Crime and Punishment in the History of Russia: Monograph. In 2 parts. Moscow: Prospekt, 2021.
3. Alekseev S. S. Law: ABC, Theory, Philosophy: Experience of Complex Research. Moscow: Statut, 1999.
4. Zinoviev A. A. Russian Tragedy. Moscow: Rodina, 2018.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ИЗДАНИИ

ВАДА – Всемирное антидопинговое агентство

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

ГАИ – Госавтоинспекция

ДТП – дорожно-транспортное происшествие

МВД – Министерство внутренних дел

МИД России – Министерство иностранных дел Российской Федерации

Минфин России – Министерство финансов Российской Федерации

Минюст России – Министерство юстиции Российской Федерации

млн – миллион (-ы)

МЧС России – Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

НАТО – Организация Североатлантического договора

НКЮ – Народный комиссариат юстиции

ОВД – органы внутренних дел

ООН – Организация Объединенных Наций

п. – пункт (-ы)

Рособрнадзор – Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки

Роспотребнадзор – Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека

Росреестр – Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии

РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РФ – Российская Федерация

СЗ – Собрание законодательства

СНК – Совет народных комиссаров

ст. – статья (-и)

СУ – Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства

США – Соединенные Штаты Америки

УИС – уголовно-исполнительная система

ч. – часть (-и)

ЮАР – Южно-Африканская Республика

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К РУКОПИСЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ»

Редакция журнала «Вестник Российской правовой академии» (далее — Вестник РПА, журнал) принимает к рассмотрению рукописи статей при условии:

- соблюдения требований, предъявляемых к рукописям, направляемым в редакцию журнала;
- соответствия представленных материалов общей тематике журнала и его рубрикации;
- соблюдения публикационной этики, правил приема и рецензирования рукописей статей.

Рукопись статьи должна содержать обоснование актуальности, научную новизну, оригинальность, апелляцию к оппонентам, наличие дискуссии, выводы, отражающие основные результаты проведенного исследования. Стиль статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к научным работам, не являться публицистическим. Автору следует избегать использования цитат из популярных журналов и газет, ссылок на высказывания по телевидению. Ссылки на интернет-источники должны соответствовать ГОСТ.

Рукопись статьи не должна содержать выдержки из диссертаций, монографий, учебной литературы, иных научных и учебно-методических работ. Не принимаются материалы, опубликованные ранее в других изданиях, в том числе самим автором рукописи. В случае направления рукописи статьи одновременно в редакции нескольких изданий автор обязан известить об этом ответственного секретаря журнала Вестник РПА.

Тексты статей принимаются исключительно в случае, если они соответствуют следующим техническим требованиям:

- объем – не менее 12 страниц формата А4;
- шрифт – Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал – 1,5;
- поля – по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ – 1 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте;
- ссылки затекстовые в виде нумерованного пристатейного списка, в тексте использовать квадратные скобки с указанием номера издания и страницы (например, [1, с. 5]);
- в рукописи допускается размещение рисунков и таблиц. Рисунки и таблицы выполняются на отдельных листах. Для рисунков необходимо использовать черный краситель, фотографии не глянцевать. Электронные версии рисунков и фотографий подготавливаются в редакторах Photoshop (*.tif, *.jpg, *.psd, разрешение 600 dpi) или InDesign — отдельными файлами на одну иллюстрацию с приложением их распечаток. Электронная версия текста, таблиц и формул дается в формате RTF.

Автор в обязательном порядке должен представить на русском и английском языках следующие сведения:

- фамилию, имя (полностью), отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail, город, корреспондентскую контактную информацию (почтовый адрес для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), контактные телефоны;
- название статьи;
- аннотацию статьи;
- ключевые слова статьи;
- пристатейный библиографический список, составленный согласно действующим национальным и международным стандартам.

Объем аннотации от 1000 печатных знаков. Аннотация должна содержать актуальность, предмет, цель работы, методологию проведенного исследования; отражать основное содержание и новизну статьи, основные результаты; область их применения, выводы. Аннотация и ключевые слова должны соответствовать теме статьи и ее содержанию.

Редакционная коллегия журнала осуществляет проверку текста статьи с помощью системы «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 60 %. Остальные 40 % текста могут составлять надлежащим образом оформленные цитаты из литературных и иных источников, выдержки из законодательства, а также научные клише, стандартно используемые в публикациях подобного рода.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются. Рукописи и направленные с ними иные материалы авторам не возвращаются.

Более подробная информация представлена на сайте журнала: <http://journal.rpa-mu.ru>.

**ВЕСТНИК
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ**

Научно-практический журнал
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

№ 4 / 2020

Редактор: *О.В. Виноградова*
Дизайн обложки: *Ю.С. Соколова, А.А. Нехай*

Подписано к печати 29.12.2020. Формат 60x90 1/8. Печ. л. 15,5.
Бумага офсетная, шрифт Myriad Pro.
Заказ №

Адрес редакции:
121096, г. Москва, ул. Олеко Дундича, д. 11
Тел.: +7 (499) 963-01-01 доб. 6025.
E-mail: journal@rpa-mjust.ru
www.journal.rpa-mu.ru

Издатель:
ООО «Издательство «Деловой стиль»
1119602, г. Москва, ул. Тропарёвская, владение 4, этаж 2, комн. 802.
E-mail: justice@ds-publishing.ru
www.ds-publishing.ru

Типография:
АО «Т 8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, кор. 5.
Тел.: +7 (499) 322-38-30, +7 (499) 322-38-32.
E-mail: info@T8print.ru
www.t8print.ru

ISSN 2072-9936

9 772072 993603